

АЛЕКСАНДР ДУБОНОСОВ

2

БОГАТЫРЬ

И ЗВЕЗДА СВАРОГА

Что ж, хотел свободы — получил княжество!

Хотя, если правильно сказать — работу на князя.

Зато, теперь есть и девки, и слава, да и что ещё нужно доброму богатырю?!

Правильно, нужны чудища!

Как раз этого добра в Сварге навалом!

К тому же под самым боком одна подколодная змеюка плетёт против меня козни, точит зуб старый враг, а в Темнолесье объявилась доселе невиданная опасность...

И опять разбираться со всем этим лишь мне одному!

Ну, раз так, то вдохнул, выдохнул и — вперёд!

Пролог

Последний луч заката только скрылся среди деревьев, погрузив во мрак ночи небольшое, но всегда аккуратное и ухоженное подворье старика.

Одна единственная масляная лампа освещала небольшой участок двора, привлекая светом суматошно жужжащих мотыльков.

Старик только вчера примотал её к длинной, хлипкой жерди и наспех приколотил к стене дома.

После того, как он спровадил Яромира, больше не кого было гонять по крышам и деревьям.

А в его возрасте уже сильно не поскачешь. Чай, не двадцать зим от роду.

Да и не Траяна же посылать наверх с молотком в зубах?

Так что: держится деревяшка, ну и нехай с ней...

В этот вечер, старик, по привычному обыкновению, сидел на скамье перед домом и небольшими горстями бросал пшено курам, которые, громко кудахча, рьяно сражались друг с другом за каждое зернышко.

Обычно, куриная возня позволяла ему отвлечься от гнетущих мыслей, но в последнее время даже это уже не доставляло старику никакой радости.

Съедала тоска и необъяснимое чувство беспокойства.

Только от чего?

Этого он и сам не знал.

В самой глуши Темнолесья, где он спрятал своё подворье, никто и ничто не могло причинить им с Траяном вреда. Старик об этом хорошенечко позаботился.

И, всё же, уже как несколько дней не отпускало ощущение неотвратимо надвигающейся опасности.

Траян, с самого ухода Яромира взволнованно наблюдавший за печалью и тоской хозяина, громко зашлёпал большими губами, в надежде хоть в этот раз привлечь внимание старика.

К его большому удивлению, ему это удалось.

— Зря стараешься. — холодно бросил вопрошающему коню старик, угрюмо зыркнув на него исподлобья. — Аз ведаю, оже ты по нему тоскуешь. Признаюсь, оже и аз... Но, это пойдёт ему на пользу. Несмышленный, околдованный мальчишка...

Траян заржал и недовольно цокнул копытами по пряслам.

— Говоришь, он сам виноват? — старик осторожно поднялся со скамейки и подошёл к

калитке загона. — Гляжу, оже ты ещё не растерял былой мудрости. Полностью с тобой согласен. Ему такой урок необходим, может, таки и ума наберётся... Тем более, сам знаешь — сейчас ему там спокойнее будет. А у нас же с тобой и без него забот хватит...

Последние три зимы выдались на удивление мирными.

Деревенские работой особо не докучали, но и в припаса старику не отказывали. Помнили, сколько всего он для них сделал. Уважали!

Последний раз старик ещё тем летом разогнал разбушевавшихся банников, и с того времени ни Темнолесье, ни Туманные топи не преподносили ему больше никаких сюрпризов.

Так сказать — тишь да гладь, если не считать лешего, случайно забредшего на землю старика. Правда, и тот поспешил скрыться куда подальше, во избежание лишних неприятностей.

Неожиданно, резкий порыв ветра со стороны реки сильно качнул деревья и лихо залетел под рубаху старика, обдав его спину ледяным ознобом.

— Не к добру... — пробурчал под нос старик и густо нахмурил брови. — Неужто нас раскрыли?!

Траян нервно заржал и стремглав бросился к загону коровы Милки. Точным ударом копыта он выбил подпорку массивной двери и тут же нырнул в темноту.

Старик же не паниковал и не суетился.

Он заведомо подготовился ко всяким возможным неприятностям.

Но что же это за "неприятности"? Случайно забредший отряд из Сталь-града? Кто-то из старых врагов? Так сразу и не скажешь...!

Уверенным, твердым шагом он зашёл в избу, через мгновение вернулся с перекинутой через плечо котомкой и пристёгнутой к ней мечом-кладеном. Конечно же, он никак не мог оставить и свой резной боевой посох.

Из загона Милки донёсся шум борьбы и на свет выскочил Траян, силой волоча сопротивляющуюся корову за как попало накинутую на шею верёвку.

Старик с невозмутимым видом отворил перед Траяном калитку.

Тут уже и Милка учуяла приближающуюся опасность, распушила хвост, раздула ноздри и стремглав промчалась мимо вперёд них в сторону леса.

Старик проводил её задумчивым взглядом и присоединился к Траяну, продолжившему носиться по двору и освобождать оставшуюся домашнюю скотину.

Новый, неожиданный порыв ветра чуть не сбил старика с ног и сорвал с жерди хлипко прикреплённую лампу.

Время будто замерло, пока старик и Траян смотрели, как лопается стекло лампы и горящее масло разливается по соломенной крыше, от чего та в одно мгновение покрывается неукротимым огнём.

Назад дороги у них больше не было...

К величайшему сожалению, старик быстро признал, что подворье им уже не спасти.

Не беда, это он тоже предусмотрел, как уже присмотрел и место для нового дома.

Сейчас же, осталось дело за малым: выяснить, кто за ними пожаловал и постараться выиграть время для Траяна.

— Спешу, уводи их! — прокричал он златовласому коню, старательно сбивающему копытом замок с дверки голубятни. — Аз задержу, оже там бы не скрывалось!

Да, с уходом Яромира, старик переключил всю свою заботу на птиц...

Старик вздрогнул от неожиданности, когда между его ног пронесся чёрный пёс и с громким, устрашающим лаем отважно влетел в темноту, на встречу неизвестной опасности.

На мгновение ветер стих и слышался лишь удаляющийся в глубь леса грозный лай пса, сменившийся протяжным, молящим, жалобным визгом.

Старик тяжело выдохнул, понимая, что пёс обратно уже не вернётся.

Траян, золотая грива которого в свете пожара заиграла яростными огненными бликами, громко пыхтя, встал подле старика, нетерпеливо разрывая копытом землю.

— Ценю твою отвагу, но защитить скот — важнее. Чай, аз и сам смогу о себе позаботиться!

Очередной порыв ветра налетел с совершенно другой стороны, сорвав остатки обугленной крыши с почерневших стропил.

Горящая солома разлетелась по остальным постройкам и в один миг вспыхнул уже весь двор целиком.

— Оглох?! А ну, давай, делай, оже велено! — гневно пробасил старик и Траян нехотя, но всё же послушался настойчивого приказа.

Он резко развернулся и погнал впавших в ступор овец вслед за Милкой, как на место, где он только что стоял, обрушились козлы и конёк крыши.

Старик же, не смотря на возраст, сумел среагировал на опасность, быстро отскочив от летящего на голову дерева в сторону.

Наконец, из темноты донёлся злобный, хриплый, ликующий смех, больше похожий на звериный, чем на человеческий, будто вырвавшийся напрямиком из самого Забвения.

Ветер усилился.

От едкого дыма слезились глаза и сковало грудь.

Чистого воздуха становилось всё меньше и меньше.

Медлить больше было нельзя.

Старик ударил посохом о землю, и волна воздуха разметала сгустившийся вокруг него дым в разные стороны.

Он знал, что мера эта крайне временная, поэтому тут же бросился в атаку.

Наконец неведомый враг объявил себя.

Возле калитки показалась высокая фигура в черном длинном плаще. Лицо незваного гостя скрывал тёмный балахон, из-под которого яростно сверкали два ядовито-зелёных глаза.

Незнакомец зашипел, и новый порыв ветра сорвал крушу с пригона, метнув её напрямиком в стремительно приближающегося старика.

Очередной удар посохом, будто незримой воздушной стеной, встретил приближающуюся опасность, как в спину прилетели обугленные обломки сарая.

От силы неожиданного удара старика отбросило в сторону. Горящие доски сильно обожгли руки и подпалили бороду, но он нашёл в себе силы выкарабкаться из-под них самостоятельно.

Злобный смех незнакомца победоносным гулом отозвался в его голове, а от устрашающей зеленой вспышки глаз по спине пробежал озноб.

Старик уже и не помнил, когда в последний раз он испытывал чувство страха, но сейчас его охватило именно оно...

Дым вновь заполнил округу, и старик безуспешно шарил глазами по земле в поисках выпущенного из рук посоха, как мимо, среди пуще прежнего разыгравшегося пожара,

промелькнула едва заметная тень.

Незнакомец был здесь не один...

Старик же с облегчением выдохнул, когда нащупал среди обломков край посоха, но, потянув за него, с нескрываемой досадой выругался.

Его любимое оружие крепко прижала к земле обрушившаяся стена сарая, а возиться с Кладенцом за спиной уже совсем не оставалось времени.

Он натужился, дёрнул изо всех сил, но доски так и не поддались.

Вновь накатиł холодный озноб.

Опасность!

Нечто, что он не успел разглядеть, вылетело буквально из ниоткуда и, врезавшись в бок с силой разогнавшегося быка, вновь смяла старика с ног, будто тряпичную куклу.

Его кубарем протащило по тлеющим обломкам и бок пронзила жгучая боль.

Отломившийся от стропил острый кусок деревяшки глубоко вошёл в живот.

Скверные дела!

Злорадный смех незнакомца, над поверженным стариком, смешался с приближающимся шкрябаньем когтей по земле.

Волколак?!

Похож..., неужто один из щенят Гривы стал таким самоуверенным, что всё же решился нарушить данную их отцом клятву?

Старик хотел повернуться, чтобы разглядеть нападавшего, но безуспешно.

Стоило ему пошевелиться, как увесистая туша твари навалилась на спину и намертво прижала к земле.

— Убей его медленно... — ледяным звоном металла, доносившимся будто из самого Забвения, нарушил молчание незнакомец. — Хочу, чтобы он страдал, как страдали мы!

Старик готов был поклясться, что знал этот, пробирающий до костей голос.

Теперь же он хотел лишь взглянуть в лицо его владельцу, чтобы окончательно убедиться в своих догадках.

Тварь не позволила, сильно надавив костлявой, когтистой лапой на голову.

«Сильная скотина...» — старик хаотично прокручивал в голове возможные варианты побега. — «Знать бы только, оже ты такое! Ну, сынок, где же ты...»

Но, для себя он с досадой признал, что оказался в безвыходном положении, если только...

Не вернётся Траян.

Плотно прижатое к земле ухо, среди треска и грохота рушащегося от разбушевавшегося пламени подворья, уловило слабые вибрации приближающихся копыт.

В груди затаилась надежда.

Из приближающейся к шее пасти твари жутко разило тухлятиной и на мгновение хватка твари ослабла.

Отвлёк Траян.

Златогривый скакун, объятый пламенем, бесстрашно вылетел из пепелища, встретив бросившуюся на него тварь мощным ударом копыт, от чего ту, под треск ломающихся бревен избы, отбросило далеко в сторону и тут же поглотили дым и поднявшиеся в воздух искры.

Незнакомец яростно зашипел и в гневно махнул рукой наотмашь.

Языки пламени, точно подчинявшиеся его воле, со всех сторон устремились напрямиком на помешавшего его триумфу Траяна.

Теперь настала пора вмешаться и старику.

Хоть и тяжело ранен, но все ещё не убит! Значит, ещё ничего не кончено!

Он поднялся прямо перед мордой зажмурившегося в ожидании скорой гибели Траяна, бесстрашно выставив руку перед колдовским пламенем незнакомца.

Лицо старика почернело, устрашающий взгляд наполнился огнём, воинственно заплясавшим в глазницах.

Сама же огненная стена замерла в воздухе, прыгая по кончикам его пальцев и ожидая, воле какого из колдунов подчиниться.

Явно не ожидавший такого поворота событий незнакомец остутился, и старик тут же обрушил на него его же оружие.

Силы стремительно покидали его.

— Уходим, пока есть время! — старик с трудом забрался на спину специально присевшего для него Траяна. — Они вот-вот очнутся. В этой битве нам не победить.

Траян бросил взволнованный взгляд в сторону твари, гневно рычащей и безуспешно пытающейся вырваться из-под завалов.

Более не задерживаясь, он подхватил зубами котомку с все ещё крепко привязанным к ней Кладенцом и рванул напрямик через пожарище в сторону леса.

Когда Траян ускакал на приличное расстояние, старик закричал от боли и похлопал его по заготовку:

— Постой, передохнем. Погони не будет.

Траян, неуверенный в правильности решения, все же сделал, как было велено.

Они остановились на пригорке.

Старик стиснул зубы, задержал дыхание и резко выдернул всё ещё торчащую из бока деревяшку.

— Давай, сынок, подсоби старику.

Траян, чувствуя слабость хозяина и запах крови, тяжело вздохнул, выдохнул и плотно зажмурил глаза.

Его тело завибрировало, и золотая грива загорелась ярким солнечным светом.

Старик же плотно прижался к горячему телу своего волшебного скакуна.

От света Траяна, проникшего глубоко в рану старика, она покрылась коркой и кровотечение остановилось, как сами собой затянулись остальные раны и ссадины старика.

Закончив дело, Траян принял свой прежний облик, а старик выпрямился, широко расправив плечи, будто с ним ничего и не происходило.

— Пожалуй, стоит признать, оже мы с тобой излишне долго выжидали подходящего времени... Тьма набирает силу. Здесь бороться бессмысленно, значит и нам пришла пора оставить всё и осуществить задуманное! А с ними мы ещё поквитаемся...

Траян одобрительно заржал и скрылся вместе со стариком в темноте леса.

Сам же старик ещё долгое время ощущал сверлящий спину, злобный, торжествующий взгляд ядовито-зелёных глаз.

Глава 1: «Закрой рот и суй сюда пряник!»

Два с половиной круга.

Именно столько прошло времени с момента заступления Яромира в гридницу.

Приближался конец сечения — время обжигающего мороза и непроглядных метелей.

Вот только караульную службу никто не отменял и подошла очередь Гришки и Яромира

заступить в острог.

Старый караул поменяли по распорядку, на рассвете.

Со вчерашнего вечера страшно мело и Слав-город будто бы растворился за снежной пеленой вместе с жителями.

За целый день возле Сварожьих ворот не появилось не души, а с наступлением ночи пришла пора закрывать ворота и подниматься в относительно тёплый острог, чему продрогший от холода Гришка был несказанно рад.

По обыкновению, первым в ночь заступал Гришка, а Яромир должен был спать, только вот сон к нему всё никак не приходил.

Он ворочился с боку на бок, считал овец, вслушивался в завывания ветра, гуляющего над Славенкой за стенами острога, но всё без толку.

В итоге, плюнув на сон, Яромир натянул армяк поверх соболиной дохи и поднялся к Гришке на смотровую.

— Таки снова не спится? — спросил Гришка у Яромира, облокотившегося на покрытые льдом брёвна.

Яромир угрюмо кивнул.

— Тогда я пойду. Чего доброму сну пропадать?

— Стоять! А вдруг смотровой явится, увидит, как ты не по своему часу бока пролёживаешь и воеводе доложит?

— Так тебя что — Руевит просто так целым старшиной поставил?! Таки не замолвишь за друга словечко?

— Как-то в прошлый раз не помогло... — Яромир бросил на Гришку ироничный взгляд.

— Не напоминай! — Гришка насупился и сел в угол под факелом, до ушей натянув высокий ворот лисьей шубы. — До сих пор вонь от нужника в носу стоит... Это ты у нас весь такой из себя правильный. Как с утра встать, так ты первый. Как братоваться, то ты тоже первый. Как в какой дозор, так и тут ты впереди всех лезешь и меня за собой тащишь... Скажи, тебе просто любо над моими страданиями потешиться?

Яромир насмешливо хмыкнул:

— Для нас же стараюсь.

— Как же, «стараюсь», — передразнил Гришка. — Что ты — княжий брат, что я...?

— Ой, не начинай. — Яромир закатил глаза.

— Что «не начинай»?! Правда глаза колит? — в голосе Гришки проскользнула издёвка.

— Я к Игорю не спрашивался...

— И всё же. — Гришка плотнее закутался в мех шубы. — Какой чести только стоит каждый раз с ним в гридь выходить. Не говоря уже об охоте и нескончаемых пирах...

— Если хочешь — сам ходи! — пришла очередь Яромира надуть губы. — Он вчера опять предлагал перебраться в хоромы, и я снова отказал.

— Ну и дурак.

— Щас получишь! — Яромир гневно покосился на Гришку.

— Таки, разве я не прав? — Гришка высоко поднял рыжую бровь. — Сдалась тебе эта гридница? Пользуйся положением, пока дают! Ты же целый князь, а ковыряешься в грязи, как простой козодой. У тебя же может быть всё, чего только можно пожелать... И тёплая, мягкая перина, и любая баба на выбор! Эх, не жизнь, а сказка...

— Может я по-другому жить и не умею?! — негодуяще выпалил Яромир и ударил кулаком по бревну, от чего снег с покатою крыши смотровой шумно посыпался вниз. — Я

вырос в этом. Мне нравится такая жизнь... понимаешь? А все вот эти дела государства — не по мне. Ни гроша в них не смыслу! Пусть этим брат занимается, а мне с мечом и щитом в руках спокойнее будет.

— Зато люди как тебя любят... и воевода, раз до сих пор тебя терпит! Чего только цацка твоя стоит. — Гришка кивнул на висящий на поясе Яромира искусно вылитый серебряный клинок. — Кого ты там за неё уколол?

— Гуменника. — пробурчал под нос Яромир. — Этого я тоже не просил. Они сами.

— Так, если ты столько добра делаешь, сколько народ от самого князя никогда не дожждётся...

— Придержи язык! — Яромир одёрнул Гришку на полуслове. — Кто-то идёт. Не хватало, чтоб услышали, что ты тут мелишь.

Внизу, едва слышно, отворилась дверь острога, после чего последовал шум поднимающихся по ступеням шагов, в которых Гришка и Яромир признали тяжелую поступь воеводы Руевита.

Крышка смотровой отворилась и из караульной на свет поднялся Руевит, отряхивая от снега медвежьё шубу и шапку.

— Докладывайте, ерехвосты, кхе-кхе... — пробасил сквозь кашель Руевит. — как обстановка?

— Всё тихо, как всегда. — спокойно ответил Яромир, отвечая рукопожатием на протянутую воеводой руку. — В такую метель даже собаки не лают, чего уж про людей говорить.

— Вы же знаете, — задорно подхватил Гришка. — Что мимо нас и мышка не проскочит...

— Мимо тебя даже Скипер-змей пролетит — ты не заметишь! — нахмурил брови Руевит и потуже затянул Гришкин поясной ремень. — Поэтому, ты до сих пор ходишь с Яромиром... для всеобщего спокойствия.

Гришка поджал губы и многозначительно отвернул голову в сторону.

Руевит же вернулся к Яромиру:

— Сегодня поднял вопрос об организации отдельной дружины...

Яромир вопросительно поднял брови, а воевода продолжил:

— Надоел ты мне, юнец, со своим самоуправством, поэтому позволю тебе отобрать десять человек, чтобы помогли тебе город от силы нечистой избавить.

— Я же говорил, — Гришка и на радостях хлопнул Яромира по плечу. — что не зря всё!

— Ты-то чему радуешься? — снова нахмурился Руевит. — Ты же первый с ним и будешь!

Гришка мгновенно поменялся в лице и потупил взгляд.

— Ты же не успокоишься, герой елдовый, — продолжал Руевит, обращаясь к Яромиру. — Но, признаю, что твоя правда. Что-то зачатила сила тёмная в наши края наведываться. Злыдни, шишы и баечники — ещё куда ни шло, но следопыты всё чаще приносят дурные вести, что близ окольного попадаются следы упырей и вурдалаков, а у дворовых стала скотина пропадать. Это уже вызывает серьёзное беспокойство. Так что больше не будет нужды по ночам с гридни сбегать. Считай, старшина, что повышаю тебя до десятника.

Воевода пожал Яромиру руку, а Гришка от неожиданных новостей даже открыл рот.

— Когда приступать? — спросил немного ошарашенный Яромир.

— Как снег сойдёт, а пока — займёшься подготовкой, отберёшь воинов, обучишь своим премудростям. Чай, не в человека копьём тыкать придётся.

Яромир понятиливо кивнул.

— И ты, — воевода хлопнул поникшего Гришку по плечу, что тот едва сумел устоять на ногах. — Не вешай нос! Или, по-твоему, лучше нужники чистить? Так ты только попроси, это мы мигом!

Гришка исподлобья покосился на широко улыбающегося воеводу.

— Ну, смотрите в оба, а я пошёл дальше. После отсыпного жду обоих у меня. Я понятнее объясняю?

— Понятно, батя! — в один голос ответили они.

— То-то...! — протянул Руевит, спустился в караульную и Гришка поспешно закрыл за ним крышку.

Дождавшись, пока воевода скроется из виду, Гришка снова забился в угол под факелом и достал из-за пазухи большой кусок вяленой говядины:

— «На нужники захотел, это мы мигом!». Тьфу! — передразнил он воеводу и смачно сплюнул на пол. — Ты доволен?

— Чему? — Яромир постарался сделать вид, что ничего не произошло.

— Опять придуряешься? — Гришка с трудом оторвал зубами кусок от сухого мяса. — Ладно раньше, хоть на детинце крутились, таки теперь придётся по лесам лазить, с пёс подери чем, да, в добавок, что всеми силами будет пытаться тебя сожрать!

— Уже труханул? — Яромир задорно подтолкнул Гришку в ногу.

— Не забывай, что тут только у тебя и у князя силушка богатырская... — с явной досадой бросил Гришка в ответ. — Вспомни, каким мучением для меня были первые два круга!

— Да-а... — протянул Яромир и задумчиво почесал поросшую жесткой щетиной бороду. — Ты же с удивительным постоянством не мог нормально справиться ни с одним наказом Руевита. Всегда самый последний в беге, всегда самый слабый в братовстве...

— Спасибо что напомнил... — ещё больше надулся Гришка.

— Но, никогда не сдающийся! — продолжал Яромир. — Зато теперь посмотри на себя! Ну, чем не воин?

Гришка поднял на Яромира полный недоверия взгляд.

— И, вообще, братьям стоит отдать должное. Хоть раз над тобой кто-то из них пошутил? Может быть они тебя унижали? Нет, всегда лишь только помогали! Даже воевода, когда орал...

— Да-да... таки делал это исключительно для моего же блага. — Гришка отломил половину от куска и протянул Яромиру.

— Вот именно! Благодарю. — Яромир принял мясо и продолжил. — Да и ты сам, посмотри, сколькому меня научил!

— Без меня, был бы ты при княжеском дворе сродни березовой чурке — такой же молчаливой и пустоголовой.

Гришка звонко постучал кулаком по деревянному полу и улыбнулся.

— Твоя правда, брат! — улыбнулся в ответ Яромир и всмотрелся в сторону города, где среди метели проглядывались редкие огоньки домашних свечей.

— Теперь нам в палаты точно дорога закрыта... — с досадой подчеркнул Гришка.

— И что до них?

— Как что? Возьми хотя бы красавиц служанок...

— На окольном девок всяких полно, сам знаешь, бери — не хочу. — с грустью возразил

Яромир, бросив взгляд на княжеский балкон. — Чем дальше от терема, тем лучше...

— Таки я знаю, почему ты хором так страшишься!

— Удиви.

— Княжна Марина.

— Возможно ты и прав... — при упоминании княжны у Яромира неприятно засосало под лопаткой.

— Да я больше, чем прав. — Гришка подпрыгнул на ноги и положил руку Яромиру на плечо. — Тебе страшно, что подумает Игорь, ведь все видят, как она на тебя смотрит. Как змея на мышку! И я, таки, тебе больше скажу: Игорь об этом тоже знает, но молчит, потому что ты на столько благоразумен, что не дал ему ещё ни одного повода.

— Странная баба! — вспыхнул Яромир. — Она же с самого первого дня не даёт мне покоя, как в штаны залезть не смогла, так теперь всячески старается очернить меня перед братом... Видел, как она каждый раз что-то шепчет Игорю на ухо, когда тот смотрит за нашими занятиями?

— Обычное состояние отвергнутой женщины, чему тут удивляться? — спокойно заключил Гришка и забросил в рот остатки мяса.

— И ещё... её глаза. Не находишь их странными?

— Ещё какими, как у кошки.

— Вот именно! Я не встречал ни единого человека с похожими. Только мне стоит переступить порог палат, как появляется чувство, что она начинает следить за каждым моим шагом, даже если её самой нет рядом. Колдунья, не иначе!

— Думаю, — Гришка прикрыл рот кулаком и громко зевнул. — Что однажды ты это выяснишь, а теперь я пошёл спать. Надоело зад морозить.

Гришка спустился в караульную, а Яромир остался на посту, всматриваясь в пролетающий мимо снег и думая, что же ему теперь делать дальше.

В середине березозола, когда большая часть снега уже сошла, заметно участились случаи нападения на скотину за пределами окольного города.

Тогда воевода и разрешил Яромиру приступать к выполнению своих новых обязанностей. Правда, вместо обещанного десятка ему дали всего четверых воинов, не считая Гришки.

Но и этого Яромиру оказалось вполне достаточно.

Уже к концу травного скромная дружина Яромира, смогла выследить вблизи Заречной заставы проклятое захоронение вурдалаков и упокоить их потревоженные души, за что получила от жителей Слав-города прозвище — «покойная бригада».

После такого успеха народ Слав-города пришёл к князю с прошением пустить по городским улицам патрули с целью отлова всякой нечистой силы, заполонившей город и ставшей сильно мешать мирной жизни.

Игорь, хоть и нехотя, но разрешение дал. Воевода освободил «покойную бригаду» от заступления в караул, но поручил Яромиру самостоятельно организовать новую дозорную службу.

Гришка убедил Яромира и Руевита посадить его в остроге, чтобы принимать жалобы населения на нечисть с понедельника по шестицу.

Остальные попарно должны были обходить город с обеда до полуночи.

Седьмицу и осьмицу воевода Руевит строго наказал оставить на общие занятия, а неделю завершали общим выходным.

На вторую пятницу изока Яромиру пришлось взять в город Гришку вместо нового ученика Потапа, так как тому разгневанный хлевник оттоптал ухо и подбил глаз, из-за чего было решено оставить его в остроге.

День выдался пасмурным и небо грозило дождём, но Гришка выглядел гораздо мрачнее любой тучи и Яромир прекрасно знал почему:

— Губы дуешь от того, что вытащили с насеста? — он шутливо подтолкнул насупившегося Гришку.

— «Вытащили с насеста...», тьфу! — передразнил в ответ Гришка. — Я прямо-таки горел от желания лазить с тобой по всякой грязи...

Гришка наступил ногой в свежую коровью лепешку и громко выругался.

— Ой, не бухти! — Яромир махнул на него рукой и свернул на узкую улочку, из далека которой доносился манящий аромат свежей выпечки. — Я знаю, как поднять тебе настроение.

— Ладно, — Гришка заметно повеселел и последовал за Яромиром. — Так и быть, повышаю тебя с королюбого до басалая!

— За что мне такая честь? — Яромир низко поклонился в ответ и рассмеялся. — Я же знаю, что ты ни за что не откажешься, чтобы не заглянуть на Хлебное подворье, а там твои любимые булочки и пышечка...

Яромир многозначно подёргал бровями.

— Сам ты пышечка! — Гришка набычился и легко стукнул закатившегося смехом Яромира в плечо. — А её Машенька зовут, чтоб ты...

Гришка не успел закончить, как Яромир резко одёрнул его за ворот. Чутьё подсказало...

На мощёную камнем землю, аккурат, где только что стоял Гришка, из окна второго этажа дома приземлился бочонок и разлетелся вдребезги, окатив брагой всех находившихся рядом.

Тут же внутри дома поднялся страшный гул.

Было слышно, как билась посуда и ломалась мебель. Следом, из того же окна, на улицу полетела кухонная утварь, за которой, уже из парадных дверей, охая и ахая, выкатился человек.

— Проклятый дух! Пошёл ты в гузно! Ик! — в стельку пьяный мужик с трудом встал на карачки и принялся гневно размахивать кулаком в сторону дома. — Чтоб тебе пусто было!

Яромир рукавом рубахи отёр лицо от браги и встал перед бранящимся пьяницей.

— Ну, кто там у тебя? — Яромир поднял пьяницу за шиворот, но тот сразу повалился обратно.

— Кикимора или анчутка, как пить дать! — разумничался Гришка.

— Бестолочь. — безнадёжно покачал головой Яромир. — Надо тебя чаще в поле брать... Кикимора близ воды охотится, а анчутки по предбанникам прячутся! Слушать лучше надо! Эй, ты, мужик, отвечай, когда спрашивают!

Яромир снова попытался поднять кряхтящего мужика.

— А тебе, ик, больше всех, что-ли, надо?! И ты пошёл в...! — пьяница попытался

толкнуть Яромира, но не сумел удержаться на ногах, рухнул на землю и громко захрапел.

— Эх ты, бросить бы тебя, паразита, самого расхлебывать, да больно я сегодня добрый. Пьянство — тоже хворь, её лечить нужно, — сочувственно вздохнул Яромир и обратился к Гришке. — Ну что, братец, успокоим беспокойного?

— Знать бы кого... — пробурчал Гришка и перемялся с ноги на ногу.

— Знамо кого, — улыбнулся Яромир. — Он своим пьянством довел домового до истерики. Теперь нужно как-то его ублажить, чтоб в овинника, или, того хуже — в гуменника не обернулся, иначе всё... Давай за мной!

Яромир прекрасно знал, как обращаться с домовыми. Старик его хорошо научил...

Они быстро пробежались по соседям, набрав пряников, печенюшек и молока, после чего вернулись к дому, в котором до сих пор продолжал буянить домовый.

— Значит так, Гришка! Сейчас мы с этим вот, — Яромир легко толкнул ногой храпящего на земле пьяницу. — зайдем внутрь, а ты дверь покрепче подопри и покуда я трижды изнутри не стукну — не открывай, а то тогда всей округе мало не покажется. Все понятно?

Гришка кивнул головой.

— Вот и славно... — Яромир схватил ворчащего пьяницу за шкуру и поволок его в дом, а Гришка захлопнул за ними дверь. — Сейчас будем тебя от пьянства лечить!

Внутри дома стоял полумрак, и из уже сеней виднелись последствия буйства домового: все убранство оказалось разбросанным, перевернутым да перебитым.

От поднятой в воздух пыли страшно свербело в носу и даже пятнистый кот, который, по обыкновению, должен был быть очень дружным с домовым, со страху забился в угол.

«Плохо дело...», — подумал Яромир, вернулся к пьянице и, сильно похлопав его по щекам, привёл в чувства.

— Щас тебе покажу, скотина... — пьяница хотел закричать, но Яромир вовремя зажал его рот ладонью.

— Себе покажи, пьянь! — прошипел Яромир. — Слушай меня внимательно. Сейчас я пойду наверх и, чтобы там не случилось, ты поставишь вот это молоко и вот эти кушанья за печную трубу, а сам тихонечко спрячешься в углу, да чтоб писка от тебя не было, пока я не скажу. Понял меня?

Пьяница фыркнул и, еле перебирая ногами, добрался до печи. С огромным трудом ему удалось поставить кувшин на нужное место, и, прихватив с собой один пряник, он сел в угол и стал что-то бормотать под нос.

«Ну, хоть так», — подумал Яромир и поглядел на покрытые пылью и тряпками ступеньки. — «Пора и домового к столу пригласить».

Но не успел он сделать и пары шагов, как спину обдало холодом.

Сверху, словно вихрь, разметая пыль, по лестнице пронесся домовый.

Дух отбросил Яромира с такой силой, что тот пролетел через всю комнату и ударился о противоположную стену, сбив дыхание.

Яромир отёр глаза от пыли и поднял взгляд.

Воздух гудел, вибрировал, клубился и вертелся, затягивая пыль и обволакивая духа, придавая ему телесную форму.

Комок пыли и грязи быстро раздулся до размеров среднего колеса и подлетел к Яромиру.

«Если сразу не напал,» — быстро сообразил Яромир. — «Значит не знает, что со мной

делать. Хорошо!»

— Гой еси, батюшка домовой! — не поднимая головы, начал громко говорить Яромир. — Не со злым умыслом, а с намерением добрым и кушаньем сладким мы в твой дом пожаловали! Соседушка твой кается в обиде тебе учиненной и стол для тебя накрыл, в знак сожаления и надежды на дружбу крепкую! В углу твоём лакомство стоит, тебя дожидается!

Гул домового стал тише и, развернувшись, он направился к печи.

Тут, под взор домового попался пьяный хозяин, дрожащий в углу с обещанным для него пряником в руках.

Дух, ещё больше разозлившийся от такой наглости, загудел и завертелся пуще прежнего.

В облаке пыли проявились два больших глаза и открылась зубастая пасть. Следом, из пыли выросли лапы с длинными острыми когтями.

У Яромира перехватило дыхание. Даже ему, повидавшему всяких чудовищ, от вида домового стало жутко.

Пьяница, забившись в углу, что есть мочи драл глотку.

По его ногам потекло, а волосы поседели.

С громким ревом домовой бросился на бывшего хозяина, но Яромир в последний момент успел прыгнуть на него, накрыв белой простыней и придавив своим телом сверху.

— Закрой рот и суй сюда пряник! — крикнул Яромир пьянице, изо всех сил стараясь удержать вырывающегося домового. — Быстрее!

Яромир слегка приподнял край простыни и пьяница, трясущейся рукой, кинул в щель то, что осталось от пряника.

Из-под простыни послышался хруст сладости и сопротивление домового стало ослабевать.

— Ещё один, шевелись, калоша!

Пьяница схватил с печи второй пряник и бросил вслед за первым.

Домовой стал уменьшаться в размерах.

Яромир, кивком головы, указал пьянице сесть обратно в угол и, резким движением сдернув с духа простыню, сразу же накрыл ей трясущегося мужика.

Гудение прекратилось и комнате воцарилась тишина, нарушаемая только тяжелым дыханием Яромира.

Когда он сдернул простыню с пьяницы, то от злобного пыльного духа не осталось и следа, а вместо него на шестике печи сидел крохотный улыбающийся старичок и побалтывал маленькими ножками.

— Ну что, хозяин, будешь еще пьянствовать? — спросил Яромиру пьяницы и хитро подмигнул домовому.

Протрезвевший от увиденного мужик лишь отрицательно помахал головой.

— Вот и славно! А теперь попроси у своего дорогого соседа прощения, но только искренне, а то гляди, он снова разгневаться может. Я тебе уже тогда не помощник!

Хозяин дома упал перед домовым на колени, заливаясь всевозможными извинениями и обещаниями.

Домовой же улыбнулся, кивнул головой и скрылся за печной заслонкой.

Яромир, улыбающийся от проделанной работы, трижды ударил в дверь и Гришка тут же её отворил.

К большому удивлению Яромира Хлебное подворье оказалось заполненным народом.

Люди при виде Яромира стали его восхвалять, свистеть и бросать в небо шапки, как

будто он не просто успокоил домового, а в одиночку защитил целое княжество от неведомой страшили.

С этого момента молва об отважном усмирители нечисти, словно горячие пирожки, поползла по всей округе...

Глава 2: «Ночь — его время!»

Он не простил.

Ни себя — за то, что проспал и не пришёл другу на помощь, ни тех, кто убил его.

Столько трудов, чтобы вырвать лютоклыка из цепких лап упыря и ещё больших, чтобы самому найти с ним общий язык.

Немыслимо, но ведь у него это получилось!

Он был так счастлив, что теперь, впервые за сотни лет бессонного одиночества, можно наконец-то расслабиться и спокойно заснуть.

Ох, как же невыносимо он скучал по сну!

Надо же было Отцу так извратиться над его видом, что только в паре они могли полноценно существовать.

И надо же было этому гадкому, подлому божку со своими дрянными отпрысками тысячу зим назад наткнуться на их гнездо...

Как же радостно, что он всё-таки помер и кожаные мешки с мясом осталось без главного покровителя!

Хотя, от гнетущей тоски по потерянным родичам зачастую и самому очень сильно хотелось умереть.

Длительное одиночество сводило его с ума...

Да и кто по своей воле захочет водить дружбу с последним из чертей Шепчущей равнины?

Казалось, что с появлением лютоклыка теперь-то всё должно было наладиться и в какую же ярость он пришёл, когда вместо ждущего его верного друга обнаружили лишь его обугленные кости.

Теперь у него появилась цель — отомстить!

Следы подсказывали, что здесь топталась четырехногая скотина и два мясных мешка.

Что это? Засохшая капля крови осталась на камне! От восторга и будоражащего предвкушения предстоящей охоты затряслись лапы и свело под лопаткой.

Этот запах он никогда ни с чем не спутает!

Сладкий, терпкий, с нотами полевых цветов и пьянящих ягод — так могла пахнуть только кровь от крови ненавистного Славомира!

Жажда мести перевалила все мыслимые границы, и он пополз по земле, неуклонно следуя за запахом, ведущим далеко в глубину конопляного поля.

Чёрт уже сбился со счета, сколько прошло времени, пока он без устали преследовал свою жертву.

Голод сводил с ума, но он терпел. Нельзя было позволить чужому запаху сбить его со следа, ведь другого шанса поквитаться с обидчиком ему уже может не представиться.

Он чувствовал, что всё ближе и ближе приближается к цели, когда, в один из дней, его нос уловил ещё один запах, крайне отличный, но в то же время сильно похожий на первый.

Значит, таких, как его жертва, двое? Что ж, так даже лучше!

Жажда крови усилилась пуще прежнего, когда перед истекающим слюной чёртом

раскинулся большой город.

Десятки тысяч запахов, таких доступных, на любой вкус и цвет, кружили голову! Ешь — не хочу!

Пожалуй, решено!

После того, как он вдоволь насытится этими недобожками, то обоснуется здесь насовсем.

Ведь с его-то талантами и способностями мало кто сможет ему противостоять.

Несмотря на это, следует соблюдать осторожность.

Чем дальше людишки не догадываются о его присутствии, тем лучше.

А коли прознают, то придётся снова слушать их крики, прятаться от облав. Того и гляди, начнут тыкать факелами в морду.

Нет уж, низкий поклон, проходили...!

Потому, дальше чёрт решил действовать исключительно по ночам.

Ещё несколько дней он ползал по задворкам окольного города, изучая окрестности и таящиеся в них возможные угрозы. Мало ли что могло скрываться в этом громадном людском поселении.

Конечно, ему доводилось промышлять в крупных деревнях, но здесь всё было совершенно по-другому.

Эти широкие улицы, высокие деревянные укрытия — он просто не знал с чего ему начать.

Жутко хотелось есть и держать себя в руках уже почти не оставалось сил.

Но цель его всё так же оставалась неизменной, потому, уже на следующий вечер, он, скрываясь в тени Пасадских подворотен, полез дальше, туда, куда неумолимо вёл запах «особой» добычи.

Здесь пёстрая вереница ароматов на время сбила его со следа.

Отпрысками Славомира пахло везде, от чего чёрт долго метался на одном месте, никак не решаясь, в какую сторону ему следовало двигаться дальше.

К середине ночи, когда яркая луна на безоблачном небе ярко освещала город, он вскарабкался по стене на крышу одного из высоких домов и уселся на коньке.

Нет, из-за сливающейся с тьмой шкурой он не боялся быть обнаруженным.

Ночь — его время!

И именно отсюда он увидел, куда ему следовало попасть: высоченная деревянная клетка, что расположилась в самом сердце этого людского поселения.

Где, если не там, могли скрываться потомки бога?

Ловко, практически бесшумно, перепрыгивая с крыши на крышу, он добрался до рва с водой и высокой стены из заострённых брёвен.

Разве может стать преградой какая-то там стена, когда у него были такие острые, цепкие когти?

Черт с силой оттолкнулся от крыши, без труда перепрыгнул ров и вцепился в стену, но тут же бессильно плюхнулся в воду.

С неопишуемой злостью и раздражением он снова и снова пытался забраться по стене, но каждая попытка заканчивалась полным провалом.

«Хитрые божки, надеются спрятаться от меня за заколдованным забором...» — пришёл он к досадному выводу и вновь вернулся на крышу, чтобы поискать себе новую возможность попасть за стену. — Как бы не так!

Неподалеку два мясных мешка, вооруженные острыми железными палками, стерегли перекрытый большой воротинной проход — единственный на вид способ попасть внутрь.

Внутри у чёрта приятно зачесалось.

Всего-то, подкрасться, отвлечь одного, свернуть шею другому и впиться зубами в пульсирующую тёплой кровью артерию первого.

Они даже опомниться не успеют..., а вдруг он не сразу найдёт внутри нужных ему людишек?

Как бы не бушевала жажда крови, он настойчиво решил продолжать оставаться незамеченным.

Он осторожно спустился на землю и, двигаясь вдоль стены, остановился у начала границы света, падающего от установленных по краям моста факелов.

Проще простого!

Чёрт подхватил камень и швырнул его в ворота.

Стражники испуганно обернулись на источник шума, чем он и воспользовался.

В два коротких, стремительных прыжка он сорвал факелы, сбросил в воду и тут же нырнул под мост.

Чёрт слышал, как быстро заколотились сердца мясных мешков, чувствовал вибрацию страха в их голосе, от чего расплылся в самодовольной улыбке.

Он осторожно выглянул из-за края и, убедившись, что страже сейчас было совершенно не до него, незаметно прошмыгнул к двери.

Но, только стоило ему коснуться её, как лапу обдало огнём и всё тело пронзила невыносимая боль. Шкура громко зашкварчала и чёрт не нашёл другого выхода, кроме как тут же сигануть в реку, ровно перед тем, как шум его трескающейся плоти привлёк стражу.

Теперь, желание попасть за стену стало для чёрта делом поистине маниакальным.

С добрый десяток ночей он ползал вокруг рва с водой, в поисках возможного лаза, но всё тщетно — крепость для него оставалась неприступной.

Пришла мысль проникнуть внутрь вместе со сменой караула, но и она отпала сама собой. Слишком много вооруженных людей.

К чему лишний раз рисковать шкурой?

Так всё и оставалось, пока в один из вечеров он не увидел его...

Чёрт, уже по обыкновению, сидел на коньке высокой крыши и наблюдал за главными воротами, когда они открылись и на мост вышел "он", в сопровождении ещё пятерых.

Среднего роста, светловолосый, широкоплечий, мясистый — он буквально заполнил улицу своим цветочно-ягодным запахом, от чего нюх чёрта чуть не свёл его с ума.

Чёрт глубоко впился когтями в конёк, от чего дерево лопнуло и громко затрещало.

Вот тот, ради кого он проделал такой огромный путь, проходит прямо перед ним.

Всего лишь какой-то прыжок сверху... А вдруг его спутники так же опасны?

Все опоясаны серебром, носят за спинами огненную воду — явно знают толк в охоте на его брата!

Нет, нет, это может всё испортить.

Нельзя забываться. Тот, что потомок Славомира, источает опасность, а чёрт далеко не глуп...

Тем более, где-то там, за стеной, скрывался ещё один.

Ничего-ничего, он подождёт! Он умел ждать.

Тем более, что теперь-то чёрт знал, как выглядит его жертва, потому больше терпеть

голод не было необходимости.

Пришла пора пировать!

С радостью на сердце, чёрт вернулся в окольный город, где до усрачки напугал первого встречного забулдыгу и высосал его досуха, спрятав тело в куче навоза.

Этому он научился у упырей. За долгие зимы его существования лишь их способ пропитания показался ему наиболее продуктивным, тем более что от поедания человеческого мяса страшно крутило живот.

Теперь стоило подкопить сил и найти способ попасть за ворота.

Долгие недели наблюдений за людишками не прошли даром.

Он прекрасно изучил их повадки, как и обычаи поведения стражи.

Так, раз в месяц, они пускали за ворота всех подряд, без разбора, лишь бы только мешки с мясом несли что-то с собой.

Другого пути достижения своей цели чёрт не видел.

Весь следующий месяц он копил силы, отлавливая одиноких пьяниц и распутных девок, чья горькая кровь оказалась ему далеко не по вкусу.

Чёрт настолько осмелел, что стянул глубокий мешковатый балахон одной из жертв и натянул его поверх шерсти, чтобы как можно больше походить на людишек.

Спрятав лицо под капюшоном, он начал бесстрашно выходить на улицы и днём, стараясь как можно больше копировать повадки людей и учиться сливаться с толпой.

В конце концов все его старания дали результаты и к следующему такому дню он был полностью готов!

Уже с утра выставили усиленную стражу и открыли ворота.

Люди, уже заранее собравшиеся в толпу, несли с собой различного рода съестные припасы и странные предметы, предназначение которых чёрту было неизвестно, да и его это не особо интересовало.

Сейчас он находился в самой гуще людского потока.

Чтобы не выделяться среди остальных, он заведомо выкрал у одного из свинопасов молоденького поросёнка, которого без особого труда волочил за собой на верёвке.

Ведь, по его мнению, людишки должны обожать молоденьких поросят, так же как он обожал маленьких детишек...

Он старался смотреть под ноги и по возможности не сталкиваться с окружающим, чтобы не привлекать к себе излишнего внимания.

И у него получилось!

С замиранием сердца он пересёк черту городских ворот, как тут же поспешил отвлечь одного из стражников наспех врученным ему поросёнком, а сам скрылся между ближайшими домами, все так же оставаясь совершенно незамеченным окружающими

Убедившись, что его никто не видит, чёрт нервно сорвал с себя раздражающее тряпье и всей грудью втянул воздух Детинца.

Приятное чувство победы дрожью пробежало по телу.

Он справился, сделал то, что ещё не удавалось ни одному из его племени, да что уж там — ни одному из чудовищ!

Теперь, дело за малым — отыскать проклятых славичей!

Он залез в один из погребов и терпеливо дождался ночи.

По улице Детинца туда-сюда сновала стража. Через двор незамеченным не прошмыгнуть, как не пройти и по крышам, так как на стенах также расположились

наблюдатели, внимательно следящие за всеми окрестностями.

Конечно, можно избавиться от них по одному, только на это уйдёт слишком много времени.

Придётся рискнуть.

Чёрт осторожно вышел из-за угла, прополз под телегой с соломой и хитро прячась в тени проследовал напрямик за двумя стражниками до самого терема.

Опрометчиво бесстрашно, но у него получилось.

На самом верху высоченного дома он разглядел распаханное оконце окно.

На этот раз когти без проблем цеплялись за брёвна, и чёрт легко смог добраться до цели.

Прошмыгнув внутрь, огляделся и расплылся в счастливом оскале.

Каждая крупица воздуха здесь была пропитана дурманящим запахом славной крови!

Вынюхать кого-то отдельно не представлялось возможным, потому он просто пополз по коридорам, в стойкой уверенности, что рано или поздно на кого-нибудь да наткнётся.

Голод усиливался с каждой минутой, как усиливалась и необоснованная тревога.

Что-то в этом месте вызывало в нём неподдельный ужас, будто помимо него здесь обосновался другой хищник, гораздо опаснее него самого.

Чёрт то и дело оглядывался, пугаясь каждого непреднамеренного шороха.

Спустившись на два этажа ниже, он наконец-то понял, что забрёл совершенно не туда.

Хотя, как сказать — «не туда»?

Из-под щели большой резной двери бил сильнейший запах славича. Слышался стук его могучего сердца, доносился тяжелый храп.

Вот он, всего лишь какой-то кусок деревяшки отделял чёрта от заветной цели и его месть была бы почти исполнена, если бы не одно «но»...

В этом человеческом гнезде несказанно разило Забвением.

Нечто гораздо могучее, древнее и опаснее самого чёрта уже заявило права на эти владения и на его жертву.

Забвение...

Его родина, край душ, туманная, каменная пустошь небытия. Княжество жизни и логово смерти. Пусть и прошли десятки столетий, но память о доме всё ещё прекрасно сохранилась, будто Отец только вчера вёл его с братьями в битву за Старград...

И, несмотря на весь его богатый опыт, сейчас, по-хорошему, ему следовало поскорее улепётывать, желательно куда подальше.

Чёрт недовольно зарычал и нехотя направился к выходу.

Какое разочарование и досада... Как же он раньше не почувствовал неладное?! Так бы и не полез сюда вовсе!

И что, всё его путешествие насмарку?

Ну уж нет! Он не уйдёт отсюда с пустым желудком!

Пусть путь к одному из славичей закрыт древним, но ведь оставался ещё один.

Неожиданно послышался шум многочисленных ног, лёгким гулом разносящийся по стенам терема.

Неужели он так долго провозился, что уже проснулись мешки с мясом?

Чёрт толкнул одну из дверей, что была поближе, та легко поддалась и во все его три глаза ударили яркие лучи рассвета.

Что ж, придётся схорониться и продолжить завтра.

Голод неприятно скрутил желудок.

Только он осторожно закрыл за собой дверь, как сбоку послышался шорох простыней.

«Вот и ужин! Или вернее сказать «завтрак»?» — чёрт глубоко втянул запах жертвы широко раздувшимися ноздрями на длинном носу.

Молочная кожа, молодая кровь... Что могло быть лучше?

Одним прыжком он оказался на белокурой девушке.

Что какая-то девчонка способна противопоставить ему — последнему чёрту Шепчущих равнин?

Лицо её застыло в гримасе ужаса, от страха закатилась глаза и она потеряла сознание...

К её же счастью, ведь она уже не чувствовала, как чёрт запустил острые зубы в шею, жадно, с причмокиванием глотая кровь.

Внезапно кто-то постучал в дверь, нарушив его нежданно подвернувшуюся трапезу.

Гости?!

Жажда крови так затуманила разум, что он напрочь забыл обо всякой осторожности.

Нужно было прятаться, только куда?!

И девку куда теперь девать?!

Комната совсем маленькая, а на улице полно людей. Просто так в окно не выпрыгнешь.

По одному, да даже небольшими группами, мешки с мясом для него не представляли опасности, но вот толпой...

— Алка, Алка, — настойчиво продолжал стучать в дверь мужчина снаружи. — Вставай, засоня, или я сейчас открою дверь и стяну тебя с кровати за ноги!

Чёрт раздраженно фыркнул.

Вновь придётся всё придумывать на ходу...!

Он в спешке накинул покрывало на девушку, прочертил на полу несколько кровавых капель, ведущих к открытому окну, а сам прильнул к потолку самого тёмного из углов, его серебристо-черная шерсть ярко блеснула и слилась с окружением, сделав своего владельца совершенно незримым для человеческого глаза.

«Глупые мешки с мясом будут искать упыря,» — явно довольный своей хитростью, улыбался он про себя. — «Я же посижу здесь до вечера, найду славича и вернусь туда, где меня уже точно никто не найдёт!»

— Алка, ну всё, я тебя предупреждал!

Дверь на удивление легко распахнулась и в комнату ввалился крепкого вида мужик.

При виде раскрытого окна и ведущих от кровати нитей крови, он с нескрываемой опаской приблизился к неосторожно смятому покрывалу.

Его лицо исказилось от ужаса, и он издал такой душераздирающий крик, что чёрту показалось, будто его услышал весь Слав-город.

— Кровосос! На помощь, кровосос! Срочно, зовите покойных...!

Мужик стрелой вылетел в коридор, а чёрт так и остался сидеть в углу в ожидании наступления темноты.

— Ну и что ты на это скажешь?!

Чёрта разбудил глубокий, грозный бас человека, больше походившего на медведя.

Солнечноволосый славич, тот самый, которого он встретил в переулке, склонился над кроватью и с особым вниманием разглядывал тело девушки.

«Что ж, поглядим, так же ли ты умён, как твой предок?» — про себя позлорадствовал

чёрт и продолжил пристально следить за каждым движением Яромира.

Глава 3: «Давай, Яромир, делай свою работу!»

Утро для Яромира началось беспокойно.

Хотя, какое там утро, разбудили его ещё с глубокой ночи, когда бравые соколики приволокли в острог замотанного в серебряные цепи перебаечника.

Что поделать, мужики ещё учатся обращаться с нечистью...

Яромиру пришлось нехотя подняться с кровати и на личном примере показать, как правильно следует изгонять проклятую душу усатого страшили.

Неугомонную, прозрачно-рыжую нечисть приковали к кольцам в каменном полу, посыпали серебряной пылью и развели огонь из засушенных листьев тысячелистника и молодых побегов крапивы.

Только перебаечник всё никак не унимался и опасно размахивал длинными усами, служившими его виду руками.

— Всё так, да не так. — спустился в подвал Яромир, зевая и почесывая прибитую подушкой шевелюру. — Дай угадаю, Бедабор накладывал цепи? Похвально!

Внимательно следящий за дёрганьем духа худощавый парень с смотрящими в разные стороны глазами, отёр лысый череп от пота и благодарно поклонился.

— А я травы зажёг! — тут же поспешил вставить своё слово сын княжеского конюха, бывший самым молодым в бригаде.

— Куда ж без тебя... — с лёгкой улыбкой подбил кудрявого глазастого юнца по плечу Яромир. — Раз так внимательно меня слушал, тогда ответь-ка мне, Митяй, почему наш перебаечник до сих пор не растворился в воздухе?

Митяй лишь недоуменно прохлопал неестественно большими карими глазами, но Яромир подметил, как старательно он искал в голове правильный ответ.

— Потому что перебаечник — не простой баечник, а вершинный. — пробубнил из угла, всегда молчаливый, широкоплечий Потап.

— Уже лучше, не ожидал! — удивлённо вздернул брови Яромир. — Если вспомнишь, как его угомонить, то на завтра дам отгул.

— На два дня! — Потап натянул довольную ухмылку и коварно прищурился.

— А будешь борзеть — посажу на навозную кучу и будешь всю ночь выслеживать овинника. — резко поставил на место ученика Яромир.

— Таки, лишь бы только кого-нибудь на что-нибудь посадить... — недовольно возмутился Гришка, спрятавшийся от остальных за стопкой жалоб. — Вот так и давай власть извергам!

— Ты вообще сиди со своими писульками и помалкивай! А то раскрякался...! — фыркнул на товарища Яромир и вернулся к Потапу. — Ну, знаешь или кто другой ответит?

— Вспомнил, вспомнил, голова! — радостно запрыгал Митяй. — Его надо...

— А ну, малявка, захлопнись! — рыкнул на Митяя Потап, замахнувшись увесистым кулаком от плеча. — Не влезай, пока взрослые говорят!

В одно мгновение Яромир оказался возле Потапа, схватил его за грудки и оторвал от земли:

— Слушай меня сюда, дубина ты стоеросовая, ещё раз увижу, услышу или прознаю, что ты кошмаришь кого-то из братьев — так отделаю, что мало не покажется! Усёк, Васёк?!

— Вот это уже речи настоящего головы! Уважаю! — одобрительно закивал последний

из членов "Покойной бригады" — бывший дозорный пограничья, заросший неопрятной густой бородой Айромир.

— Касается это всех! — Яромир ещё раз легко тряхнул Потапа, будто тот и не весил, как добротный боров, и поставил на землю. — Не потерплю никакого неуважения! Все мы здесь — братья и должны доверять друг другу целиком и полностью. Разлад приведёт лишь к нашей скорой гибели! Мы — едины и в этом наша сила! Только любовь и уважение к ближнему! Надеюсь, что все меня услышали! Повторять боле не буду!

— А вот это уже слова целого князя! — вновь подлил масла в огонь Айромир, за что тут же удостоился укорительного взгляда Яромира.

— За такое, если ты забыл, могут и языка лишить, — сурово и тихо процедил Яромир. — Или на кол посадить — это брат любит...

— Таки, я про что и говорю, — хихикнул из-за стола Гришка. — Вся семейка такая, лишь бы кого насадить!

Каменный подвал острога наполнился смехом, от чего перебаечник раздражённо заскрежетал цепями.

— Не забываете, зубоскалы, что у стен есть уши, так что следите, что мелите. — Яромир устало выдохнул и вновь вернулся к Потапу. — Ну, детина, давай, твоё право на ответ никто не отнимал.

Потап некоторое время недоверчиво всматривался в голубые глаза Яромира после чего всё же решил нарушить молчание:

— Его нужно рассмешить, только тогда спадёт защита и подействуют травы.

— Прекрасно, — одобрительно пожал ему руку Яромир. — Слово держу, потому завтра можешь в патруль не заступать. Я вместо тебя пойду.

Потап согласно кивнул и уже хотел было вернуться в свой угол, как его остановил Яромир:

— Куда намылился? — задиристо улыбнулся он Потапу. — Раз назвался груздем..., то давай, вперёд! Шути!

— Так это... — замялся Потап. — Я не умею.

— Эх...! — из-за стола поднялся Гришка, старательно разминая засиженные кости. — Пока растележитесь — скотина от старости подохнет! Всему вас учить приходится!

С крайне важным видом он вышел перед брыкающимся перебаечником и деловито подбоченился:

— Значит так, приبلуда, знал ли ты, что гузно в теле — самое важное место! Вот погляди на Потапа: он им и серет, им же и думает, там же у него чуйка, через него он принимает свои удивительные решения, исключительно с помощью него берётся за работу, на него же ищет приключений, а после он сам в нём же и сидит!

Теперь от накотившего приступа смеха не сдержался даже Яромир, не говоря уже об остальных.

Перебаечник же залился жёлтым светом, и со свистом растворился в воздухе, оставив после себя лишь горсть серебряной пыли и звон упавших на пол цепей.

— Напомню вам урок: меня учили, что почти над каждой тварью есть вершинная, та, что вроде бы точно такая же, но в корне отличающаяся от остальных. К каждому такому чудищу нужен свой, зачастую, крайне особенный подход. В нашем случае — перебаечник питается людским ужасом, наводит страхи, заполняет разум кошмарами и в отличии от простого баечника — в конце концов свою жертву убивает. А что у нас главное оружие

против страха? Правильно, смех...

Не успел Яромир закончить мысль, как по ступеням суматошно зацокали колодки приближающихся сапог.

«Такая спешка явно не к добру...» — в неприятном ожидании Яромир уставился на дверь.

Железная воротина с грохотом отворилась и в комнату влетели трое из дворовой прислуги:

— Беда, десятник, по твою душу! — начали испуганно перекрикивать они друг друга.

— Отставить гогот! Какая беда, чегостряслось?

— Нашу Алку, ну ту, что молоденькая банщица, кровосос пожрал! Воевода велел живо тебя к нему...!

— Кровосос значит... — задумчиво почесал щетину Яромир и гневно нахмурился. — Таким наглым, чтобы в княжеский терем полезть, может быть только упырь. Скверно... Ну всё, Потап, накрылся тазом твой выходной! Общая готовность через четверть часа. Будем брать гадину по горячим следам! И предупреждаю сразу, если это действительно упырь, то следует готовиться к самому худшему...

В тереме царила гнетущая атмосфера, а воздух широких коридоров наполнял запах смерти.

Дурное предчувствие накрыло Яромира уже на первых ступенях, где он и остановился:

— Поступим так: Гришка, Айромир и Бедабор — останетесь снаружи и поищите следы упыря. Начните от стены и дальше по закоулкам. Будьте внимательны ко всем подвалам и тёмным укрытиям, где может спрятаться создание размером с человека. Самое главное: без меня к нему не лезьте. Коли чего увидите — тут же отправляйте Гришку за мной, а сами постарайтесь отрезать ему пути отхода. Помните, что упыри до жути боятся света. Ну-ка, покажите шарики из теста, чеснока и лаванды?

Каждый из мужиков раскрыл небольшие мешочки, висевшие на поясе, и протянул Яромиру:

— Прекрасно! Если скотина полезет, тут же швыряйте это ему в пасть. Пусть подавится! Теперь, за дело! Потап и Митяй — пойдут со мной.

Все члены "покойной бригады" ещё раз перепроверили снаряжение и разошлись в разные стороны.

Внутри, возле большой лестницы, ведущей к княжеским покоям, Яромира и его спутников уже встречал взъерошенный воевода Руевит:

— Долго ходишь. — недовольно натянув верхнюю губу, негромко начал он. — Пойдём, разберёмся со всем, пока княже не проснулся.

— Брат ещё не в курсе? — удивился Яромир, следуя за торопливо поднимающимся по ступеням воеводой.

— Чем дальше он не знает, тем спокойнее нам будет... Сам же знаешь его буйную голову!

«И то верно...» — подумал Яромир, как в нос ударил неприятный, кислый запах, невольно заставивший его сморщиться. — «Ну и смердит. Такую вонь я точно ещё нигде не встречал!» Кто-нибудь ещё чувствует, чем тут воняет?

— Вздрючкой! — резко выпалил Руевит. — Причём и тебе, и мне.

Больше Яромир решил к воеводе под горячую руку с вопросами не лезть.

На третьем этаже они свернули в узкий темный коридор, ведущий к комнатам прислуги.

И чем дальше они шли, тем сильнее усиливался запах.

— Вот, девочка в этой комнате! — воевода указал толстым указательным пальцем на охраняемую дружинниками дверь.

Яромир и его постовые товарищи по цеху коротко поприветствовали друг друга глазами, после чего он припал на колени в поисках следов нападавшего.

К его досаде, на вековых половицах что-то разобрать совершенно не представлялось возможным.

Слишком уж много повидало это дерево, настолько, что уже и не отличить его старые шрамы от новых.

Перед Яромиром открыли дверь и сразу же поток ветра бросил в лицо запах запекшейся крови, перемешавшегося с неестественно кислой серой.

Именно её он смог совершенно точно разобрать.

Но старик никогда не упоминал, что упыри пахнут серой, а он в описании чудищ был страсть, как дотошен...

— Ну и что ты мне на это скажешь? — сурово пробасил взъерошенный воевода, первым вошедший в комнату.

Только Яромир сделал шаг за порог, как всё его нутро затрясло от ощущения таящейся здесь опасности.

Холодный пот ручьём бежал по спине и лбу, то и дело заставляя Яромира нервно смахивать его рукавом.

— Здесь ещё кто-то был? — поинтересовался Яромир у воеводы, пристально осматривая каждый угол комнаты.

— Проще сказать, кого тут не было.

— Упыря спугнули. — коротко заключил Яромир, проведя пальцами по следам зубов на теле Алки.

— Ни разу...! — возмущённо выпалил Руевит, принявшись нервно ходить по комнате. — За почти две тысячи зим ещё ни разу, ни одной скотской твари не удалось проникнуть за врата Сварога! Немыслимо! Ты понимаешь, что это я ещё, под угрозой порки, наказал Игорю не докладывать?! Как князь прознает, всё...! Пиши — пропало! Он с нас с тобой шкуру спустит, за то, что проворонили такое перед самым его носом! Так что давай, Яромир, делай свою работу! Хорошенько делай! Во что бы то ни стало нужно отыскать эту тварь и вернуть туда, откуда она вылезла!

— Это-то всё понятно... — Яромир провёл рукой по царапинам от когтей на полу и на оконной раме. — Пока что всё сводится к тому, что упырь поспешил улизнуть, как только открылась дверь. Одно только "но"...

Он вернулся к телу и глубоко запустил пальцы в рваную рану:

— Хоть, к моему огромному счастью, повстречать упыря лично мне не довелось, но я много раз видел последствия его охоты. И сейчас это вводит меня в ступор... У них два больших верхних клыка, что намертво впиваются в тело. Они оставляют после себя глубокие дыры, куда запросто проходит палец. В нашем же случае — рана рваная, каждый зуб — мелкий клык, расположенный в два чередующихся ряда...

— Чтобы отрывать куски мяса, а не высасывать кровь! — подхватил любопытно

выглядывающий из-за плеча Яромира Митяй.

— Именно... — задумчиво отодвинул его в сторону Яромир. — Упырь — в первую очередь животное, хоть и хитрая, но не изобретательная. Воевода, совсем ни разу не была замечена нечисть на Детинце?

— Славомир так зачаровал тын и петли, что ни одной твари силой их не взять, а от летающей приبلуды, сам знаешь, на стенах выставлены лучники. Птичка лишней раз не пролетит!

— Так-то оно так, — Яромир вернулся к следам крови на полу. — А если чудище смогло прошмыгнуть мимо стражи?

— Немыслимо!

— И всё же, — Яромир выглянул в окно. — Вчера был день Дара. Что если тварь проскользнула за стены вместе с людьми?

— Разумная нечисть? — Руевит постучал кулаком по лбу. — Головой ударился?

— Не спеши гневаться. Далекое не каждое чудище такое глупое, как мы себе представляем... Кто-то ещё пострадал?

— Доклада не было.

— Если это упырь, тогда трупы обязательно бы нашлись уже по утру. Они страшно жадны до крови и ни за что не упустят шанса её отведать. Упырю раз плюнуть разделаться даже с вооруженными караульными, но этот никого не тронул. Эту тварь вела своя цель, достичь которой она так стремилась, что нашла способ смешаться с толпой. Раз простая кровь её не привлекает, смею предположить, что конечной целью был я или князь... Иначе, больше не за чем. Обычной крови можно и в Окольном налакаться. Да хотя бы вон, на худой конец, свинью выловить — плёвое дело. Нет, эта скотина крайне целеустремлена. У нас, в остроге, всего один выход, и то там рама вылита из серебра, так что до меня было не добраться. Князя тоже никто не трогал. Вероятно, кровососа спугнул Аспид — он вечно трётся возле своей хозяйки. А эта девочка подвернулась ему по совершенной случайности. Нет, наш кровосос не сбежал...

Яромир оглянулся и, при виде недоумевающих лиц воеводы и мужиков, продолжил:

— Тварь ещё где-то здесь. Шкурой чую.

— Раз так, то перевернём весь терем вверх дном! — воскликнул воевода и уверенным шагом направился к выходу. — Не хватало, ещё чтобы какая-то скотина тут охальничать повадилась!

— Не спеши, батя, нет нужды далеко ходить.

Чёрт затаил дыхание.

Всё это время он пристально наблюдал за каждым движением Яромира, впитывая каждое его слово.

Смышлёный малый, этот славич. Быстро его раскусил.

Теперь вопрос, сможет ли он узнать, что чёрт все ещё был в комнате?

Дурманящий запах божественной крови болезненно сдавливал желудок.

Можно напасть сейчас. Всего-то семь мешков с мясом...

В первую очередь избавиться от богатыря. Чёрт чувствовал в нём большую силу, возможно, даже равную ему. Достойный противник, только зачем испытывать судьбу.

Ну и где оказались его родичи, что тогда так самоуверенно вышли биться на равных против детей Славомира?

Нет, он не был настолько глуп, потому славич умрёт первым.

От похожего на барашка юнца толку мало, как и от тех троих, что стояли возле выхода.

Слишком неуклюжи и заспанны, один хромой — лёгкая добыча.

Остаются двое.

Один в годах, что похож на медведя — явно опасен не меньше славича.

Второй — здоров, как бык. Молод и горяч. С ним, вероятно, придётся повозиться.

Решено, нужно нападать, как только выдастся первая на то возможность!

Яромир повернулся спиной к углу и глазами указал наверх.

Тут же, коротким жестом, приказал всем присутствующим незаметно подготовить мечи к бою.

Руевиту дважды повторять не пришлось.

— Раз утверждаешь, что это не упырь, тогда кто? — воевода насупился и осторожно закрыл дверь, загородив собой выход и давая знак дружинникам быть наготове.

Потап, быстро осознав замысел Яромира, отвёл Митяя в сторону и перекрыл выход к окну.

— Признаюсь честно, батька, не знаю. — Яромир, чувствуя присутствие чудища каждой волосинкой, медленно отступал к углу. — В одном уверен точно: тварь крайне опасная, так что смотреть нужно в оба глаза.

Ещё один шаг назад.

Лёгкая вибрация воздуха над ухом, и Яромир тут же упал на колени.

Нечто незримое глазу пролетело над головой и с треском врезалось в кровать.

Раздался лязг мечей и на мгновение комната погрузилась в напряжённую тишину.

Скрипнула половица. Яромир среагировал мгновенно.

Бросился в свободное пространство по середине комнаты и ударил ногой в пустоту.

Тяжелый сапог достиг невидимой цели и неизвестное существо гулко влетело в стену над кроватью, приземлившись на тело Алки.

— Митяй, пыль! — бросил Яромир замешкавшемуся ученику.

Митяй сорвал с пояса мешочек и размахисто вытряхнул его содержимое.

Мелкая свинцовая, вперемешку с серебряной, пыльца заполонила комнату, тут же дав свой эффект.

Воздух над кроватью исказился и проявилось оно: нечто, отдалённо напоминающее человека, покрывала серо-серебристая шкура.

Три очень близко расположенных глаза смотрели каждый в свою сторону. Вместо носа — поросячий пятак, а на голове четыре небольших приплюснутых рога. В довесок, ещё большего устрашения твари придавали два лошадиных копыта на задних лапах.

— Чёрт. — сквозь зубы процедил Яромир.

— И что с ним делать? — с тревогой в голосе выпалил Потап.

— Прикончить! — как всегда твёрдо пробасил Руевит. — Что встал, коли его!

Чёрт злорадно оскалился и издал что-то похожее на усмешку.

Он не собирався ждать пока на него нападут...

Первым делом, в Яромира полетело тело Алки. Следом — покрывало на воеводу.

От удара Яромира отбросило к противоположной стене, а чёрт тут же бросился на Митяя, метясь в легко доступную для когтей шею.

Коленки Митяя затряслись от неожиданно охватившего его страха, и он попятился назад.

Окровавленные зубы чёрта блеснули в солнечных лучах.

В приступе паники и полнейшей безысходности Митяй зажмурился, но раздался лишь истошный вопль Потапа.

Митяй открыл глаза и увидел перед самым лицом три истерично скачущих в глазницах зрачка чёрта, сжимавшего в зубах подставленную ладонь Потапа.

Здоровяк попытался ударить схватившую его тварь, но та с такой силой дёрнула головой, что оторвала его с места и швырнула в приближающегося со спины Яромира.

Струя крови от двух откушенных пальцев Потапа, брызнула на лицо Митяя, но чёрт на этом не остановился.

С боку он подловил движение выпутавшегося из тряпок воеводу и нырнул в сторону, ровно, когда меч Руевита уже метил в его шею.

Черт ловко проскользнул за спину Митяя, полоснул когтем под коленом и толкнул его на воеводу, чем помешал тому развернуться для нового удара.

Митяй у Руевит неуклюже завалились на кровать, в то время как длинная игла на тонкой цепи, умело брошенная Яромиром, пронзила плечо чёрта и пригвоздила его к двери.

Чёрт злобно закричал, схватился за звенья и потянул на себя.

Яромир не ожидал встретить такого сильного сопротивления, от чего не смог найти опору для ног и рухнул на пол.

Чёрт же с яростью вырвал иглу из плеча и неожиданно бросил её в несущегося на него, обезумевшего от боли Потапа.

Серебро, под треск плечевого доспеха, глубоко вошло в руку здоровяка.

Вспышка боли, поплывшая комната и проскочивший над головой чёрт — последнее, что запомнил Потап, перед тем как без сознания рухнул под дверь, чем помешал стражникам снаружи прийти им на помощь.

С диким, медвежьим рёвом воевода сбросил с себя ошалевшего от происходящего Митяя, но тут же получил копытом чёрта в грудь.

Кожаный доспех воеводы не позволил сильнейшему удару раздробить грудную клетку, но всё же не уберёт несколько рёбер от перелома. Руевит тяжело захрипел и вновь завалился обратно на кровать.

Чёрт на мгновение замешкался с выбором следующей цели, как лезвие меча Яромира дотянулось до его лапы, оставив после себя глубокий порез.

Другой такой ошибки он больше не допустит!

К следующему за первым ударом чёрт уже был готов.

Сноп искр, от соприкосновения с мечом Яромира, вырвался из-под копыт, после чего оружие отлетело к истекающему кровью телу Потапа.

Чёрт, в предвкушении отведасть славной крови, бросился на Яромира, но на половине пути остановился и взвыл.

Митяй, вовремя взял себя в руки и вонзил охотничий нож прямо между лопаток твари.

Глаза существа налились кровью и удар копытом отправил кудрявого юнца к окну.

Очередной напор на дверь, скрежет петель и в комнату ввалилась оставшаяся

дружина...

Глава 4: «Ну, скотина, будь по-твоему!»

Он в западне...

Тот, от кого он не ожидал угрозы, крайне неприятно смог застать его врасплох.

Жгучая боль выбила из равновесия. Он начал злиться, терять самообладание.

Этого допустить нельзя! Он больше не повторит ошибок своих родичей!

Подурачились, теперь пора уходить.

Здоровяк больше не помеха, как и тот, что походил на медведя — тоже. Барашек в отключке, а славич сбит с толку.

Отлично, остались только эти трое и путь к свободе будет открыт!

Дружинники ввалились в комнату вовремя, вселив в Яромира надежду на успех.

Правда ненадолго...

Озноб вновь пробежал по спине. Яромир почувствовал, что чёрт больше не собирался с ними играть.

Когти вновь сверкнули в солнечных лучах и вонзились первому дружиннику подмышку.

Короткий рывок и струя крови фонтаном ударила из вырванной руки нападавшего.

Его же беспомощно болтающейся рукой чёрт огрел по голове застывшего в ужасе второго.

От удара воин отлетел в сторону, споткнулся о тело Потапа и неудачно завалился в угол, где стоял рундук хозяйки.

Раздался хруст ломающейся шеи, смешавшийся с яростными воплями оставшегося последним дружинника.

Он беспорядочно махал мечом, в надежде отогнать чёрта подальше, но коварное существо выждало момент, припало к полу и дёрнуло его за ногу, повалив на пол.

Тварь уже готова была наброситься на незадачливого воина, как клинок подоспевшего Яромира располосовал его от рёбер до рогов.

Чёрт отпрыгнул к окну и яростно зашипел.

Дело принимало для него скверный оборот.

Богатырь оставался на ногах, медведь тоже оказался живучим: поднялся с кровати и всё ещё продолжал источать силу.

Пора уходить, но, пожалуй, стоит им всем ещё немножко насолить...!

Яромир почувствовал и это.

Он бросился на чёрта, но тот мёртвой хваткой вцепился в кудри Митяя, издевательски зашипел и сиганул в окно.

На мгновение Яромира охватил неподдельный ужас, заставивший все его мышцы встать колом.

Казалось, будто сейчас мир остановился, перестало биться сердце, замерло дыхание.

Он просто не мог поверить своим глазам...

Вечно улыбочивый и слегка наивный Митяй слёзно напросился учеником в бригаду каких-то три месяца назад и подавал большие надежды. К тому же, за это время он стал всем, как младший брат, всегда добрый и необоснованно отзывчивый...

Да, их дело невероятно опасное и предполагает большой профессиональный риск..., но Яромир не мог позволить ему умереть вот так!

Он не мог его потерять!

Тут же, без всяческих колебаний, Яромир бросился следом за чёртом.

В беспамятстве он не осознавал, что ждало его снаружи, потому действовал наобум.

Главное — не упустить сбежавшую тварь!

Благо, рядом с теремом стоял двухэтажный казённый дом, глиняную черепицу которого Яромир с грохотом и треском проломил, прямо рядом с местом падения чёрта.

Тонкое перекрытие между этажами не выдержало удара и Яромир полетел дальше, на первый этаж, проломив собой большой письменный стол и разворотив деревянный стеллаж с записями о должниках.

Ярость настолько захлестнула его, что он не чувствовал боли от сломанных рёбер и вывихнутого плеча. Сейчас его мысли застигала лишь жажда охоты и мести...

Из разодранной щеки и рук струилась кровь.

«Что ж, может это привлечёт ненасытную скотину...» — Яромир тяжело поднялся на ноги и постарался хоть что-то разглядеть через поднявшуюся в воздух пыль.

Мимо, вопя от ужаса, пробегали находившиеся в это время в помещении люди.

Посреди суматохи, Яромир расслышал рядом с собой слабый стон.

Боярского счетовода придавило обломками потолка. Рядом с ним, из-под завалов торчали совсем новые мужские сапоги.

Дрожь побежала по коленкам, но Яромир тут же постарался отогнать дурные мысли. Это не мог быть Митяй...

Яромир хотел было отправиться на поиски чёрта, но чувство долга заставило его остаться и помочь счетоводу выбраться наружу.

Он подхватил отломившуюся балку, подсунул её под доски и, приложив должное усилие, перевернул кучу обломков.

Счетовод, охая и ахая, пополз вслед за остальными, а Яромир осторожно вытащил за ноги не подающее признаки жизни тело.

И с великим облегчением выдохнул, обнаружив, что пострадавшим оказался не Митяй.

— Тварь, тварь! — донёсся истошный женский вопль с лестницы. — Спасите! А-а-а!

Предчувствуя беду, Яромир стремглав бросился туда.

Люди прыгали через перила, толкались и мешали друг другу пройти, от чего Яромиру приходилось прокладывать себе дорогу силой.

Только Яромир поднялся наверх, как перед его глазами предстала ужасающая картина, при виде которой, даже его, повидавшего всякое, замутило.

Стены, заляпанные брызгами крови, оторванные конечности, изувеченные тела и лица людей, искаженные в предсмертной гримасе ужаса.

Чёрт явно пошёл в разнос.

Посреди тёмной комнаты из дыры в потолке бил яркий солнечный свет.

Яромир, прихрамывая на правую ногу, осторожно зашёл внутрь.

Он чувствовал, что чёрт ждал его где-то там, к тому же присутствие твари выдавал противный, кислый запах серы.

И чёрт не заставил себя долго искать.

Из темноты, прямо под солнечный свет, выплыла кривая, окровавленная лапа, сжимающая в кулаке оторванную голову Митяя.

Тут же, следом, под самодовольный гогот продолжавшего скрываться в тени чёрта, на свет вывалилось и обезглавленное тело товарища.

Яромира затрясло.

Гнев, жалость, обида сменялись внутри него безумным круговоротом чувств.

«Теперь в живых останется только один...» — злобно заиграл скулами Яромир и до побелевших костяшек сжал рукоять меча. — Ну, скотина, будь по-твоему!

С противоположной стороны комнаты донеслось одобрительно рычание, и тут же в Яромира полетела голова Митяя.

Неожиданно для себя, от такой наглости чёрта Яромир впал в ступор, и оторванная часть товарища болезненно прилетела прямо в грудь.

Кровь Митяя попала на лицо и в глаза, от чего Яромира чуть было не вывернуло.

Тут же чёрт перешёл в атаку.

Копыта громко зацокали по полу и ударились о стену.

Яромир вовремя пришёл в себя и бросился вперёд, как раз тогда, когда когти чёрта лязгнули по деревянным половицам за его спиной.

Только Яромир обернулся, как вновь ощутил приближающуюся опасность.

Он выставил меч наугад и зубы чёрта сомкнулись на лезвии прямо перед его лицом.

От сильного напора чудища Яромир не смог устоять на ногах.

Они сцепились и покатались по полу, свалившись в проделанную Яромиром дыру на первый этаж.

Яромир приземлился прямиком на чёрта и сделал, что пришло первым в голову — ткнул пальцем в глаз твари.

Покрасневший от пыли белок с щелчком лопнул и неприятная до плеча облепила руку Яромира.

Чёрт, взвывая от боли, подбросил его копытами вверх, от чего богатырь больно саданулся спиной о потолочную балку и вновь плюхнулся на пол, подняв в воздух столб пыли.

Неприятно задавило в груди и напал приступ кровавого кашля.

Чёрт же, скуля, бросился в глубь комнаты и спрятался за одним из повалившихся шкафов.

— Живучая гадина... — Яромир, опираясь на лезвие поднялся на ноги. — Выходи, отродье! Ты же за этим сюда явился?!

Он обильно размазал запястьем кровь по щеке и, морщась от боли, поднял вверх руку.

Из-за спины послышался цокот копыт и густое, болезненное кряхтение.

Чёрт, побитый и израненный не меньше, чем Яромир, сбросил скрывавшие его чары.

Весь заляпанный чёрной кровью, с огромной резаной раной на боку и вытекшим глазом, сейчас он выглядел ещё ужасающей, чем в первый раз.

Он злобно рычали и сверлил обезумившим взглядом Яромира насквозь.

За спиной измотанного боем богатыря донёсся шум приближающихся людей.

Первым в казённый дом с мечом в руках ввалился Бедабор. Его раскосые глаза смотрели одновременно и на Яромира и на чёрта, но он решил не вступать в бой сразу, а дожидаться дальнейших указаний своего десятника.

Следом, со стороны чёрного хода с грохотом отворилась дверь и из-за угла показался Айромир. Заприметив неведомую доселе тварь, он занял оборонительную позицию и перекрыл ей возможный путь отхода.

Чёрт оскалился, но на этот раз убежать не стал.

Несмотря на всю злость и желание поскорее избавиться от этой бестии, Яромир чувствовал где-то внутри себя некий трепет перед ней. Проскользнуло даже сомнение, что тот водяной с Туманных топей — совсем юнец, по сравнению с этой древней, невероятно умной и изобретательной тварью.

Сейчас он будто увидел перед собой истинное порождение Забвения, что вселяло в сердце богатыря уважение, страх и неумолимую страсть разделить его на кусочки.

Из прохода за Бедабором внутрь вбежали не меньше десяти воинов из числа острожных, что дежурили в это утро на дворе детинца.

Яромир же не обращал на них совершенно никакого внимания.

Он лишь выжидал, какое дальнейшее действие предпримет древнее чудище и был полностью уверен, что сегодняшнее кровопролитие на этом ещё не закончится...

Чёрт, хоть и оказался в западне, но так просто сдаваться не собирался.

Как и ожидал Яромир, первыми нервы сдали у городской стражи.

Витающий в воздухе запах пыли, серы, крови и человеческих испражнений люто крутил желудки.

— А ну, мужики, чего встали?! — завопил сотник заступившего сегодня караула. — Ату его!

Стражники, следуя приказу своего головы, бросились в опрометчивую атаку, в надежде толпой одолеть кровавую, безжалостную тварь.

— Отставить! — воскликнул Яромир, поймал за шкурку пробегающего мимо ратника и отшвырнул его в сторону, но для других было уже слишком поздно.

Чёрт, будто вспышка молнии в грозу, ворвался в их разрозненный строй.

Тварь ловко прыгала среди неповоротливых воинов, разрывая артерии и вырывая зубами куски плоти.

Тяжелые кожаные доспехи с вшитыми металлическими пластинами отлично годились для боя на улице и защиты от стрел, но лишь только мешали своим владельцам в замкнутом пространстве.

Чем в полной мере и воспользовался чёрт.

— Вперёд! — нервно скомандовал Яромир Бедабору и Айромиру.

Тут же в зверя полетела серебряная цепь последнего и обвилась вокруг ноги чёрта.

Чёрт, запрыгнувший на сотника, уже готов был оторвать ему голову, когда Айромир перекинул цепь вокруг несущей балки и, с помощью Яромира, с силой дернул её на себя.

Тварь полетела по полу, безуспешно цепляясь за тела убитых ею стражников.

Подоспел Бедабор.

Полоснул чёрта по лапе с силой саданул серебряной пластиной на носке сапога по морде.

Тварь сильно ударилась головой об угол стола и потеряла ориентацию в пространстве.

У Яромира появился шанс закончить всё здесь и сейчас.

Он подскочил к твари и уже готов был пригвоздить её к полу, как та в последний момент увернулась и неприятно лягнула его в живот, отбросив далеко назад.

Следом досталось и Айромиру.

Бывалому воину не хватало сил в одиночку удержать чёрта на цепи, что тот прекрасно чувствовал.

Чудище неожиданно резко отскочило от земли и подалось вперёд. От приложенной натуги Айромир повалился на спину, чем поспешил воспользоваться чёрт.

Дважды увернулся от клинка Бедабора, сбил раскосого с ног, прыгнул на балку и с силой от неё оттолкнулся.

Обвитая вокруг руки Айромира цепь поволокла его за собой.

От мощной потуги чёрта он болезненно врезался в балку, но тварь так и не переставала тянуть цепь за собой.

Раздался хруст ломающихся рёбер и истошный вопль Айромира.

Ещё мгновение и чёрт бы с корнем оторвал ему руку, не вмешайся Яромир.

Он стремглав подлетел к натянувшейся, будто тетива, цепи и размашисто прошёлся по ней мечом.

Звенья со звоном разлетелись в разные стороны, на серебряном лезвии образовалась громадная зазубрина, а все действующие лица разлетелись по разным сторонам.

На удивление Яромира, серебро оказалось чёрту совершенно нипочём.

— Падла! Да чем же против тебя воевать?! — гневно бросил он оскалившемуся чёрту, старательно пытающемуся стянуть с ноги остатки цепи.

Неожиданно, из дыры в потолке раздался скрежет металла и сверху на чёрта упала шипованная свинцовыми ежами цепь.

От прикосновения свинца шкура чёрта задымилась.

Тварь завопила от боли, а из дыры показались взволнованно распушившиеся рыжие усы Гришки.

— Таки, вроде вы витязи, а опять мне ваши жопы спасать! — усмехнулся он и издевательски помахал насупившемуся Яромиру рукой.

— Хоть какой-то от тебя прок, балабол! — пригрозил ему в ответ кулаком Бедабор.

— Всё, пора с этим кончать... — Яромир устало нахмурился и уверенно направился к пытающемуся освободиться из силков чёрту.

Но, даже сейчас, тварь не собиралась опускать лапы без боя...

Не сделал Яромир и двух шагов, как чёрт с рёвом заскочил к Гришке в дыру.

От такого поворота событий гонец опешил, но свинцовые ежи не позволили чёрту причинить Гришке вреда.

Тварь бегло огляделась.

Одно единственное окно, затянутое тугим бычьим пузырьём, привлекло её внимание.

К нему-то чёрт тут же и устремился.

Гришка, в отчаянной попытке помешать твари сбежать, вцепился в конец сети, но куда уж там ему было справиться древним чёртом, когда никому другому не удалось.

Потому он просто проскользил по разлившейся по полу липкой крови следом за ним, сопровождая всё это самой отборной бранью.

«Ну уж Гришку я тебе не отдам!»

Яромир и Бедабор бросились в погоню.

К этому времени на улице столпилась целая толпа зевак и, при виде вылетающего из окна второго этажа чудища, люди бросились наутёк.

Гришка крайне неуклюже выпал следом и сильно шарахнулся о твёрдую землю.

Паника и суматоха воцарилась на дворе Детинца.

Воевода Руевит поднял дружину, и уже подготовленные к схватке воины ровным строем угрожающе наседали на брыкающегося в сети чёрта.

Ещё несколько мгновений и ему будет уже не сбежать.

В сердцах он вцепился зубами в толстый канат, рванул, что было мочи и сеть поддалась.

Только куда бежать...?!

Со всех сторон окружили мешки с мясом, из деревянной пещеры выскочил проклятый богатырь и он, последний из чертей Шепчущих равнин, снова оказался в западне.

Чёрт помнил, что ворота — единственный выход из этой крепости.

Да, они причиняют невыносимую боль, но постараться её вытерпеть лучше, чем сложить голову.

А как отвлечь остальных?

Исключительно посеяв панику и страх!

Яромир уже занёс меч для удара, когда чёрт пустился наутёк.

Тварь беспорядочно бросалась на людей, причиняя им страшные увечья и преграждая их телами дорогу преследовавшему её Яромиру.

Дорогу перегородил Бедабор.

Воздух рассёк свист его серебряного меча, но чёрт оказался быстрее.

Бросился вперёд, плечом отклонил рукоять в сторону и поймал замешкавшегося раскосого за лицо.

Возиться с ним не было времени, потому разъярённый чёрт просто швырнул его в сторону, будто тряпичную куклу.

Бедабор пролетел добрый десяток шагов, сильно ударился спиной о груженую кусками железа телегу и бессильно обмяк.

Яромир, не обращая на это никакого внимания, продолжал погоню.

Караульные на воротах предусмотрительно захлопнули их на засов и разбежались в разные стороны.

Ведь ещё ни одной твари не удавалось пройти через них.

Чёрт со всей дури влетел в воротину, так, что задрожали стены и с потолка посыпалась пыль и грязь.

Шкура задымилась, мышцы будто пронзили сотни игл.

Тщетно! Здесь ему не пробраться...

Чёрт обернулся и едва успел припасть к земле, как клинок Яромира прямо над его головой выбил из двери сноп искр.

На глаза попался проход, куда чёрт тут же и ломанулся.

Яромир отправился следом за ним.

Стрелой тварь влетела в сторожку и в мгновение ока разделалась с отдыхающими там дозорными.

Пара прыжков и чёрт уже оказался на смотровой.

Вот она — долгожданная свобода.

Снизу доносились крики сотен людей, столпившихся на мосту и площади перед воротами.

Единственный выход — прыгать в воду!

Чёрт, ликующий от своего успеха, оттолкнулся от края сторожки, как кто-то неожиданно вцепился в его заднюю лапу.

Проклятый богатырь!

Яромир успел как раз вовремя.

Крепко сжав двумя руками голень чёрта, он с силой размахнулся и ударил его об одно из подпиравших крышу брёвен.

Стены острога задрожали, кости чёрта громко захрустели.

Только Яромир не остановился.

Необузданная ярость охватила его целиком, и он уже совершенно перестал контролировать свои действия.

Яромир без устали молотил чёрта о крышу и подпорки, старательно перемалывая каждую его косточку.

В конце концов бросил обессилившую и переставшую сопротивляться тварь в угол и с самым устрашающим видом поднял с пола меч.

Чёрт сипел и хрипел, продолжая сверлить ненавистного богатыря единственным уцелевшим глазом.

— Хватит на этом, набегался! — сквозь зубы процедил Яромир, как чёрт неожиданно бросился в последнюю отчаянную атаку.

Яромир успел подставить клинок, и чёрт до самой рукояти насадился на лезвие, только и это его не остановило.

Он крепко вцепился в шею богатыря, с каждым мгновением всё сильнее и сильнее сжимая хватку.

Яромир почувствовал, что сейчас ему уже просто так не выбраться и он вот-вот потеряет сознание.

Другого выхода он больше для себя не видел...

Яромир обеими руками вцепился в рукоять меча, оторвал беспомощно брыкающегося копытами чёрта от земли и выбросился вместе с ним с самой верхушки смотровой.

Это мгновение полёта, показалось ему вечностью...

Вечностью лютой злобы, несгибаемой силы духа, обидным осознанием конца и неукротимой волей к жизни — что разглядел Яромир в единственном глазу чёрта.

Как крепкий удар о твёрдую заставил их обоих потерять сознание...

Глава 5: «Будут вам вурдалаки...»

Тёплый ветерок приятно прошёлся по лицу.

Яромир открыл глаза и перед взором открылись бескрайние водные просторы, а сам он сидел на краю, свесив ноги с огромного утёса.

Тёмно-синие волны беспокойно гуляли по водной глади, а где-то вдалеке очень быстро приближалась невероятных размеров грозная туча.

Только Яромир не чувствовал испуга от надвигающейся стихии. Скорее, внутри теплела жгучая уверенность, что сейчас он ждал именно её...

В чьём теле ему довелось оказаться на этот раз?

Руки, изуродованные многочисленными шрамами, нетерпеливо перебирали складки алого атласного плаща. От прикосновения к необычной ткани кожу приятно покалывало, будто по ней прыгали искорки от кузнечного горна.

Очень сильно чесалась густая серебристая борода и такие же длинные, сияющие серебром волосы неаккуратно спадали на лицо.

Старик? Но он совсем не ощущал себя старым. Наоборот, его переполняла сила и ощущение безграничного могущества

Как и в прошлые разы, Яромир не слышал мысли хозяина тела, не ведал его воспоминаниями, но мог полностью переживать все его чувства.

И сейчас он буквально сгорал от нетерпения, в ожидании приближающейся битвы.

Да, его невозможно спутать ни с каким другим...

Яромир познакомился с ним и стал зависим от него ещё с детства, когда старик заставил его убить своего первого беса.

На горизонте сверкнула яркой вспышкой молния, поднялся ветер и над Синим морем пронёсся оглушающий раскат грома.

Приятная дрожь охватила незнакомца, а за спиной послышалось беспокойное лошадиное ржание.

Нужно было подготовиться.

Среброголовый воин ловко подпрыгнул и повернулся к белокаменной одноместной повозке, запряженной двумя белоснежными, крылатыми скакунами.

Яромир вспомнил его. В видении Славомира он уже видел этого величественного витязя..., или, точнее сказать — бога?

Перун.

Яромир был уверен в этом, как в самом себе.

Повелитель неба и грома, властитель молнии, разжигатель войн — Перун-громовержец носил множество имён и не одно из них не могло полностью передать всего его величия.

Его кони недовольно рыли копытами землю, как будто говоря Перуну о том, что им нужно срочно убираться с этого места.

— Гроза, Буря, — голос Перуна наполняла громовая мощь. — Оже это? Страх? Аже вы запаматовали, под чьим покровительством находитесь? Аже вы позабыли, что аз не потерплю робости?

Беспокойные кони в мгновение успокоились, вызвав на лице Перуна снисходительную улыбку.

— Вам не о чем тревожиться. Сегодня вы станете свидетелями ещё одной моей великой победы! — он заботливо потрепал коней по загривкам. — Жаль оже только ты, отец, этого не увидишь...

Перун бережно приподнял с шеи, висевший на верёвочке крошечный молот со звездой Сварога в навершие, и медленно поднёс его к губам.

Серебристые волосы на могучей груди игриво поблёскивали в последних солнечных лучах.

Перун потуже затянул расшитый бело-красным узором пояс на штанах и собрал непослушные волосы под чельем.

Ветер усилился и солнце окончательно скрылось за черно-серыми облаками, погрузив побережье Синего моря в устрашающую темноту.

Перун расплылся в довольной улыбке, в глазах блеснула задорная искра.

Он поправил плечевую защиту, сделанную из неизвестной Яромиру кожи, и потуже затянул ремни на единственной краге, защищавшей лишь правую руку.

Всё готово! Осталось только дожидаться появления неизвестного противника, что скрывался среди этой страшной стихии.

Перун нырнул в повозку и достал боевой топор.

К великому удивлению Яромира, это оказалась не привычная по былинам двусторонняя секира, а самодельный топор на удлинённом древке, с выбитым на полотне знаком Чёрного солнца.

— Теперича, можете быть свободны. — бросил он через плечо скакунам. — И будьте готовы явиться по первому моему зову!

Коня понятливо заржали, набрали ходу и, расправив широкие крылья, поспешили

удалиться подальше от приближающейся грозы.

Первые капли дождя забарабанили по земле.

Следом, новый порыв ветра ударил неожиданно сильно, сбив Перуна с ног, что его лишь только ещё больше раззадорило.

Хлынул ливень, прибив траву и низко склонив к земле прибрежные кустарники.

Перун злорадно заиграл скулам, и Яромир почувствовал, как невероятная энергия вот-вот готова была вырваться из его груди.

Неистово зажгло глаза, засветились волосы и нити молний побежали от плеча к руке.

И какую эйфорию Яромир испытал, когда Перун вскинул руку в небо и с кончиков его пальцев вырвался громовой разряд.

Чёрное грозное облако залилось яркой вспышкой и Яромир увидел его...

Громадная тень величественного существа показалась лишь на мгновение, но и этого Яромиру оказалось достаточно, чтобы испытать удивление и страх.

Тело Перуна же затрепетало от предвкушения боя. Он жаждал его больше всего на свете и ему было абсолютно наплевать на собственную жизнь...

— Эй ты, крылатый гад! — голос Перуна вновь вырвался из груди, подобно удару грома. — Игон, чешуйчатая ты скотина, аз есмь Перун — владыка небес, отец грома, вызываю тебя на бой честный, до смерти лютой!

Перун закричал и в небо вновь устремились языки молний.

Подул ветер и небеса загудели:

— Блядь (обманщик)! Лжец! Аер присно был за мой! (Воздух всегда был моим!) Вьсуе вящий жедати отыскать свою навь! (Впустую старший желает найти свою смерть!) Гряби, Перуне-израдец, своей стязей! (Иди, Перун-изменник, своей дорогой!) Аз не лещу с тобой сечи! (Я не ищу с тобой битвы!)

— Аз ищу! — воскликнул Перун, схватился за рукоять топора обеими руками и яростно метнул его в небо.

Рёв скрывавшегося в облаках чудовища громом прокатился по округе и всё нутро Яромира вновь невольно затрепетало.

Разряд молнии осветил небо, и на Перуна обрушился поток шквального ветра, вырывающий куски дёрна вместе с землёй и корнями.

— Погляжу, так ты стал немощен, Игон! — разразился издевательским смехом, устоявший на ногах Перун. — Помнится, оже взмах твоих величественных крыльев мог срывать мясо с костей... Оже с тобой стало? Или ты, в своей безмятежности, настолько разленился, оже отпустил брюхо? Покажись, сморчок Скипер-змея! Аз мигом приведу тебя в порядок!

— Познай же велий смаг, баскак кала! (Познай же великий огонь, повелитель нечистот!)

Небо вновь озарилось яркой вспышкой и извилистый разряд молнии ударил ровно в то место, где только что стоял Перун.

Громовержец ловко отскочил в сторону, оттолкнулся от земли и взмыл высоко в верх, будто его тело было практически невесомым.

Перун протянул ладонь и из воды вырвался его топор, чудесным способом вернувшийся к своему хозяину.

Перун ответил Игону тем же, только его удар достиг цели.

Чудовище взвыло и следующим взмахом крыльев разметало в стороны дождевую тучу.

Теперь Яромир вспомнил, что уже и раньше видел этого неестественно огромного крылатого змея.

Неужели все те создания, что привиделись ему после битвы с водяным Туманных топей существовали и в жизни? Или существуют ли они до сих пор...?!

Зелёно-коричневая чешуя Игона больше напоминала искуснейший из доспехов, чем обыкновенную змеиную шкуру. Шипастая чешуя же выглядела острой, будто сотни булатных мечей.

Да и сам древний гад превосходил Перуна в размерах в добрую сотню раз, только это никак не смущало бога грома.

Яромир не чувствовал в Перуне страха, не уловил ни малейшего смятения, ни толики сомнения.

Эта непоколебимая уверенность в собственных силах и мастерстве, придавала стойкости и Яромиру.

Сейчас, как и бог, в воспоминании которого он оказался, он желал лишь испытать себя и своё тело на прочность.

Но в воспоминание ли или это всё же простой сон...?

Да какая разница, когда кровь оглушительно пульсировала в висках и тело ломило он едва удерживаемого им могущества.

Пора дать ему волю!

Волосы Пеуна заискрились бело-голубыми бликами молний, и он бесстрашно рванул на встречу Игону.

Змей устрашающе раскрыл огромную пасть, готовый проглотить зарвавшегося бога целиком, но опередил невероятный по силе удар Перуна.

С грохотом рухнувшей скалы его кулак пришёлся напрямиком в нос змея.

Игон поплыл и потерял ориентацию в пространстве.

Змей беспорядочно замахал крыльями, в надежде вновь поймать взглядом Перуна, но неуловимый громовержец лишь осыпал его могучими ударами с разных сторон.

Били молнии, бушевала буря и гремел гром! Перун пошёл в разнос!

Новый взмах топора пришёлся прямо по дымящейся от молний груди Игона, пробив глубокую дыру в его чешуе.

Чудище взревело, но Перун лишь только раззадорился.

Со скоростью вспышки он врезался в голову чудовища и гад поплыл.

Игона качнуло, крылья перестали разгонять воздух, и он беспомощно полетел напрямиком в морскую пучину.

— Слабак! — Перун метнулся за змеем, и поймал его за хвост.

Мышцы громовержца напряглись от натуги, вспышки молний ударили из глаз и вырвался яростный крик.

Яромир не мог поверить своим глазам, видя, как туша Игона, больше напоминавшая крылатую гору, поддается силе Перуна и летит на утёс.

От падения небесного змея земля содрогнулась и цельный камень утёса лопнул по швам.

Перун вновь призвал топор и, с чувством удовлетворения и собственной непобедимости, медленно опустился на морду едва дышащего Игона:

— Аз есмь Перун, а ты — отныне мой раб!

Неожиданно дождь усилился. Порыв ветра ударил в спину Перуна, заставив

громовержца обернуться.

Он почувствовал надвигающуюся опасность и не ошибся.

Прямо на него окончательно разбушевавшаяся буря гнала необъятную волну.

Яромир почувствовал, как на мгновение у Перуна перехватило дыхание.

«Бог войны и неба боится воды?» — сам себе не поверил Яромир, как поток воды накрыл собой и Перуна и Игона...

Холодная, скорее, даже ледяная вода.

Он понял, что снова вернулся в настоящий мир.

Тело неистово ныло и совершенно не хотелось открывать глаза.

Ещё не до конца пропало приятное чувство безграничной силы и всемогущества, которое так сильно не хотелось отпускать, но Гришка посчитал иначе.

— Ну же, давай, подъём! — где-то вдалеке раздался его взволнованный голос и новый поток ледяной воды окатил Яромира.

Яркий солнечный свет ударил в глаза и тут же показалось растрёпанная рыжая шевелюра товарища.

— Не это я хотел увидеть... — пробурчал Яромир, принимая поданную Гришкой руку.

Только для того, чтобы поднять Яромира, усилий одного Гришки оказалось недостаточно и пришлось помогать Айромиру.

Дико заболела спина, заныло колено и болезненно вывернулась рука.

— Паршиво выглядишь... Ну-ка, Гриша, помоги...! — Сильно помятый Аяромир дёрнул Яромира за руку, в то время как Гришка крепко вцепился в его пояс.

Плечо встало на место. Полегчало, но не особо.

«Зато живой...» — морщась от боли, Яромир склонился над разможжённой о каменную брусчатку головой чёрта и с трудом выдернул из его живота всё ещё торчавший меч.

— Ну ты и отчаянный! — сам хромающий на правую ногу Гришка осторожно перебросил руку Яромира через плечо. — Давно летать научился? Не приземлился на чёрта, то и самого бы пришлось соскребать с пола...

— Как-то ничего другого в голову не пришло. — еле выдавил из себя Яромир и закашлялся кровью. — Бедаб...

— Бедабора хер убьёшь. — перебил его Айромир, кивая головой в сторону казённого дома. — Помогает разгрести, что осталось после чёрта. — Голова, тебе к лекарю надо. Гриша, помоги Яромиру, а я к Бедабору. Кому-то ведь нужно убирать после гулянки...

— Ай, — Яромир поймал уходящего Айромира за руку. — Митяй, позаботьтесь.

Глаза Айромира наполнились печалью утраты, и он лишь понятливо кивнул в ответ.

Не к чему лишние слова, когда и так всё понятно...

— Покойные! Покойные! — неожиданно начал скандировать один из уцелевших купцов, что тут же подхватили и все остальные, кто присутствовал в этот момент на площади Детинца. — Слава Яромиру — упокойте нечисти! Слава Покойной бригаде!

— Это они чего? — недоумевающе спросил Яромир Гришку, и они медленно направились в сторону своего острога.

— Для них мы, получается, герои... — Гришка указал на княжеский балкон, где Яромир с трудом смог разглядеть Игоря и стоящую подле него Марину. — Но, таки, мне кажется, что

княже будет считать несколько иначе.

Пусть даже он не видел его лица, но чувствовал всё недовольство и гнев брата.

— Именно, всё это нам ещё аукнется... — Яромир вновь сплюнул сгусток крови.

Восхищенные и ещё прибывающие в состоянии шока от увиденного люди ещё долго славили Яромира. Ровно, как и ещё долго пришлось убирать тела, оттирать лужи крови и устранять последствия бесчинств чёрта.

Воевода Руевит, во временное отсутствие Яромира, выгнал в город всех: гридников, острожных, полковых, опричных, окольных и пришлых — прошерстить всё сверху донизу.

Мера крайняя, но стоило убедиться, что больше никаких сюрпризов ждать не следовало.

Князь же издал указ, о исключительном призыве и обучении в стражу, отчитав при этом Руевита по первое число, обязав восполнить все потери и подготовить новобранцев не меньше чем за две недели.

Из Покойной бригады более-менее на ногах остался лишь Гришка.

Остальные же, включая Яромира, лёжкой лежали в остроге, залечивая полученные раны.

Тяжелее всех досталось Потапу. Пробита голова, сломана рука, чего уж говорить о двух откусанных чёртом пальцах. Благо, что на левой руке.

Бедабор отделался расцарапанным лицом и огромной шишкой на затылке, а Айромир — тремя сломанными рёбрами и сильнейшим растяжением руки.

Гришка, как всегда, остался самым нетронутым, зато ему пришлось от лица всей бригады схлопотать по шее от Руевита и Игоря.

Как и предполагал Руевит, князь пришёл в дикую ярость. Хотел даже распустить всю эту затею, но воеводе, с горем пополам, удалось убедить его в обратном.

Но, даже сейчас, Яромиру было не видать покоя...

Уже на утро третьего дня в острог влетел взъерошенный Гришка, разбудив мирно спящую «Покойную бригаду».

— Беда, Яромир...!

— Да когда это уже закончится-то... — недовольно пробурчал тот и кряхтя перевалился на другой бок. — Передай, что меня нет! Пусть там хоть сам Скипер-змей пожаловал.

— Одурел? Таки, там сам княже на ковёр зовёт. Подымайся, по его словам, дело не терпит отлагательств.

Яромир почувствовал, что дело начало дурно пахнуть, потому с трудом сел:

— Раз сам князь... — недовольно почесал он бороду и обречённо выдохнул. — Тогда тащи портки.

Хоть в жилах Яромира и текла славная кровь, быстро заживляющая любые ранения, но все переломы всегда срастались крайне долго и болезненно.

Именно по этому Яромиру пришлось озадачить Гришку поисками подходящего по размеру посоха.

Больших трудов ему стоило добраться до терема и ещё больших, чтоб подняться по лестнице.

Раз был дан приказ явиться, то пришлось бы явиться даже мёртвым...

Стража на дверях пропустила внутрь Яромира, но Гришке было велено ждать снаружи.

Как всегда мрачный большой зал сегодня освещался светом единственного окна,

находящегося сразу за княжеским маестатом.

Мрачный и явно озлобленный князь, сегодня отличался крайне озадаченным, уставшим и недовольным видом.

В углу, возле одной из колонн, сидел крайне потрёпанного вида мужичок, нервно подёргивающий ногами и теребящий пальцами некую безделушку, рассмотреть которую Яромиру не удалось.

— Долго... Подойди. — холодный тон Игоря глухим эхом отскочил от стен пустого зала. — С каждым днём ты всё больше и больше разочаровываешь меня, брат.

— В чём же моя вина, княже? — Яромир, звонко цокая концом палки по каменному полу, подошёл к первым ступеням престола.

— По мне, как и по мнению других, ты крайне отвратно справляешься с возложенными на тебя обязанностями.

— Древний чёрт — не простой домовый. — возразил Яромир, но Игорь его тут же перебил.

— Хочешь поговорить о нём? Что ж, давай обсудим! Семнадцать витязей, двадцать пять служащих, боярин Уннок с сыном, четверо купцов и восемь из черни. Ты вообще отдаешь себе отчёт, чего стоила ваша промашка?! Полста шесть человек! Ах, да, ещё один твой...

При упоминании о Митяе, сердце Яромира неприятно кольнуло. Чувство вины всё ещё не покинуло его...

— Полста семь человек оказались разодраны прямиком здесь, в самом сердце стольного града! И это ты называешь «хорошей работой»? Тварь пряталась в тереме, прямиком под моими покоями! Вы, кому было поручено заниматься нечистью подпустили эту тварь так близко...

— Считаю, что мы ещё отделались малой кровью. — Яромир решил стоять на своём непреклонно и до конца. — Тварь была порождена самим Забвением. И это ещё чудо, что мне вообще удалось её остановить!

— Пустая болтовня! — вспыхнул Игорь и ударил кулаком по ручке маестата с такой силой, что Яромиру показалось, будто треснуло его основание. — Этот вопрос мы ещё обсудим... Расскажи-ка мне про то гнездо вурдалаков, что вы, якобы, разорили в том месяце подле Заречной?

— С ним-то что не так? — недоуменно нахмурился Яромир, от чего закололо в боку и напал приступ кашля. — Вурдалаков сожгли, духа упокоили, источник разрушили. Всё сделали в лучшем виде.

— Эй, свинопас. — недоверчиво вздёрнул бровь Игорь и обратился к забитому мужику, всё ещё тихо ждущего в стороне. — Поведай-ка моему брату свою историю. Пусть из первых уст послушает, как «прекрасно» и «ответственно» они относятся к порученной им работе. Подойди поближе, не бойся.

Трясущийся от страха перед князем мужичек поднялся и неуверенно встал подле Яромира.

Всю дорогу до маестата он пытался засунуть свою безделушку в карман, в конце концов уронив её на пол.

Металлический лязг эхом разнёсся по большому залу, и мужичок тут же рухнул за ней на колени:

— Не вели казнить, о великий князь!

Этого мига Яромиру хватило, чтобы разглядеть в безделушке небольшой оберег в виде

Чёрного солнца.

«Какая ерунда...» — нахмурился Яромир, не придав этому никакого значения. — «Нашёл же во что веровать...»

— Полно уже... — нетерпеливо махнул рукой Игорь. — Молви, давай!

— Ровно как месяц назад, — начал дрожащим голосом мужичок. — Покойная бригада орудовала в наших краях. Челом старшине ударили, в лес нырнули и тот же вечер вынырнули. Мол, дело сделали, вурдалаки кончились... Было такое, о великий княже. Только стоило им уехать, как один за одним, по ночам, стали пропадать люди, дети. Мы послали гонца, второго, но вороту от них так и не было. А люди всё пропадали! Пока, в один из дней, не явились они... На закате, не меньше пятнадцати. Страшенные, гнилые, рычали злобно и на людей кидаться начали. Те, кто из наших остался, факелы похватали, вилы, но и это не помогло. Мёртвые не умирали! Признаюсь, княже, я бежал... С позором бросил свой дом, за что Перун покарает меня, но выжил лишь я один... Потому и пришёл, на коленях просить тебя, светлый, навести в моём краю некогда обещанный порядок. Правда, полагаю, что живых там уже не встретить, так хоть других убережёте...

— Что ты на это ответишь, десятник? — возмущенно бросил Яромиру Игорь. — Правду говорит этот человек? Или мне стоит высечь его за клевету?

— По что, о светлый, пощади...! — мужичок упал перед троном на колени и залился слезами. — Нет в моих словах ни толики лжи! Сам можешь в этом убедиться!

Яромир же тоже чувствовал, что свинопас говорил правду:

— Не ладно это всё, княже.

— Значит, мне стоит выпороть тебя, десятник? И, пожалуй, найти другого, кто с большей ответственностью подойдёт на это место...

— Раз так, то дай нам неделю, о княже. — Яромир хоть и нехотя, но уважительно склонился перед Игорем. — Подготовимся, доберём людей, залижем раны и тут же отправимся.

— Из «пришлых». — Сухо и твёрдо ответил Игорь. — и завтра вечером, чтоб уже выехали!

— Как из «пришлых»? Хотя бы из окольных, те хоть будут мало-мальски слушаться. Да и моим соколикам ещё в себя прийти...

— Я сказал — из «пришлых» и два дня! — повысил голос князь. — И заплатишь им из своего кармана. А коли спорить удумаешь — отправишься с чем есть! Может так чему-то да научишься... Всё, теперь ступай, с глаз моих...

— Низкий поклон, о великий князь! — с едва сдерживаемой злобой выдал Яромир, поспешно похромал к выходу и бросил вдогонку. — Будут вам вурдалаки...

Глава 6: «Что, вся храбрость разом закончилась?»

Ну и что теперь с этим всем делать?

Пришла одна беда — ели ноги унесли, теперь снова приказывают куда-то переться и искать непонятно что...

Хотя, понятно что — вурдалаков.

За которыми они, кстати, уже лазили в грот на юго-западе княжества, причем — совсем недавно. Месяца не прошло. И всю эту гниющую, разлагающуюся шушеру с успехом сожгли, вместе с духом её пробудившим.

Теперь же выясняется, что они вернулись, ещё опаснее и злее...

Что ж, как говорится: «Будем посмотреть!».

И от всего услышанного у Яромира внутри заскреблось крайне неприятное ощущение, что на этот раз им лучше бы было туда не соваться.

Но, ведь, если не ему, то кому ещё?

Выйдя из большого зала, Яромир, как и думал, не застал Гришку на месте.

Потому он и решил, вопреки наказу князя, ковылять напрямик к воеводе и упрашивать его о достойном пополнении.

Воевода Руевит, по обыкновению, проводил утро пятницы за разбором описей, донесений и прошений.

Он так углубился в чтение какой-то как попало смятой бумажки, что не заметил, как вошёл Яромир.

— Сорок пеших с востока... Баба сбежала... Буча на киче... — едва слышно бубнил под нос воевода, старательно вертя потрёпанную бумажку на свету. — Бирзерк идёт по следу... Ранен... Цепной пёс... Ну и понаписал! Чтоб этому гонцу...! Как курица лапой, хрен что разберёшь! Эй, Висло, лишь бы не обвисло — запиши: «Пороть Никифора, пока не научится разборчиво рисовать свои сраные каракули!» Сил моих больше нет...

Только ответа казарменного писаря Висло не последовало. Вместо него решил ответить Яромир.

— Так пятница же, батька. У него отсыпной, по распорядку.

— Ну и в гузно его тогда... — продолжал разглядывать бумажку Воевода, не сразу поняв, кто ему ответил. — Во, дела, богатырь...! Ты ж ещё вчера, как отбивная на шконке валялся. Чего не в кровати?

— Княже ругается. — насупился Яромир и сел на единственный в кабинете воеводы стул.

— Ничего не говори. — Руевит одобрительно закивал головой. — И так всё не спокойно было, а тут вообще..., как с цепи сорвался. Будто подменили. Гоняет меня, будто горного козла! И в хвост, и в гриву! Сил моих уже нет... Но да ладно, чего пришёл-то?

— Люди нужны.

— На кой такой?

— Княже в поход велел. Опять на Заречную заставу переться, вурдалаков гонять.

— Да сколько можно... Ты мне вот ответь: откуда вся эта погань берётся? Сколь себя помню, всю жизнь я с этими падлами сражаюсь. Волколаков, сиринов, бесов, русалок — да кучу всякой хероборы поизвёл! А они всё лезут и лезут, будто ни конца, ни края этому нету... Вот ты, богатырь, скажи, закончится это или нет?

— Сам задаюсь таким же вопросом.

— Молодой ты ещё! Авось и гляди, как возьмешь, как разом ото всех избавишься! Там может и с войной этой треклятой разберёшься. Видишь, опять всякое непотребство с границы шлют! — воевода вновь недовольно потряс скомканной бумажкой. — Ну, коли князь велел, то отлежитесь и вперёд. Чай, за то и получаете довольствие!

— Завтра вечером...

— Как так «завтра»? Он вас вообще видел, нет?

Яромир отрицательно помотал головой.

— М-да, совсем у Игоря дела плохи. — едва слышно прошептал Руевит. — Значит, людей просить пришёл?

— Получается так. С нас сейчас толку не сильно много. Из всех более-менее на ногах

только Гришка, а это — сам понимаешь...

— Гриша, Гриша... От бабы с кастрюлей и то толку больше, чем от него! — рассмеялся Руевит. — Спешу расстроить, людей нема!

— Совсем? — расстроено насупился Яромир.

— А княже ведь, кто были, всех по городу поразогнал. Дружина теперь вообще запрещено в гридне ночевать. Посему на стенах и спят, по очереди. Тут уж, как не крути, а придётся как-то выкручиваться самому.

— Вот и он сказал, что идти за «пришлыми» ...

— Ха-х, будто у тебя есть другой выбор?! Была у меня пятёрка из северных на примете... Сам хотел нанять, но так и быть: поделюсь с тобой. Трутся они возле «Зачуханного кабана» на восточном конце Медового двора. Единственное, за них придётся не хило так раскошелиться, но и дело они своё знают получше многих!

— И на том низкий поклон, батька... — печально выдохнул Яромир и, опираясь на посох, покинул кабинет Руевита. — Гой еси, коли чего!

— И ты будь живым, богатырь!

Вернуться в острог тоже оказалась той ещё задачкой.

Только Яромир спустился в подвал, как, не раздеваясь, завалился на кровать и поведал всем остальным о наказе князя.

Громче всех, как обычно, спорил и возмущался Гришка. Именно его и отправили в «Зачуханного кабана», как лучшего переговорщика из присутствующих.

Но, даже после его ухода, в воздухе ещё надолго повисло напряжённое недовольство.

Айромир и Бедабор потихоньку начали собираться в дорогу, а Потапа решили оставить на остроге и заняться прощениями в Гришкино отсутствие. Сильно уж круто здоровяку досталось от чёрта.

Гришка вернулся только глубоким вечером и сообщил о крайне успешных переговорах с командиром пришлых — Кеком, за исключением того, что за их услуги пришлось отвалить крайне солидную сумму с увесистой предоплатой.

Ударили по рукам, что те будут готовы к отбытию уже к завтрашнему обеду.

Остаток вечера всё так же провели молча, каждый в своём углу, каждый в своих мыслях.

Нельзя сказать, что утро выдалось спокойным, но и суматошным его назвать было тяжело.

Айромир нервно сворачивал спальный мешок и что-то недовольно бубнил себе под нос.

Гришка, чья запасная кладь для походов всегда стояла готовой возле его кровати, пришёл только к обеду.

Вечно хмурый, раскосый Бедабор точил клинки, а Потап чем мог помогал Яромиру.

В целом, к дороге все подготовились во время.

Как и в прошлый раз, да Заречной заставы Покойную бригаду повёл Бедабор.

Возле юго-западных ворот Гришка задержал отряд и к ним присоединились довольно лихого вида ратники, каждый из которых совершенно не отличался от другого. Разве что каждый из них носил на шее платки разного цвета.

— Ну что ж, вот и пополнение, — начал представлять Гришка, весьма лихого вида, вооруженных до зубов наёмников. — Красный — Кек, синий — Гек, желтый — Чук,

зеленый — Гук и белый — Вяк — Пятерняшки...

Покойная бригада недоумевающе переглянулась и тот, кого Гришка назвал Кеком, протянул Яромиру руку:

— Ну здорово, голова! — весело просипел он прокуренным голосом. — На кого охотиться идём?

— Он тебе ничего не сказал? — Яромир бросил на Гришку полный укора взгляд, но тот лишь невинно пожал плечами.

— На самом деле и не так важно... — продолжал Кек, задорно похлопывая братьев в синем и зелёном платках по плечам. — Главное, чтоб золотишка хватило, а в кого железяками тыкать — нам разницы нету. Хоть в человека, хоть в кикимору!

— В вурдалаков. — мрачно вставил Айромир. — Таких не испугаетесь?

— Да чтоб мы, Пятеро с Ларца, да чего-то сдрейфили? — ударил себя кулаком в грудь крайний, с белым платком, кого назвали Вяком.

— Ты за кого нас держишь, дядя?! — вторя брату, фыркнул Чук.

— За олухов, что могут и нож в спину воткнуть, ради звонкой монеты. — презрительно сплюнул на пол Бедабор. — Уже имел дело с такими пройдохами, знаю вашу кухню!

— Тише, тише, братки, не стоит бучу подымать с пустого места! — поспешил встать между спорящими Кек. — Как рыжий сказал, за нас сам ваш воевода поручился! Так? Посему, пацаны мы — не пальцем деланные! Честь имеем! И цену свою отработаем по полной!

— Доброе имя, она знаешь, превышает там этого вашего всякого. — с крайне умным видом заключил Гек.

— Ах, ну раз так... — выдавил, пораженный умом Гека, Яромир и пожал всё ещё протянутую Кеком руку. — Милости просим. Ехать нам на юго-запад, до Заречной заставы, а там дальше видно будет.

— Ну так чего ещё стоим и языками попусту мелем?! — Кек повернул коня и припустил галопом. — За мной, братки! Покажем этим хрюкалам Кузькину мать!

— Ох, Яромир, — недовольно покачал головой Бедабор. — Жопой чую, что хряпнем мы с этими хлопцами горюшка...

— Как-будто у нас есть какой-то выбор. Но этот Кек прав: раньше начнём, раньше вернёмся. — Яромир подбил коня под бока и направился следом за удаляющимися близнецами.

До Заречной заставы добирались два дня.

На ночлеге пятерняшки взяли на себя организацию караула, позволив Яромиру и остальным полноценно отдохнуть.

А добрый отдых им ещё ох, как требовался...

Яромир долго наблюдал за поведением братьев, но так и не почувствовал от них никакой угрозы. Да и Руевит отлично разбирался в добрых воинах, кого попало бы точно не посоветовал.

Потому, Яромир решил отпустить ситуацию и сосредоточиться на грядущем.

Чего не сказать о Бедаборе, всю дорогу не сводившего с пятерняшек глаз.

Терпение Кека закончилось, и на подъезде к Заречью он отвёл Яромира в сторону:

— Слушай, голова. — начал Кек негромко, исподлобья косясь на Бедабора. — Чего ваш косоглазый так на моих братьев пялится? Ты не пойми ничего плохого, но пацаны

нервничают, сам понимаешь: какой-то мутный тип, шныряет туда-сюда зенками, вдруг чего недоброе замышляет? Ты его, как-то это, успокой, что-ли, пока пацаны ему зрение не поправили... Они так-то спокойные, но когда на них бочку не по понятиям катят, то они хрюкалку-то расквасят и не посмотрят.... А то мы вас не знаем, вы — за нас не в курсе. Как-то надо, ну это, договариваться что-ли. Ведь на общее дело идём...

— Бедабор — из отребий Зол-шурави, знаешь таких? — совершенно спокойно ответил Яромир и глаза Кека округлились от удивления.

— Это ж самые лютые головорезы юга! — прошептал он Яромиру, так, чтобы Бедабор не расслышал. — Конченные живодёры и совершенно безбашенные бандиты! Я такого про них наслышан...

— Что, вся храбрость разом закончилась? — усмехнулся Яромир. — Не волнуйся, наш — просто душка. По крайней мере для своих. А вы — просто не давайте ему повода. Тогда каждый останется при своём: целым, невредимым и довольным.

— Раз такое дело, объясню пацанам, чё по чём. — Кек ускорил коня, но Яромир придержал его за поводья.

— Обожди. По вам тоже не сказать, что вы простые.

— А то ж... — гордо выпячил грудь Кек. — Десять зим мы ходили под Троицкими боярами, пять из которых гоняли от города чудищ, другие пять — людей, когда князьки задумали в войнушку поиграть. Троицк взяли в осаду, тогда-то мы и решили в вольные податься. А, как все знают, все деньги в Слав-городе крутятся. Тут-то нас и сцапал ваш воевода. Покрутил, повертел, попинал, а как понял, что пацаны мы правильные — на работу принял. Так, нет-нет, да подкидывает работёнки. Временами... А они сейчас тяжёлые, потому и сильно нос не воротим. Кто там, утопцы, говоришь?

— Вурдалаки.

— Одного поля ягодки. Приблуда и приблуда!

Яромир недоверчиво всмотрелся в неуверенно покосившиеся в сторону глаза Кека:

— А что ты знаешь о вурдалаках?

— Ну так... — заёрзал в седле Кек. — Дохлаки, гнилые, хлипкие, сильные, но очень медленные. Встречать самим не доводилось, но наслышан. Когда под Троицком воевать начали, ходили слухи, что таких там страсть сколько водилось.

— Так-то оно так, только у вурдалаков всегда есть логово. По-нашему — «гнездо». Если в округе повелись вурдалаки, значит есть и дух, что при жизни был в колдунстве силён. Он мёртвыми и управляет.

— Тьфу! — густо сплюнул Кек. — Чего только в Сварге не встретишь!

— Именно. Всего месяц назад, мы такого духа угомонили, как раз в бывшей каменоломне Жар-поля, села, что сразу за заставой.

— И на кой нам тогда туда ехать?

— Говорят, что нет больше Жар-поля. Мол, вурдалаки вернулись и всех там, нахрен, поубивали. Да вот быть такого не может. Колдун такой в одно место дважды не вернётся. Потому, бесовщина там какая-то творится, вот мы и выясним, какая именно.

— Занятные вы, конечно, ребята. — нервно усмехнулся Кек. — Мечом убивается?

— Вполне.

— А нам большего и не надо! Коль что, мы прикроем, а вы там сами уже разбирайтесь... Колдуны, чернокнижники, умертвия... Тьфу!

— Последнего, пожалуй, вообще лучше не упоминать! — поспешил поправить Кека

Яромир.

— Как скажешь! А что вот этот, седой?

— Айромир? С ним-то что не так?

— Кажись, рожа больно знакомая. Только всё никак не вспомню откуда.

— Опыта ему не занимать. Быстрый, ловкий, в чудищах разных толк знает. Так погоди, он же как раз ваш, Троицкий. Кажись, как бы не воеводой какое-то время был. Потом с Бедабором связался и пошло-поехало...

— Точно-точно... — задумчиво почесал лысый затылок Кек. — Айромир Жестокий. Больно интересная у вас компашка собралась. А рыжий он кто? Ходок по тени? Лучник вольных степей?

— Не, это Гришка, наш великий писец и этим, пожалуй, всё сказано! — рассмеялся Яромир.

К этому времени Покойная бригада проехала хлипкий мост через речку Икоту, и мужики решили сделать небольшую остановку на Заречной заставе.

Какое же удивление они испытали, когда им не встретились ни дозорные, ни часовые, ни караульные.

Застава будто вымерла. Целиком.

Яромир насторожился и несколько часов лазил вместе с Айромиром по окрестностям, но по итогу так ничего необычного и не нашёл.

Точнее, не нашёл совершенно ничего: ни тел, ни следов.

Единственным, что нарушало общую безмятежную картину, было хаотично разбросанное вокруг заставы оружие.

— Так понимаю — это всё не к добру, да? — Айромир осторожно поднял валяющиеся на дороге копье и задумчиво повертел его в руках.

— У меня плохое предчувствие. — подошёл к нему Яромир и всмотреться вдаль, где за линией деревьев начиналась граница деревни Жар-поля.

— Ну вот, пока нас ничего не трогает, давайте пожрём от души, а дальше видно будет! — тряс со стены заставы запеченной утиной ногой Гришка, зовя Айромира и Яромира присоединиться. — Тут вкусотищи всякой, хоть гузном ешь!

Товарищи пожали плечами и вернулись к остальным, во всю пирующим уже никому не нужными запасами Заречной заставой.

Всю ночь Яромиру толком не спалось.

Он проворочился с боку на бок, и с первыми солнечными лучами поднял Покойную бригаду на ноги.

Мужики, весь вечер жадно набивавшие животы до отвала, нехотя и неторопливо начали собираться в дальнейшую дорогу.

Гришка же туго забил седельные сумки остатками еды и медовухи, в надежде скрасить ими обратную дорогу.

Ведь, по общему, высказанному на пьяную голову мнению, ничего особенного с ними случиться попросту не могло.

Ну как по общему...

Громче всех, конечно же, вопил Гришка, а пятерняшки ему в этом хором поддакивали.

Яромир же придерживался совершенно иного мнения, а Бедабор и Айромир постарались поскорее покинуть неприятную им компанию.

Всю ночь они провели на смотровой башне, по очереди сменяя друг друга на посту.

Жар-поля достигли уже к полудню и все опасения Яромира оправдались.

— Смотри-ка, — он придержал коня на пригорке и внимательно всмотреться в полуразрушенные избы. — А ведь тот бедолага не солгал! Здесь и правда будто войско прошлось...

Погорелые строения ещё источали едкий запах гари. Тут и там на дороге лежали побелевшие и уже начавшие разлагаться тела местных жителей.

— Раны рваные, похоже, что когти или острые зубы. — заключил Айромир, спрыгнув с коня и осмотрев одно из первых попавшихся тел. — Неужто и правда духу удалось как-то вернуться?

— Не спеши с выводами. — скептически ответил Яромир и огляделся по сторонам. — При виде вурдалаков обычные люди в страхе бегут, а не жгут дома. Здесь что-то не так. Осмотритесь внимательней и организуйте оборону. Возможно, нам придётся здесь ненадолго задержаться...

— Опять угодили в какую-то задницу... — расстроено пробубнил под нос Гришка и пустил коня вслед за остальными.

Лагерь разбили в самом центре деревни, возле одного из оставшимся нетронутым дома.

Укрепили ограду телегами, добавили частокола, сделали небольшие рвы и залили их дёгтем, смешанным со спиртом.

Возведение укреплений закончили к закату.

Теперь лагерь Покойной бригады готов был отразить нападение любой стаи вурдалаков, что немного обнадежило Яромира.

— Голова. — неожиданный хрип Бедабора, раздавшийся из-за спины, заставил Яромира вздрогнуть и схватиться за меч. — Есть кое-что...

— Ты так больше не делай! — тяжело дыша выдохнул Яромир. — Что стряслось?

— Лучше показать... Следуй за мной. Только... вдвоём.

Яромир, заметив в глазах Бедабора крайнюю настороженность, решил сделать так, как он хочет.

Они незаметно перескочили через ограду и растворились в стремительно наступающей темноте.

Бедабор вывел Яромира к небольшому мостику, возле которого и остановился.

Раскосый скрылся в густых камышах и вернулся обратно, волоча за ноги безжизненное тело.

— Вот, погляди. — вновь прохрипел Бедабор и гневно пнул находку. — Разве такие нынче вурдалаки пошли?

Яромир склонился над разбухшим от воды телом.

— Рваные лохмотья, грязь, тина и глина. Ничего необычного.

— Посмотри поближе. — Бедабор потянул Яромира за рубаху и засунул его пальцы в рот мертвеца. — Чуешь?

— Целые зубы? — Яромир в недоумении пошарил по ротовой полости и широко открыл слипшиеся от грязи глазницы. — И глаза человеческие...

— Именно. Вдобавок — проткнут вилами. — Бедабор подошёл к воде и бережно сполоснул руки. — Нашел следы. Много. Нужно идти по ним.

— Значит, наши покойники — очень даже живые? Хитро, очень хитро! Согласен, сейчас нам нельзя терять времени. — Яромир согласно кивнул и последовал примеру товарища.

Бедабор кивком велел Яромиру следовать за ним, в сторону опушки леса.

Глава 7: «Мочи уродов, братки, и дело с концом!»

Двигались быстро и бесшумно, проходя в берёзовую рощу всё дальше и дальше.

Теперь и Яромир отчётливо видел совсем ещё свежие отпечатки сапогов на влажной, пожухлой листве.

Тот, кто здесь проходил и не думал замечать следы. Вероятно, не ждал, что кто-то то осмелится проследовать за ними...

Уже загодя послышались громкие возгласы и показались мелькающие между берёзами блики многочисленных костров.

Яромир двинулся вправо, но Бедабор одернул его за пояс и указал следовать за ним.

Сейчас Яромир решил довериться богатому опыту бывшего головореза и покорно пошёл по пятам.

Голоса становились всё громче и громче.

Яромир насчитал не меньше десятка.

Весьма скромно для вурдалаков, но далеко не дурно для умелых бандитов.

— И доколе нам ещё в этой глуши пыжиться?! — возмущенно завопил писклявый голос и рядом с Бедабором, раздался чугунный звон брошенного в дерево котелка.

— Пока Цепной пёс не вернётся с добычей! А пока делай что велено и не возникай, если не хочешь кончить, как Ерпа, в канаве!

«Цепной пёс... Сорок пеших... Вот, о ком был донос на столе у воеводы!» — тут же всплыло воспоминание в голове Яромира. — «Но, раз их голова кого-то преследует, значит здесь явно осталось меньше людей. Осталось лишь выяснить, сколько...»

Яромир дал знак Бедабору прикрывать его, а сам стал медленно подкрадываться к лагерю.

Неожиданно, справа послышался шорох, зажурчала вода и Яромир замер прямо за деревом.

— Сраный Швах Цепной пёс... На кой понадобилось ему баб-то убивать? Ох, как же бабу хочется... — причитал под нос писклявый, вернувшийся за котелком. — Пойти, что-ли откапать одну...? Никто и не узнает. И что, что холодная и грязная...?

Яромир не заметил, как Бедабор в мгновение, совершенно бесшумно, оказался за спиной бандита и коротким движением перерезал ему артерию.

Писклявый в мгновение захлебнулся собственной кровью, а Бедабор оттащил его в сторону.

От хладнокровия, точности и безжалостности товарища, по спине Яромира пробежали мурашки.

— Или сюда. — махнул рукой Бедабор, подзывая замешкавшегося Яромира. — Погляди на это.

Он соскоблил грязь с нагрудника писклявого и приложил на чистое место руку Яромира.

— Холод, железо? — удивлённо нахмурился он. — Я ещё таких не встречал...

— Сталь-градский особый полк следопытов. — едва слышно прошептал Бедабор. —

Тринадцать человек.

— Как ты...?!

— Позже научу. — все так же холодно продолжал Бедабор. — Вдвоем — никак. Слишком хорошо вооружены, слишком умелы. Нужны все. Веди, я посторожу. Может, кого ещё выцеплю. Давай, голова, действуй...

Яромиру дважды объяснять не пришлось.

Он осторожно попятился назад и, как только звуки лагеря остались позади, перешёл на бег.

Неудобные доспехи и не до конца затянувшиеся раны сильно затрудняли движение, но Яромир не мог позволить себе тянуть время.

Несмотря на все навыки Бедабора, Яромир чувствовал, что его друг сейчас находится в большой опасности и лишь от него сейчас зависит будет он жить или нет...

Вдохнул, выдохнул, стиснул зубы и — вперёд!

В это время в лагере все, как и прежде, ни сном, ни духом не чаяли, куда делись Яромир и Бедабор.

Лишь Айромир беспокойно ходил из угла в угол, в то время как все остальные рубились в Зернь.

В эту игру Гришка умел превосходно жульничать, потому Пятеро из Ларца, кон за коном, быстро лишались своих кровно заработанных монет.

— А ну, дуралеи, подъём, кто-то приближается! — уверенно скомандовал Айромир.

Гришка едва успел спрятать выигрыш за пазухой, как Гек и Вяк дружно перевернули стол, а остальные близнецы заняли оборонительные позиции.

Но, страшной угрозой всего лишь оказался запыхавшийся Яромир.

Долгое время он не мог продышаться и даже выпил несколько кружек найденного в погребке пива.

Лишь после этого он смог членораздельно обрисовать сложившуюся ситуацию и, уже через пятнадцать минут, готовая к бою Покойная бригада выдвинулась на помощь Бедабору.

На удивление крепкое пиво помогло и Яромир почувствовал, как больное колено перестало противно поднывать, от чего он смог самостоятельно бежать уже после моста.

На опушке леса он остановил отряд, дав всем передышку перед предстоящим боем:

— Значит так, напоминаю, — тяжело дыша начал Яромир. — тринадцать умелых воинов. Может больше, может меньше, но где-то так... Бедабор ждёт нас в лесу. План такой: подкрадывается, каждый устраняет по одному, с остальными разбираемся по старинке. Собственно, ничего мудрёного.

— А я? — Гришка испуганно выпучил глаза. — С меня-то какой убийца?

— И то верно... — нервно почесал затылок Яромир. — Построишь на стрёме, вдруг мы ещё кого упустили.

— Эй, какой на стрёме? — возмутился Кек и больно стукнул Гришку в плечо. — этот шарлатан, нас в Зернь надуть хотел!

— Пусть теперь, как все, отрабатывает! — подхватил за братом Гек.

— Поверьте, — злорадно усмехнулся Айромир. — Как раз-таки ему лучше постоять на стрёме, от греха подальше...

— У-у, приبلуда! — погрозил Гришке кулаком Гук. — Слышал, таракан, мы ещё с тебя должок-то вытрясем!

— Отдаст он вам ваши всратые монеты, — вмешался Яромир, оттаскивая Гришку в сторону. — Ну-ка, подтверди!

— Таки, хера им лысого, такого же, как их головы! — Гришка сложил дулю и задиристо протянул её братьям. — С чего я должен возвращать честно нажитое? Не знаешь броду, не суйся в воду! По-вашему: «не шарить за кичу, не заходи в хату...»!

— Ах ты паскуда! — схватился за меч Вьяк, как из глубины рощи донеслись отдаленные, взволнованные крики. — Ты сейчас сам-то понял, что ляпнул...?!

— Всё, хватит дурью маяться! — взволнованный Айромир яростно схватил Гришку за шкуру и поволок за собой в темноту леса. — Чую, с другом беда... Спасать надо!

При виде такого серьёзного выражения лица Айромира, никто возразить не решился и все тут же последовали за ним.

Когда Покойная бригада добралась до лагеря Сталь-градских следопытов, то обнаружили их палатки объятые огнем.

Яромир дал команду всем остановиться поодаль, а сам подкрался к тому месту, где совсем недавно они расстались с Бедабором.

Только его товарища там уже не было, как не было и тела Слав-городского воина. «Вероятно, что-то и Бедабора спугнуло...» — Яромир безрезультатно шарил глазами среди деревьев, в конце концов переключив всё своё внимание на следопытов.

Не меньше семи воинов сбились в кучу, прижавшись спина к спине. Они о чем-то яростно спорили, большую часть из чего Яромир разобрать уже не мог. Послышалось лишь "держат строй", "глядеть в оба" и "паскудные твари".

Все пошло не по плану и Покойной бригаде срочно требовался новый план действий... — Всё плохо. — начал он, вернувшись к остальным.

— Что-то с Бедабором? — вновь взволнованно выпалил Айромир. — Его я не видел, успокойся. Ничего с ним не случится, он смышлёный малый, на рожен не полезет.

— Чего тогда они так вопят? — любопытно вытянул голову Чук. — Ссыкуны, вот и ноют, как бабы! — подскочил на ноги расхрабренный Кек. — А мы же — не бабы?! Так, братки?!

Близнецы Кека один за другим последовали его примеру. — А вы чего, тоже в штаны наложили? — шутливо бросил Вьяк. — Идиоты, сядьте на место, нам надо действовать вместе! — Яромир потянул Кека за край кафтана, но тот лишь нервно оттолкнул его руку.

— Сам сказал — что их всего семеро. А нам такое дело плёвое! Так, братки? Айда, замочим их!

Близнецы, короткими перебежками, стараясь не издавать лишнего шума, начали окружать отряд Сталь-градцев.

— Безголовые тупни... — безнадежно процедил сквозь зубы Яромир, и они с Айромиром бросились следом за близнецами.

— Вот, именно, таки, лупи их, пацаны! — подбадривающе помахал кулаком в воздухе Гришка, явно не собирающийся присоединиться к драке. — А я буду придерживать прежнего плана!

Не придумав ничего лучше, близнецы набросились всей оравой, но тут же получили

жѣсткий отпор.

Вяка неприятно полоснули по ноге. Кек пропустил тяжѣлый удар в глаз.

Воины Сталь-града источали нескрываемѣй испуг, но всем видом показывали, что не собираются бежать и сдавать позиций.

При всѣм при этом, по всему их горящему и дымящемуся лагерю, Яромир разглядел до двадцати мѣртвых тел, очень сильно по виду напоминавших самих воинов.

На короткое мгновение все рассыпались в разные стороны и замерли в ожидании.

— Вы ещё что за салабоны?! — выкрикнул один из измазанных в грязи Стальградцев. — И куда делись они?

— Кто такие «они»? — Яромир едва успел помешать Гуку вновь ввязать в драку, оттолкнув того в сторону.

— Мать твою через мать! — завопил Вяк, пытаясь остановить хлещущую из ноги кровь. — Херачь их, братки, какие тут могут быть базары?!

— А ты попробуй, общипанная шалашовка! — дерзко бросил один из переодетых в мертвецов разведчиков.

— Сейчас они вернутся и тогда все попляшем! — перебил его другой, пиная один из многочисленных трупов, лежащих на земле. — Надо с этими быстрее кончать и уносить ноги!

— Да от кого?! — пытался перекричать гудящую толпу Яромир.

Кто-то или что-то смогло испугать отборных вояк, и он должен был во чтобы то ни стало выяснить, что именно...

— Железные гончие Шваха...! — уверенно пришѣл к довольно странному заключению Айромир. — Голова, этих козлов нельзя отпускать отсюда живыми...!

— Ха, мужики, а я признал этого! — вмешался крайний из гончих, указывая обухом топора на Айромира. — Таковую рожу хер забудешь! Это ж тот воевода, которому наш атаман насовал взашей у Троицка! Отлично помню, как ты тогда улепѣтывал, поджав хвост!

— Вонючие живодѣры! — прорычал Айромир занимая атакующую позицию.

— Чья бы мычала, Айромир Трусливый! — фыркнул на него в ответ тот, что был старше и крупнее остальных гончих. — Лично я рад тебя видеть! Жаль не вижу твоего бритого мужеложца, с ним бы я с радостью поквитался...!

Гончий осветил лицо факелом, и Яромир разглядел ужасающего вида шрам на его лице. Огромная улыбка от уха до уха затянулась кровавыми рубцами, страшно изуродовав лицо еѣ владельца.

«Бедабор не нападал... Что тут происходит?» — Яромир настороженно бегал глазами по сторонам.

Ситуация накалилась до предела.

Яромир нутром чувствовал, что сейчас гончие — не главная из их бед.

— Да херли вы стоите, козлодои драные! — развопился Вяк, толкая Кека в ногу. — Мочи уродов, братки, и дело с концом!

— Подойди и я живьѣм спущу с тебя шкуру, щенок! — оскалился старший гончий. — Или кишка тонка, соплежуи?

Терпение близнецов иссякло.

Суматоха завертелась мгновенно.

Каждый выбрал себе по противнику. Зазвенела сталь. Полетели искры.

Бедабор оказался прав: особый полк Сталь-града отличался исключительной боевой

подготовкой и ни на мгновение не позволял отряду Яромира продохнуть.

Айромира и Яромира отсекали от близнецов и теснили в сторону.

Братьев же нещадно осыпали ударами, те опасно кололи в ответ.

Одна из сторон ничуть не уступала другой, когда за спиной, в темноте леса, Яромир расслышал истошные вопли Гришки и тут же спину обдало холодным потом.

Рыжий гонец, с дикими криками, не глядя влетел в самую гущу боя, заставив всех на мгновение прекратить сражение.

— Мертвецы! — задыхаясь выпалил он, рукой указывая в темноту и тут же спрятался за спиной Яромира.

Тут же со всех сторон донеслось шкрябанье листвы и многочисленное, устрашающее кряхтение. Следом за ним, среди деревьев загорелись яростно пылающие огоньки кроваво-красных глаз вурдалаков.

— Стерва, они вернулись! — в сердцах выпалил худой гончий. — Всё, просрали...!

— Эй вы, опездолы! — старый гончий обратился к Яромиру. — Предлагаю на время отложить перепалку...

Яромир только хотел поддержать его предложение, как раздался хрип одного из Стальградских бойцов и послышалось слабое хлюпанье крови.

Молчаливый Гук воспользовался моментом и перерезал зазевавшемуся гончему шею.

— Пошёл ты в гузно, жопорылый петушара! Ату их, пацаны! — завопил он и вновь загремела сталь.

Яромир же вообще перестал понимать, что происходит.

Вурдалаки нескончаемым потоком валили со всех сторон и приходилось отбиваться не только от их полусгнивших конечностей, но и от мечей гончих.

Братья будто ополоумели.

С совершенно необузданной яростью они бились и с теми и другими, пока стена из мертвецов окончательно не разделила их с Яромиром.

Кто-то из толпы разразился душераздирающим криком, но Яромир его уже не видел.

Может и пятерняшки, может и гончие — сейчас ему вообще было не до этого...

Яромир ловко орудовал мечом, прикрывая собой старательно защищающегося Гришку.

Трусоватый гонец хоть и не отличался особыми умениями в драке, но держался весьма бодро, что не могло не порадовать Яромира.

Всё новые и новые вурдалаки медленно выползали из леса и в скором времени от их развалившихся тел и отрубленных конечностей уже некуда было ступить.

Яромир со жгучей обидой заметил, как толпа вурдалаков смела с ног Кека и затоптала пытающегося безуспешно отползти в сторону Вяка.

Им уже не помочь...

Вурдалаки застали их врасплох, и Яромир прекрасно понимал, что им нужно было отступить как можно быстрее.

Он не мог потерять ещё кого-то из своих...

Внезапно, прикрывавший левый фланг старый гончий споткнулся о тело убитого Гуком товарища и неуклюже завалился спиной прямо во всё ещё горевший костёр.

Он завопил от боли, воздух наполнился запахом палёной кожи, что не могло не привлечь вурдалаков.

Они навалились на обезображенного гончего толпой. Вцепились зубами в руки и ноги, придавили разлагающимися телами к земле. Гончий завопил от боли, и тут же вурдалак с

пристрастием вырвал кусок его горла.

Ему уже не помочь, но всё ещё можно было вывести Гришку.

Как раз-таки Яромир заприметил среди всей этой кутерьмы и Айромира.

Опытный воин занял оборону на возвышенности из кучке вещей и умело отбивался от нападающих вурдалаков.

— Айромир, тикаем! — попытался докричаться до него Яромир и у него это получилось.

Айромир, разглядев в толпе светлую шевелюру Яромира, пачками валящего подкрадывающихся мертвецов, оттолкнулся от одного из вурдалаков и побежал по их головам и плечам к нему на встречу.

Один из ходячих трупов не выдержал его веса и Айромир плюхнулся в листву. Сейчас каждое мгновение промедления могло стоить ему жизни.

Подоспел Гришка.

Несмотря на весь страх и трясущиеся поджилки, он выскочил перед замешкавшимся Айромиром и начал размахивать клинком во все стороны, стараясь не подпустить к нему вурдалаков.

Этого хватило.

Айромир быстро пришёл в себя, снял голову с ближайшего к Гришке мертвеца и за пояс поволок рыжего товарища к Яромиру.

Остатки Покойной бригады оказались в сборе.

— Все целы? — пыхтя от усталости, бросил через плечо Яромир.

— Какая разница... — отвечал ему такой же запыхавшийся Айромир. — Нужно уходить, пока ещё можно.

— А что близнецы? — полюбопытствовал Гришка, отрубив протянутую к нему костлявую руку. — Хотя, пёс с ними, сами справятся!

Яромир огляделся, ища оставшихся близнецов, но среди всей кучи малы что-то различить уже не представлялось возможным.

«В кое-том веке Гришка прав.» — Яромир дал знак Айромиру и они начали силой пробиваться в сторону, где вурдалаков скопилось меньше всего.

Близнецы — опытные бойцы и, всё же, Яромир не так переживал за них, как за своих собственных братьев.

Он ещё долго слышал людские крики и звон мечей, медленные вурдалаки продолжали настойчивое преследование, потому до самой окраины березовой рощи пришлось отступить с боем.

Мертвецы прекратили преследование, только стоило сбежавшей троице пересечь хлипкий мостик.

К удивлению Яромира, кряхтящие и пускающие слюни вурдалаки развернулись и медленно вернулись обратно в лес.

— Это что за херня сейчас только что была? — распластался по земле запыхавшийся Айромир.

Гришка и Яромир приземлились рядом.

И Яромир ничего не смог ответить, потому что сам не знал.

Хотя, одно знал точно: сейчас их спасло солнце, розовой линией поднимающееся по небу из-за их спин.

Всё тело вновь заломило. И Яромир, тяжело дыша, закрыл лицо руками.

Сейчас нужны было восстановить силы и понять, что же делать с этим всем дальше...

Глава 8: «Гриша, ну етить твою мать!»

Немного отлежались и попёрли дальше...

Жар-поле всё так же продолжала пустовать и, к облегчению Покойной бригады, даже не думала их чем-то удивлять.

Айромир первым вошёл в лагерь и гневно швырнул меч в угол, после чего молча скрылся в стенах избы.

Гришка откупорил ещё одну найденную юлизнецами бочку браги и налил Яромиру полную кружку.

Тот отказываться не стал.

— Таки, хреновы наши дела, да? — Гришка устало вытянул из колодца ведро воды и постарался отмыть руки от крови, грязи и гнили.

— Пока одни только вопросы... — Яромир завалился на скамью возле дома и задумчиво пошурудил волосы, в поисках застрявших в них веток и листьев. — Что сам думаешь?

— Что тикать надо отседова. — с твёрдой уверенностью в голосе заключил Гришка. — Собрать дружину по бодрее и навалить этим мертвякам по самое нехочу.

— Либо князь спустит с нас три шкуры... — появился в дверном проёме Айромир. — И без Бедабора я отсюда не уйду.

— Да по что он тебе так сдался? — возмутился Гришка и запрыгнул на край колодца. — Он же тебе не баба, чтоб за него трястись.

— Что ты знаешь, сопляк?! — нахмурился Айромир. — Я ему обязан. Через много прошли. Столько раз он мою шкуру спасал — не сосчитать! Теперь — мой черёд выручать его из беды.

— Бедабор как в воду канул... — Яромир почесал начавшую виться бороду, прокручивая в голове события прошлой ночи в поисках каких-то упущенных мелочей.

— Ты же у нас заумный по части чудишь! Э-эх! — Гришка так зевнул и чуть было не свалился в колодец. — Вот же только тут лазили, всех угомонили. Таки, какого хрена они снова повылазили?

— Причём в таком количестве. — добавил Айромир, наполняя свой стакан.

— Всё это очень мутная история... — Яромир приложился к браге, от кислоты которой тут же сильно замутило. — Зато отпали вопросы, куда подевался дозор с заставы. Там же, вероятнее всего, и жители соседних деревень. Стали вурдалаками, а доложить некому.

— Может тогда эти, как их, гончие, специально духа пробудили? — наобум предположил Гришка. — Чтоб нам худо сделать.

— Не исключено. Либо кто-то так решил от них защититься.

— На самом деле — весьма хитрый ход: облепился грязью, травой и всё — самый настоящий вурдалак. В темноте не отличить же. — поддержал Айромир. — Но одно понятно, что не мог он сам по себе, из ниоткуда взяться.

— Может быть маньяк...? Но этот дух редкость и его вызвать крайне сложно.

— Разве маньяк может подчинить столько вурдалаков? — недоверчиво посмотрел на Яромира Айромир.

— Сложная вырисовывается картина. Давайте начнём сначала... Что то единственное, способное пробудить вурдалака?

— У-у, началось... — Гришка поспешил спрыгнуть с колодца, прихватить со стола подсохший за ночь кусок жареной куриной ноги, и скрылся в доме. — Когда борьба умов закончится — позовите, а пока — я спать!

— Колдун. — пожал плечами Айромир, отвечая на вопрос Яромира.

— Причём, чем колдун мертвее, тем опаснее. Его дух — порождение извращённой, искалеченной души. Не зря же считают, что колдуны — голоса Забвения...

— Тогда уже получается целый ведьмак. Но, как подметил Гриша, с ним же мы разобрались? Бедабор при мне разломал его приبلуду.

— Ведьмак... А вдруг наш ведьмак оказался куда сильнее и хитрее, чем я думал? Вдруг, там, в норах, он смог связать себя с этим миром не только ловцом снов?

— Никогда о подобном не слышал.

— Подумай, ну сколько может поднять вурдалаков обычный ведьмак? Полсотни? Стань он духом, ну сотню поднимет — потолок.

— Там прикинуть, то в лесу было не меньше трёх сотен, как бы не больше.

— Вот именно. Значит здесь — явно не обычный дух. А на что способен маньяк, бывший при жизни ведьмаком?

— Поднять умертвие... — с лёгким испугом прошептал Айромир. — У меня плохое предчувствие. Нужно как можно скорее вернуться в лес и найти Бедабора.

— Именно, вот умертвия нам как раз-таки здесь только и не хватало! За Бедабора не переживай. Сам знаешь, он просто так в лапы чудищ не дастся. Нам же нужно отоспаться и отправиться к каменоломне. Днём здесь угрозы нет, а силы точно пригодятся. Чую, что вновь там гадина притаилась. Незаметно прошмыгнём, найдём его цацку и вернёмся в Славгород, пока все не стало только хуже...

— Скажи, что я ослышался и мне показалось, что ты вновь хочешь лезть в эту дурацкую яму?! — послышался из-за стены недовольный возглас Гришки. — Я ещё с прошлого раза пылищу из носа не до конца выковырял!

— Спи давай, а то отдам тебя ведьмаку, как наживку! Будешь знать!

Гришка обиженно фыркнул и громко стукнул ногой в стенку.

— Надо же, выжили, — донёсся знакомый голос со стороны калитки. — скоты...

В воротах стояли потрёпанный Чук и по уши испачканный кровью Гек.

— Докладывайте, что с остальными? — весьма непривычным для Яромира, командным тоном спросил Айромир.

— Пошёл ты, Троицкая псина! — презрительно плюнул под ноги Гек, проходя мимо него в избу.

— Мертвы. — Чук подошёл к Яромиру, взял кружку из его рук и осушил до дна. — Нет больше братьев...

У Яромира болезненно кольнуло под лопаткой, но вида он не подал.

«Как же с этим всем справляется Руевит...?» — Яромир с печалью смотрел, как совершенно разбитый и потерянный Чук опрокидывает очередную кружку. — «Как воевода так спокойно переносит все эти смерти...»

Айромир долго смотрел на него пристально, исподлобья, будто изучая. И у Яромира сложилось ощущение, будто старый вояка видит его насквозь.

— Что, тяжело? — Айромир подсел к Яромиру, в то время как Чук проследовал за братом в избу. — Привыкай. Заделался головой, будь готов её же и лишиться.

— Разве к такому привыкнешь? — фыркнул Яромир, оторвал кусок ткани и стал

приводить в порядок грязное лезвие.

— Такова доля ратника. Каждый день стоять бок о бок с братьями, относиться к своим воинам, как к сыновьям и быть готовым в любое мгновение распрощаться с каждым из них. Уж я-то в этом кое-что понимаю...

— Правду сказал Кек? Ты раньше воеводил?

Айромир на мгновение замолчал. Яромир чувствовал, насколько сильно не хотел тот вспоминать прошлое.

— Что ж..., сколь веревочке не виться, а концу быть, да? — тяжело выдохнул Айромир. — По роду я — сын ювелира, весьма знатного и уважаемого. Только к баткиному делу руки не лежали. Что ни вылью — всё через жопу. Зато сверстников лупил за милую душу! Посмотрел на меня батька, покумекал и отдал в гарнизон. Характер у меня был зверский... На второй день расквасил нос старшине, от чего целых две зимы просидел на нужниках. Только от своего не отступился. Сначала гридник, через зиму — десятник, ещё через две — уже старшина и почти сразу поставили полсотником. Потом сотник, темник и вот, к своим четырём десяткам, я — целый воевода.

— Неплохой путь, чтобы сейчас гонять каких-то чертей и мертвецов по проклятому захоластью... — под нос усмехнулся Яромир.

— Смейся, смейся, посмотрел бы я на тебя, если бы ты в один день потерял пять тысяч человек...

Яромир от удивления отложил меч в сторону и выпучил на Айромира глаза.

— Я вижу в тебе сильного командира. — Айромир взял Яромиров клинок, взял тряпку и продолжил его чистку. — Бедабор тоже это разглядел. Ты уверенный, сердечный, подаёшь большие надежды. Ты источаешь силу, за которой хочется идти, с за которую хочется сражаться. Потому мы и примкнули к тебе. Не столько в поисках заработка... С тем же успехом мы могли бы, как вот эти, ходить пришлыми и получать свои золотые, сторожа какого-нибудь купца, пока тот развлекается с очередной шлюхой. Сейчас, в дали от лишних ушей, я могу говорить открыто: в тебе куда больше от истинного князя, чем в твоём брате.

Яромира передёрнуло.

— Что, неприятно? — усмехнулся Айромир. — Ты не подумай, я не призываю к мятежу. Просто правда на лицо. Мы это видим, люди это видят, сам князь это видит и с каждым днём всё больше чувствует в тебе угрозу.

— Мне это не нужно.

— Погоди отнекиваться... Не нужно, пока сам не вкусишь власть и силу. Ты ещё молод, за всё радеешь и ко всему относишься слишком... по-детски. Послушай сюда: от судьбы не уйдёшь! Придёт время и тебе придётся сделать тяжелый выбор. Ты ещё поведешь за собой людей, и они будут умирать за тебя! Хочешь ты того или не хочешь, но такова доля каждого правителя, командира или лидера. Смерть — неотъемлемая часть жизни. И люди в руках властителя — не больше, чем куски кожи в руках мастерового. Лишь средство достижения цели.

— Вы не рассказывали, что Бедабор спас тебя от гончих. Потому ты так рвёшься его спасти?

— Он грозный воин. Спору здесь нет и быть не может. Но я знаю его с обратной стороны. Отзывчивый, справедливый, сердечный. Бедабор не только вытащил меня из западни, но и помог найти место в этом мире. Моё место. Он стал мне братом, и я попросту не могу оставить его в беде.

— Тогда нам стоит отправляться и побыстрее покончить со всем этим...

Яромир не успел закончить мысль, как из избы донеслась громкая брань и на улицу вышли Чук и Гек.

Следом вывалился взъерошенный Гришка, прикрывавший левый глаз ладонью.

— Вонючие козлы! — кричал он вдогонку принявшимся седлать коней близнецам. — Яромир, эти скоты сваливают! Таки, ещё оставшиеся деньги отобрали и вот этот в глаз мне зарядил, падла!

— Завали хлебрезку, ржавый, пока ещё и будку не снесли! — нагло огрызнулся в ответ Гек.

Яромир и Айромир нехотя поднялись и перегородили дорогу близнецам.

— Далеко намылились? — Яромир взял коня Чука за узду. — Работа ещё не закончена...

— Руки убери, приبلуда! — Чук дерзко оттолкнул Яромир и запрыгнул в седло.

— Мы в этой проклятой дыре и на мгновение больше не задержимся! — Гек выхватил меч из ножен и направил его в грудь подходящего Айромира. — И только попробуйте нас остановить!

— Сраные трусы! — усмехнулся Айромир. — И где ваша расхваленная честь?!

— Там же, где остались наши братья! — Чук затянул ремни упряжи и поправил седельные сумки.

— Таки, вы взяли деньги и не выполнили обещанную работу! — влез перед Геком Гришка. — Оставляйте жалование и можете катиться ко всем чертям, сыклявые Двое из Ларца!

— Либо оставайтесь и доводите дело до конца. — Яромир непривычно грозно нахмурил брови. — Мне жаль ваших братьев, но назвался груздем полезай в короб! Вы знали, на что шли. Да и мы предупреждали!

Близнецы злобно переглянулись, и Чук недовольно бросил мешочек с монетами под ноги Яромира:

— Подавитесь! Всё равно основную долю мы уже забрали!

— Да и жизнь дороже! — поддакнул Гек.

— Мы тоже потеряли человека, но почему-то не удираем, поджав хвосты! — вспылал Айромир. — Небось, вы так же улепётывали, когда стальные брали Троицк? Хоть сейчас сожмите свои яйца в кулак! Коли взялись за дело, будьте мужиками до конца...

— Пошёл ты, старый хер. — презрительно плюнул Айромиру в ноги Гек.

— Чтоб мы за лысого душегуба полезли в лапы этих чудищ и кончили, как братья?! — Чук покраснел, натужился и так разорался, что слюни стали беспорядочно вылетать из его рта. — Ну уж нет! Херачьте сами, хоть на все четыре стороны!

— А если хотите нас остановить — милости, сука, просим! — присоединился к брату Гек. — Мы всё равно уйдём: живыми или мёртвыми!

Яромир огляделся.

Накатило резкое желание схватиться за меч и пошинковать трусливых пришлых, как капусту, но что-то внутри остановило его.

Мгновение замешательства и братья стегнули коней и стрелой вылетели со двора, повалив на землю часть штакетника и посадив на зад попытавшегося их остановить Гришку.

— Трусы, подлецы, гузыни захухряные! — бранился Гришка им в след, преследуя стремительно удаляющихся близнецов.

— Ты же мог их остановить? Почему не стал? — Айромир одарил Яромира полным беспокойства взглядом. — Сам же знаешь, что лишние руки сейчас — ой, как нужны. Яромир?

Яромир некоторое время лишь молча всматривался в поднимающийся от копыт столб пыли, после чего угрюмо побрёл к избе:

— Думаю, что тебе самому ведомо... — мрачно ответил он Айромиру. — Только ещё ножа в спину не хватало. Сами управимся, да и их понять можно. И так многое потеряли... Пойдём, немного отдохнём и приступим.

Крепкий сон нарушило ржание лошадей снаружи.

Яромир подскочил первый и тут же схватился за лежавшую у изголовья рукоять серебряного меча.

Ледяной озноб устрашающе пробежал по спине.

Враг был уже рядом.

— Гриша, ну етить твою мать! Как так?! — он пнул под зад завалившегося возле окна Гришку. — Всего час покараулить и то не смог!

Гришка продрал глаза, испуганно подскочил к окну и громко выругался.

— Да как-как?! Вот так! У нас гости!

Айромир спохватился быстро и первым подлетел к сооруженной возле двери баррикаде.

— Проспали, драть-колотить! — он с психом пнул пустую бадью. — Гришка, ну сколько можно?!

— Таки, откуда я знаю, глаза сами...

— Гриша, какой-то сраный час! — Яромир бросил Айромиру пояс с ножнами и поспешно стал затягивать ремни нагрудника. — Что за вопиющая безответственность?!

— Конечно, таки, во всём виноват Гриша! — недовольно надул губы гонец, как ровно в этот момент, снаружи донеслось злобное рычание и нечто тяжелое навалилось на дверь.

— Чего встал? Зажигай факелы. — скомандовал Гришке Яромир и тут же вместе с Айромиром навалился на едва устоявшую от натиска кучу вещей. — Придётся прорываться с боем.

Гришка суматошно начал рыскать по вещам в поисках огнива, чтобы зажечь заранее подготовленные факелы, пока мужики на дверях едва сдерживали новые удары.

— Да сколько же их там?! — пыхтел от натуги Айромир.

— Страшно представить, но другого выхода у нас нет.

К общему удивлению, с этим заданием Гришка справился отлично.

Яромир кивнул ему встать возле прохода:

— На следующий напор сбрасываем преграду в сторону и бежим к лошадям. Гришка, ты по середине, чтоб не отстал. Ну, вперед! Авось, получится!

В считанные мгновения раскидали наваленные у двери столы и бочки, как с новым ударом дверной косяк не выдержал напора и с грохотом рухнул на пол.

Тут же, следом, в избу неуклюже ввалилась первая куча воняющих, гниющих вурдалаков.

— Пошли! — скомандовал Яромир и рванул напрямик в образовавшийся проём, напрямик по телам, тыча ярким факелом в морды ждавших снаружи вурдалаков.

Айромир же силой выпихнул замешкавшегося Гришку следом, стараясь не отставать от

напористо прорывающегося вперёд Яромира.

От яркого, обжигающего света мертвецы пятились назад, а те, что не успевали отойти, под яростными ударами богатыря падали на землю.

В стоило Яромир ввалился как раз вовремя.

Из девяти лошадей целыми остались лишь три, зажатые возле дальнего конца стоила.

Поцарапанные и покусанные, они всё ещё яростно вертелись вокруг себя и отбивались копытами от наседающих вурдалаков.

Яромир рубанул наотмашь, сняв несколько голов и разрубив мертвеца от шеи до рёбер, как сбоку неожиданно навалился вурдалак и повалил его на землю.

Айромир тут же остановился и яростно замахал факелом, сдерживая преследователей, а Гришка перепрыгнул через Яромира и стал пробиваться к лошадям.

Сейчас было дорого каждое мгновение.

Яромир же успел откатиться в сторону, отрубить ногу подскочившему вурдалаку и уже готов был вернуться к обидчику, как на мгновение замер.

Свет факела отчетливо осветил посеревшее, искорёженное жестокой grimасой, лицо Кека и болтавшийся на шее лоскут его красного платка.

С печалью на сердце Яромир рассёк воздух и тело его недавнего спутника гулко рухнуло в одну сторону, а голова покатилаь в другую.

— Айромир, задержи их! — постарался перекричать рёв вурдалаков Яромир. — Я помогу Гришке!

— Легко сказать! — бросил через плечо Айромир и умело отсёк протянутую к нему гнилую руку. — Шевелитесь!

Дважды ему повторять не пришлось.

Яромир несколькими могучими ударами избавился от оставшихся в стойле вурдалаков, сильно упростив Гришке задачу.

Конь Гришки быстро признал хозяина, хоть чуть было не зарядил копытом ему в голову.

Яромиру стоило огромных трудов и дюжих усилий, чтобы хоть немного успокоить оставшихся лошадей.

Вслед за Гришкой, он вскочил на едва успокоившегося скакуна и, взяв в свободную руку поводья другого, помчался к развалившимся под напором мертвецов пряслам.

— Айромир, лови!

Айромир же уже давно был готов.

Он сунул факел прямиком в рожу очередного вурдалака и побежал на встречу Яромиру.

На ходу он зацепил поводья, закинул ногу в стремя и лихо залетел на спину мчащейся во весь опор лошади.

Яромир с большим уважением оценил такой ловкий.

Теперь стоило каким-то чудом прорваться к лесу.

Кони неслись стремительно, разбрасывая неуклюжих мертвецов в разные стороны и перемалывая копытами их черепа и кости.

Яромир оглянулся и увиденное бросило его в холодный пот.

Сотни красных глаз устрашающе горели в ночной темноте.

Такого огромного количества мертвяков он ещё не видел за свою жизнь... Каким-от невообразимым чудом им удалось прорваться.

Конь Гришки и лошадь Айромира продолжали стремительно нестись вперёд.

Яромир уже почувствовал приближающееся спасение, как голова лошади Айромира

неожиданно отделилась от тела, а сам ездок вылетел из седла и покатился по земле...

Глава 9: «Чего делать будем, голова?»

Время замерло.

Айромир кубарем покатился по земле, а следом за ним летела обезглавленная лошадиная туша, сметавшая попавшихся на пути вурдалаков.

Гришка, ведомый страхом, оторвался вперёд.

Яромир же едва смог увести своего коня в сторону, чтобы тот не раздробил копытами голову Айромира.

Что за неведомая сила смогла одним ударом перерубить толстую лошадиную шею?

Яромир взгляделся в темноту и лютый страх на мгновение сковал его тело.

Оно — ужасающее серо-бледное существо, внушающее ощущение приближающейся, неизбежной смерти.

Умертвие...

Самое жестокое, неостановимое и безжалостное из порождений Забвения.

Ещё большее чувство леденящего ужаса заставило волосы Яромира встать дыбом, когда он разглядел в умертвии своего потерянного товарища.

Он не мог ошибиться. Та же одежда, те же черты лица... Бедабор...

Лицо Бедабора, искорёженное шрамами от когтей вурдалаков, искривилось в жуткой гримасе. Единственный оставшийся целым глаз горел яростным пламенем. Разорванные губы и порванное ухо с крайне неприятным видом подёргивались в такт его тяжелого, рычащего дыхания, а на месте откушенного под корень носа образовалась затянущаяся ссохшейся кровью дыра.

Это же разглядел и сумевший подняться на ноги Айромир.

— Нет... Нет-нет-нет! — с полным отчаяния криком, он выхватил клинок из ножен и одним движением разрубил сразу двух приближающихся вурдалаков.

Яромиру показалось, будто время замерло.

Его взволнованное паническое дыхание и истерично пульсирующая в висках кровь заглушали доносившиеся со всех сторон вопли вурдалаков.

«Только не Бедабор...» — Яромир кусал губы до крови, чтобы постараться хоть как-то сдержать неожиданно накатившую на него панику. — «Ведьмак... Айромир... Что делать?!»

Хладнокровный убийца и живым не внушал особой симпатии, а мёртвым — так вообще заставил трястись коленки даже такого опытного воина, как Айромир.

Яромир же понимал, что с каждым мгновением промедления, шансы на их бегство стремительно улетучивались.

Айромира бросило в дрожь.

Он впился глазами в угрожающе надвигающееся на него чудище, в надежде разглядеть в нём хоть какие-то признаки Бедабора.

Тщетно. Их товарища было уже не вернуть.

— Айромир, сюда! — окликнул его пришедший в себя Яромир, едва удерживающий брыкающегося коня на месте.

С яростным криком, полным боли и обиды, Айромир крепко сжал челюсти, отвернулся от Бедабора и бросился навстречу Яромиру.

Тут же случилось то, чего больше всего и опасался последний...

Умертвие рвануло следом.

Бедабор с грацией кошки проскользнул мимо крутящихся под ногами вурдалаков, скрылся из вида и вынырнул буквально из неоткуда, перегородив Айромиру путь к отступлению.

Сверкнула сталь в руке умертвия и Айромир интуитивно встретил её своим мечом.

Раздался противный лязг металла, полетели искры.

К удивлению Яромира, Айромир умело и легко отвёл могучий удар в сторону и зарядил гардой прямо в челюсть Бедабора.

Громко щелкнули зубы умертвия и тут же, незамедлительно, последовал жесткий ответ.

Умертвие ударило Айромира лбом в переносицу, садануло кулаком под рёбра и полоснуло мечом по голени.

Приступ необъяснимой паники вновь нахлынул на Яромира, старательно отбивающегося от теснивших его в сторону вурдалаков. Жизнь Айромира висела на волоске...

Умертвие после обращения продолжало сохранять все приобретённые при жизни человека навыки, наделяя его невосприимчивостью к боли, безумной силой и невероятной стойкостью.

Что делало и так опасного Бедабора ещё более устрашающим противником. Можно сказать — непобедимым...

Неожиданно умертвие взревело, от чего вурдалаки замерли на месте и расступились.

«Он ещё помнит нас?» — удивился Яромир, туго натягивая удила дёргающегося коня.

Бедабор прочертил остриём меча линию на земле и встал в боевую позицию.

— Как же так, брат...? — переполненный печалью Айромир, несмотря на заведомо проигрышную ситуацию, принял вызов. — Что ж, покончим с этим...

Изувеченное лицо Бедабора не выражало никаких эмоций.

Но Яромир даже за двадцать шагов ощущал движимый им холодный расчёт, непоколебимую уверенность в собственных силах и пульсирующий в венах азарт боя.

Айромир атаковал первым.

Его яростный выпад вперёд заставил Бедабора попятиться, осторожно уворачиваясь от свистящего в воздухе лезвия.

Этим и воспользовался Яромир.

Стеганул поводьями и рванул вперёд.

Айромир не отставал, направив клинок прямо в шею бывшего товарища.

Из двух приближающихся угроз Бедабор предпочёл Айромира.

Поднырнул под клинок, и коротко прошёлся мечом по его открывшемуся доспеху.

Холодная сталь прошла толстую вываренную кожу, будто осенний лист и на землю упали несколько капель крови Айромира.

Он злобно посмотрел в единственный горящий глаз Бедабора и крепко сжал рукоять меча, приготовившись к новой атаке.

Не успел Айромир сделать и шага, как несущийся к ним Яромир успел перехватить уже бросившегося в бой Бедабора.

Тяжелый сапог на скорости так приложился по голове умертвия, что отбросил его в сторону, тем самым выиграв Яромиру и Айромиру так необходимое им время.

— Валим отсюда! — Яромир протянул замешкавшемуся товарищу руку. — Иначе тут и останемся!

Дважды повторять не пришлось.

Айромир крепко вцепился в руку Яромира и тяжело вскарабкался на лошадиную спину. Умертвие Бедабор гневно взревел, и всё это время смиренно ждавшие приказа вурдалаки бросились в погоню.

Яромир больно подбил коня под рёбра, и скакун что есть мочи понёс их прочь от неумолимо следующей по пятам опасности.

Гришка наблюдал за ними с безопасного расстояния и присоединился, когда Яромир и Айромир стрелой пронеслись мимо.

— Таки, это что ещё за жуть такая?! — Гришка крайне испуганным голосом попытался перекрыть топот копыт.

— Бедабор... — устало прохрипел Айромир, рукой прикрывая сочащуюся кровью рану на животе.

— Как так?! — Гришка испуганно выпучил глаза на Яромира. — Что с ним стало?!

— Ведьмак постарался... — недовольно фыркнул в ответ Яромир и вновь подбил коня под бока.

— А они так могут? — продолжал наседавать с вопросами Гришка. — И как Бедабор...?!

— Дурень! — уже не выдержал Айромир. — Если б ты хоть немного нас слушал!

— Гришка прав. — неожиданно для всех заключил Яромир. — Как мы и думали — это маньяк.

— Сраный душегуб... — просипел Айромир и скрючился от боли. — Мы должны отомстить за брата.

— Как раз этим и займёмся. — согласился с ним Яромир. — Он тебя сильно зацепил?

Айромир расстроенно посмотрел на окровавленную руку и пощупал рану.

— Так сразу и не скажешь, но чувство, будто сейчас кишки вывалятся наружу.

— Так мы скачем в шахту?! — Гришку передёрнуло, будто его только что ударила молния.

— Именно. — подтвердил его опасения Яромир. — Думаю, что вурдалаки убили Бедабора и принесли его тело ведьмаку. Тот влез в его мысли и приложил немало усилий, чтобы обратить в умертвие.

— Колдуну нужна была защита. — присоединился Айромир. — От брата он выяснил, что мы представляем для него опасность, потому и решил напасть первым.

— По увиденному: он бросил на нас все силы..., - продолжил Яромир.

— Ага-ага, таки, хера ему лысого! — вновь влез Гришка.

— Пока ведьмак уязвим, нельзя терять времени... — Айромир скорчился от боли. — Покончим с ним — сможем покончить и с Бедабором.

— Ты ранен, и не отнекивайся, что не серьёзно. — Яромир обеспокоенно переглянулись через плечо. — Мы с Гришкой справимся, а ты постережешь лошадей...

— Как бы не так, голова! — сжав зубы, категорично возразил Айромир. — Эта скотина отняла у меня брата и мне не будет покоя, пока я не верну ему должок!

— Сраная каменоломня — выругался Гришка, когда из-за кустов показался невысокий горный массив. — Как же я не хотел больше видеть это место...

— Будьте наготове. — Яромир повернул коня в сторону и привязал к высохшему стволу дерева неподалёку, после чего помог спуститься Айромиру. — Нутром чую, что это место

нас крайне неприятно удивит.

Недовольный Гришка привязал своего коня рядом с Яромировым, а Айромир вытащил из-за пояса нож и срезал ремни с испорченного нагрудника.

По-другому он снять его уже не мог.

— Дай посмотрю. — Яромир взял только что зажженный Гришкой факел и поднёс его к окровавленной рубахе Айромира.

Айромир стиснул зубы и с большой осторожностью оторвал прилипшую ткань от раны.

— Паршивые дела... — прошептал Яромир, внимательно осматривая глубокую кровоточащую рану.

— Давай, голова, делай дело. — сурово выдал Айромир, взглядом показывая на пляшущие огоньки факела.

— Точно безголовые... — пораженно закатил глаза Гришка и отошёл подальше, лишь бы не видеть, что будет дальше.

— Жги, Яромир. — одобрительно кивнул Айромир, закусив зубами рукоять ножа.

Яромир тяжело выдохнул и перед глазами всплыли его чувства, когда он находился в точно такой же ситуации после битвы с водяным.

Он, насколько это оказалось возможным, постарался отбросить эмоции и прислонил горящее наверхие к кровоточащей ране Айромира.

Тот заскулил от боли, зашкварчала кожа и воздух наполнился запахом палёной плоти.

Когда Яромир закончил, то его уважение к стойкости своего старшего соратника достигло абсолютного апогея.

Айромир не то, что не потерял сознание, а смог самостоятельно подняться и натянуть наплечник.

Захватившая его злоба и жажда мести не позволили ему сдаться.

Гришка же стоял в стороне и таращился на него выпученными от удивления глазами:

— Вот, во двое мне ответьте, таки, вы точно человеки?!

— На счёт него я уже начал сомневаться... — с серьёзным видом почесал затылок Яромир, глядя вслед Айромиру, угрюмо идущему ко входу в каменоломню.

— Чего встали...?! — устало бросил Айромир через плечо. — Надо пошевелиться.

— Какой настырный. — тихо проговорил Гришка, так, чтобы услышал только Яромир. — Я б с такой дырой и двух шагов не сделал.

— Он бы тоже не стал, — с грустью выдохнул Яромир и кивнул Гришке, что пора следовать за Айромиром. — Только он это делает не для себя, а ради Бедабора.

— Так он и так же уже... «того»? Нет?

— Отец говорил: пока колдун продолжает владеть телом умертвия, дух воина испытывает невыносимые муки и не может перейти Калинов мост. Айромир же — человек чести. Не жалея себя, стремится освободить Бедабора от гнёта ведьмака и вернуть брату давний долг.

— Ага-ага, таки, поглядим, как далеко он утопает. — Гришка скорчил недоверчивую гримасу.

— Знаешь, кажется, будто он ещё и нас с тобой переживёт... — Яромир передал Гришке факел и крепче взялся за рукоять меча. — Многого мы не знаем об этих двоих. Слишком много...

Побледневший от потерянной крови, Айромир прислонился к толстой деревянной арке на входе в каменоломню.

— Мне, наверное, лучше замыкать. — прохрипел он проходящему мимо Яромиру. — А Грише идти в середине.

— Уверен, что не хочешь остаться? — заботливо поинтересовался Яромир, но Айромир лишь категорически покачал головой. — Раз так, тогда Гришка тебя прикроет, а я возьму вурдалаков на себя. Силёнок поди хватит...

— Он идёт, я чувствую. — в голосе Айромира послышался лёгкий испуг.

— Тогда поторопимся. — Яромир высоко поднял факел и первым шагнул в темноту.

Они уже знали эти каменоломни.

В прошлый раз Покойной бригаде полным составом пришлось провести в ней несколько дней, пока не отыскали колдунский ловец снов.

Норы уходили далеко в гору и большинство из их веток уже давно обвалились, а те, что уцелели, едва держались на прохудившихся от времени подпорках.

Гришка не зря боялся этого места.

Боялся и сам Яромир. Уж очень сильно его беспокоила реальная перспектива оказаться заживо погребённым.

Тем более, что в любой момент могло вернуться войско вурдалаков во главе с целым умертвием, так ещё и каким — Бедабором...!

Но сейчас уже поздно было отступать назад.

Потому Яромир и шёл первым.

Несколько первых пролётов в норах стояла полнейшая тишина, нарушаемая лишь топотом их шагов, эхом отскакивающим от каменных стен.

Внутри Яромира загорелся мизерный уголёк надежды, что все вурдалаки покинули пещеру, как из-за следующего поворота с устрашающим хрипом вывалились два мертвеца.

От неожиданного появления обитателей каменоломни, Яромир вздрогнул и увесисто саданул одного из них ногой в грудь.

Вурдалак пролетел половину коридора и гулко ударился головой о стену. Раздался хруст костей и по стене сползло его обмякшее тело, оставляя после себя на камне длинную кроваво-зелёную линию.

Со вторым Яромир уже не церемонился.

Сверкнуло серебро, и голова мертвеца тут же покатила по полу.

Опасения отряда подтвердились мгновенно.

Со всех сторон послышалось устрашающее шипение и стремительно приближающееся шорканье ног по камню.

— Вперёд, — уверенно скомандовал Яромир. — он должен быть уже близко.

Как Яромир и думал, ведьмак оставил на свою защиту огромное количество вурдалаков.

Мертвецы лезли отовсюду и мужикам пришлось пробиваться с боем, коля и рубя каждого, кто хотел им помешать.

Обезглавленные и покалеченные тела валялись один за другим, но даже и не думали заканчиваться, как и не думал останавливаться Яромир.

Временами он поглядывал назад, но, к его спокойствию, Гришка отлично держался, как неустанно орудовал клинком и Айромир.

Такой настойчивости и упорству можно было только позавидовать. Настоящий воин.

Настоящий лидер.

И сейчас, перед таким мужественным ратником, Яромир никак не мог позволить спасовать и самому себе. Только вперёд. Не смотря ни на что. До самого конца...

Новый поворот и они достигли заветной комнаты.

Стены большого зала выстилал необычный, поблёскивающий ярким сине-зелёным светом минерал, прозванный «Подгорным лучезаром».

Дорогой, редкий, но очень опасный для человека при контакте с кожей.

Правда, прекрасно разгоняющий мрак пещер.

Яромир огляделся и оказался прав.

На заваленной колонне по середине зала, ровно на том же месте, где висел ловец снов прошлого колдуна, сейчас был помещён светящийся человеческий череп.

Яромир с опаской вступил комнату, но с удивлением обнаружил, что череп никто не охранял.

— Это ловушка... — прохрипел сзади запыхавшийся Айромир.

— Таки, как в воду глядишь! — поддакнул Гришка.

Яромир же и сам это чувствовал.

Он стал медленно приближаться к колдовской приبلуде и теперь мог её отчетливо разглядеть.

На идеально отполированном черепе горел ядовито-зелёным светом вырезанный знак чёрного-солнца.

Яромир обернулся к выходу и уже приготовился встретить ватагу мертвецов, но ничего не последовало.

Неожиданно для отряда преследование прекратилось.

— Чего они ждут? — шепотом спросил Гришка у Айромира.

— Пёс их побери. — пожал плечами тот и опустил на колонну рядом с черепом. — Чего делать будем, голова?

Яромир и сам не знал ответа на этот вопрос.

— Это нечто новое. Сильное колдовство. С таким я раньше не встречался.

— Но, ты же знаешь, что с этим делать, правда? — с ноткой мольбы в голосе простонал Гришка и осторожно подкрался к выходу. — Надо же... Мертвецкая тишина.

— Думаю, что его нужно разрушить.

— Так чего мы ещё ждём? — развёл руками Айромир. — Давай, лупани по нему, что есть дури и дело с концом.

— Как-то ссыкотно... — Яромир приблизил лицо к черепу и почувствовал исходящую от него сильную вибрацию. — Есть у меня подозрение, что именно этого призвали нарочно...

— Это как так нарочно? — подскочил к нему Гришка. — Кто ж додумается такую сволоту вызвать?

— Тот, кому уже нечего терять. — начал размышлять Айромир. — Человек, страшно желавший мести, но не имеющий на то достаточных сил.

— Гончие... — от активного раздумья голова Яромира неистово зазудела. — Они первыми напали на Жар-поле. Точно! Тот трясущийся мужик, что пришёл к брату с прошением. Он вертел в руках такой же знак.

— Чёрное солнце. — Айромир с глубоким отвращением посмотрел на череп. — Древний, могущественный знак, что используют лишь чернокнижники и ведьмаки. Я

встречал многих из них и всех придал Забвению.

— Вероятно, — продолжал Яромир. — Тот малый — ученик этого маньяка. Когда пришли гончие, то он вновь явился сюда и сделал, что сделал. Отец говорил, что живые ещё могут договориться с духами, но здесь мы имеем дело с ведьмаком-маньяком. Где уж тут договориться...?

— Выберемся — лично выпотрошу гадину! — проскрежетал зубами Айромир.

— Он произвёл обряд призыва, а как понял, что напортачил — полетел к Игорю, в ноги кланяться. — Яромир сделал шаг назад и сжал рукоять меча обоими руками. — Что ж попробуем вот так...

Он широко замахнулся и что было сил опустил клинок на череп.

Раздался оглушающий хлопок, и тут же ударная волна разбросала всех присутствующих по разным углам.

Глава 10: «А мы, пожалуй, ещё потанцуем!»

Яромир пролетел всю комнату и болезненно саданулся спиной о стену, раскрошив собой приличную часть пласта Подгорного лучезара.

Он прокашлялся и с настороженностью взглянул на череп.

Тот не то, что не раскололся, а наоборот — остался совершенно целым, взмыл в воздух и его глазницы загорелись ядовито-зелёным пламенем.

— Сраное ведунство... — выругался Яромир и огляделся. — Все живы?

С разных сторон зала донёсся кашель и недовольное кряхтение.

— Сработало? — с надеждой спросил Гришка и тут же в сердцах сплюнул, заметив парящий в воздухе череп.

— Похоже, что стало только хуже... — взволнованно крикнул Айромир и указал Яромиру под ноги.

Земля неожиданно начала трескаться и из образовавшихся разломов стали высовываться костлявые руки похороненных под завалом мертвецов.

«Вот почему шахту закрыли...» — Яромир судорожно вертел головой, ища пути к отступлению. — «Дрянная шахта, всё-таки, обвалилась...»

Тут же, из прохода, в комнату повалили ожидающие снаружи вурдалаки.

Яромир и Гришка в несколько прыжков оказались возле Айромира и заняли оборонительную позицию.

— Таки, и как нам теперь быть?

— Выход отрезан! — Айромир подхватил факел и проломил череп первому из показавшихся из-под земли скелетов.

— Я что мог сделал! — безучастно развёл руками Яромир и уложил сразу двух вурдалаков одним ударом.

Мертвецы наседали стеной, всё сильнее и сильнее оттесняя отряд.

Все выходы оказались заблокированы и у них оставалось только два варианта: уничтожить заколдованный череп или пасть смертью храбрых...

— У меня есть идея, прикройте! — Гришка запрыгнул им за спину и стал истерично скоблить Лучезарную стену кинжалом.

— Чтобы ты не задумал, рыжий, шевели булками! — кричал ему Айромир, едва удерживаясь от напора мертвецов на ногах.

— Ещё мгновение! Ещё мгновение...

От прикосновения к Подгорному лучезару кожа на ладонях Гришки дымилась и шипела, но он не останавливался. Он сгрёб минеральную пыль в носовой платок, вылил сверху флакон масла для огнива и туго завязал узелок.

— Ну, Гриша, что там?! — Яромир с большим усилием отбросил тройку навалившихся на него вурдалаков. — Твори, давай, шустрее...!

— Готово! — Гришка выхватил факел из рук Айромира и поджёг получившийся свёрток.

Платок вспыхнул в руках Гришки синим пламенем и, сморщившись от боли, он прицелился и метнул его напрямик во всё ещё болтающийся в воздухе череп.

Не зря он считался лучшим в казарме по метанию ножей.

Стоило снаряду коснуться цели, как последовал новый оглушительный хлопок, и комната наполнилась ослепительным светом.

Вновь мощная ударная волна повалила всех на пол и точно стрелы по комнате полетели осколки черепа.

От ослепительного огненно-зелёного света всем членам отряда пришлось зажмуриться.

Первым на ноги поднялся Яромир и снова огляделся.

К его облегчению Гришкина задумка сработала на «ура!».

Ведьмачий череп разлетелся на кусочки, никто больше не вылезал из-под пола, а те, кто мгновение назад хотел разорвать их глотки, смиренно лежали на полу и вновь стали теми, кем должны были быть — мертвецами...

— А ты полон неожиданностей, Гриша. — сморщившийся от боли Айромир похлопал оглушенного взрывом гонца по плечу.

— Что?! Что ты говоришь?! — разорался Гришка, показывая пальцами на уши. — Нихрена не слышно!

Яромир показал жестом Гришке открыть рот, подошёл к нему со спины, крепко прижал ладони к ушам, сильно надавил и резко дёрнул в стороны.

Раздался щелчок и болезненный стон Гришки.

— Ну, полегчало? — заботливо поинтересовался у него Яромир.

— Гузно кикиморы... — простонал Гришка старательно разминая уши и заклинившую челюсть. — Думал оглох ко всем чертям.

— У старухи на все найдётся проруха! — усмехнулся Айромир и тут же с хрипом повалился на пол.

Яромир подскочил к нему и осторожно приподнял рубаху.

Наспех прижжённая рана вновь открылась и из неё сильно заструилась кровь.

— Не переживай, голова. — Айромир протянул Яромиру руку, чтобы тот помог ему встать. — Выкарабкаюсь. Ещё и не через такое проходили...

— Поражаешь ты меня, Айромир. — Яромир осторожно поднял товарища и подошёл к Гришке. — Да и ты, мой рыжий друг, умеешь удивлять. Видишь, есть всё же от тебя польза.

— Ага, иногда, таки, полезно поковыряться в старых свитках... — Гришка сморщился и протянул Яромиру обугленные ладони. — Только с этим что теперь делать?

— Заживёт. До дома бы только поскорее добраться.

— С ведьмаком и вурдалаками покончено, — твёрдо заключил Айромир, осторожно переступая через кучу тел под ногами. — Осталось каким-то образом упокоить Бедабора.

— Та ещё задачка... — пробубнил Яромир и пошёл вслед за Айромиром к выходу. — Айда, Гришка, авось успею посадить вас на лошадей, пока наш друже не явился.

— Эх-х, ты зря на это надеешься, голова... — едва слышно ответил Айромир. — Он от нас точно не отстанет...

Сотни валяющихся на полу трупов мешали быстро передвигаться по норам каменоломни, а Яромир всё больше и больше чувствовал приближающуюся опасность.

Чутьё его вновь не подвело, как не подвело и Айромира...

Уже на следующей развилке их поджидал он.

Единственный уцелевший глаз Бедабора всё так же продолжал гореть яростным огнём, а искаженное лицо пробирало до дрожи.

Умертвие сжимало в руке клинок и гневно пыхтело.

Айромир прав: Бедабор ждал продолжения боя и просто так не собирался отпускать Яромира и компанию.

— Что ж, старый друг... — вперёд вышел помрачневший Айромир. — Пора освободить и твой дух.

Бедабор оскалился и угрожающе заскрежетал остриём клинка по каменной стене.

Айромир приготовился к атаке, но опередил Яромир.

Богатырь вылетел вперёд, рубанул с ходу, но тут же получил жёсткий отпор.

Бедабор молниеносно ударил кулаком в челюсть и подбил ноги Яромира, от чего тот, будто мешок, повалился на землю.

Умертвие уже занесло клинок для завершающего удара, как одновременно налетели Айромир и Гришка.

Бедабор ловко увернулся от ошалело мчащегося на него рыжего гонца, от чего тот по инерции улетел глубоко в темноту коридора.

Будто умертвие помнило, что от Гришки, как от бойца, угрозы ждать не стоило...

Чего не скажешь об Айромире.

Засвистела сталь, обманное движение и его клинок широко располосовал грудь умертвия.

— Око за око! — оскалился Айромир, только Бедабор даже глазом не повёл, хоть и получил страшный на вид порез.

Яромир подкрался и попытался незаметно вонзить клинок в спину Бедабора, но и здесь он оказался готов.

Резко развернулся, парировал выпад Яромира, отразил летящий сверху удар Айромира и пинком отправил вновь попытавшегося атаковать богатыря вслед за Гришкой.

Откуда в простом человеческом теле может оказаться столько же сил, как в целом огромном водяном...?

Айромир остался с Бедабором один на один.

— Раз мы это всё начали вместе, то вместе и закончим... — несмотря на рану он ловко рассёк воздух клинком и поднял выроненный Яромиром факел. — Их ты не тронешь!

Яромир помог Гришке подняться и уже готов был броситься товарищу на помощь, как тот остановил его криком:

— Уходите глупцы! — он кивком указал на едва стоящую, покосившуюся подпорку. — А мы, пожалуй, ещё потанцуем!

И тут же Яромир с ужасом осознал, что задумал Айромир...

— Гой еси, братья! — раздался последний крик Айромира, перед тем как Бедабор проткнул его своим клинком.

Кровь хлынула изо рта Айромира, но тот в ответ ткнул факелом прямым в лицо

умертвля, заставив его отскочить назад.

Тут же Яромир в попытках схватил Гришку за шкурку и что было духу понёсся к выходу.

Умертвие с гневным шипением бросилось вдогонку, как Айромир из последних сил рубанул по подпорке.

Прохудившаяся от времени деревяшка лопнула и, в мгновение рухнувший каменный свод, навсегда похоронил под собой некогда бывших братьями по оружию воинов.

От горечи потери Яромир стиснул зубы, на глазах навернулись слёзы, но он не останавливался.

Прямо по пятам за ними продолжали, одна за другой, лопаться и валиться потолочные опоры, навсегда запечатывая проклятую каменоломню.

Стрелой они вывалились наружу, а следом, с ужасающим грохотом, посыпались камни и в воздух поднялся огромный сноп пыли.

— Вот же полная срань... — кашлял и плевался Гришка, стараясь хоть как-то продышаться от неожиданного забега. — Айромир...

— Замолчи, Гриша... — Яромир отер влажные глаза от налипшей грязи и тяжело выдохнул. — Он спас нам жизнь.

Гришка хотел что-то сказать, но при виде помрачневшего Яромира тут же передумал.

Яромир огляделся.

Лошади всё так же оставались привязанными на месте, а вся ведущая от каменоломни дорога была усеяна трупами некогда преследовавших их вурдалаков.

Яромир и Гришка неторопливо вернулись к лошадям.

Не обращая внимания на причитания рыжего гонца, Яромир обработал его ладони чистой водой из бурдюка, прикрепленного к одной из седельных сумок. Следом наложил припарку и перевязал куском чистой ткани.

— До дома хватит. — угрюмо заключил он и помог Гришке запрыгнуть на коня.

— Таки, теперь едем докладывать князю?

— Таки, — сурово поправил Гришку Яромир. — теперь едем мстить за братьев...

Утро в дья воеводы Руевита, мягко сказать, выдалось беспокойным.

Ещё с петухами прямо в покои влетел гонец и притащил дурные вести с границ.

Вода сразу смекнул, что ничего хорошего от этого дня и дальше ждать не стоило...

И он оказался прав: только стоило ему спуститься в гридницу, как поступил доклад о массовой жопной слабости в казармах.

Вся дружина, целиком, заняла очередь в туалет, выстроившись друг за другом до самых ворот.

Не зная, за что хвататься первым делом, воевода ломал голову, как в кабинет влетел взъерошенный паж, с волеизъявлением князя.

Мол, срочно нужно явиться на ковёр, бить челом.

Вот, и когда со всем остальным разбираться...?!

Но Руевит умел правильно расставлять приоритеты, потому решил не заставлять нетерпеливого князя томиться в ожидании.

А задницы дружинников и так уже никуда от него не денутся.

Игорь, как обычно, восседал на маестате, а перед ним, с довольно дерзким видом, стоял

переодетый и причёсанный мужчина с поблескивающим медальоном черного солнца на груди.

— Вот, воевода, — недовольно и обеспокоенно начал Игорь. — Добрый человек уже порядка как неделю ходит ко мне с ежедневным поклоном. Объясни, почему он столько времени вынужден ждать вестей от твоей хвалёной Покойной бригады, когда они уверяли, что никаких напастей в его краях уже не таится?

Руевит насторожился, но виду не подал.

— Да, воевода, — раздался из темноты большого зала томный голос княжны Марины и полыхнули её два желтых змеиных глаза. — Будь так добр и ответь на, почему твой десятник так паршиво справляется с порученной ему работой?!

Руевит едва сдержался, чтобы не ответить княжне крепким словом:

— Коль прикажешь, княже, — уверенно пробасил Руевит. — соберу ребят посмелей и отправлю дозором. Пущай выясняют, что могло приключиться с твоим братом.

— Халатность и излишнее бахвальство с ними приключилось! — неожиданно для воеводы подал голос незнакомый ему мужчина. — Видишь, о великий, я ведь предупредил тебя...

— Как ты смеешь раскрывать свою пасть без воли на то светлого князя?! — воевода замахнулся на незнакомца могучим кулаком, но Игорь его тут же остановил.

— Он прав, Руевит. Твои уверения относительно способностей Яромира оказались пустой болтовнёй. Знаешь, признаюсь тебе, я уже давно начал задумываться, а не слишком ли ты стал стар для своего места...?

Воевода хотел было решительно возразить но его перебил шум возле входа.

Неожиданно, дверь большого зала с грохотом распахнулась и в комнату вошел потрёпанный и изрядно вымотанный Яромир.

От его грозного вида и нежданного появления незнакомца затрясло, что не мог не подметить Руевит.

— Куда собрался? — воевода поймал мужика за рукав, ровно когда тот собирался незаметно выскользнуть из зала. — Давай-ка теперь богатыря выслушаем!

Стоявшая на дверях стража попыталась остановить своенравного Яромира, но тот, не церемонясь, разбросал их в разные стороны, будто тренировочные мешки.

— Как ты смеешь так врываться в Зал предков?! — Игорь в ярости подскочил с трона. — Воевода, организуй ему двадцать ударов плетью...

— То же могу спросить и у тебя брат... — совершенно отстранённо и безразлично ответил Яромир. — Как ты, мудрый и чуткий князь, позволяешь коварной собаке греться возле твоих ног и осыпать тебя лживыми речами?!

— Как тебе хватает наглости высказывать обвинения в лицо своему князю?! Ты, простой, вшивый десятник! — с нескрываемым злорадством выкрикнула из темноты Марина.

— Не князю, а его гостю. — тут же поправил её Яромир. — Изучение и применение черной магии, безмерно наглая клевета, повлекшая за собой гибель почти всех юго-западных селений, включая мой отряд, пятерку пришлых и дюжину гончих Сталь-града.

— Серьезные обвинения, брат... Где твои доказательства?! — нахмурился Игорь и сел на место.

— На шее у этой скотины!

Руевит тут же сорвал с шеи незнакомца амулет и бросил его Игорю.

— Чёрное солнце, — продолжал Яромир. — Ведьмачья метка! Я выяснил, что этот гад — ученик чародея! Он призвал дух своего учителя — ведьмака-маньяка, чтобы тот истребил отряд Сталь-града, что наряжался мертвяками и прятался в лесах. Только этот дуралей не смог совладать с нравом колдуна. Затем, чтобы скрыть свою неудачу, он прибежал к тебе, княже, и заманил нас на верную погибель! Выжили лишь я и Гришка...

— Почему я не удивлен... — пробубнил под нос Руевит.

— Он говорит правду? — Игорь взглядом сверлил трясущегося в руках воеводы незнакомца. — Отвечай, смердящая скотина, и помни, что от твоего ответа будет зависеть, какой смертью ты умрёшь! Быстрой и лёгкой или долгой и крайне, крайне мучительной.

Незнакомец истерично бегал глазами по комнате, в поисках притаившегося где-то спасения, но его, ожидаемо, не последовало.

— Так княже, всё так, да не всё! Эти когда первый раз пришли, то прогнали стража... А после, да, пришли те, переодетые мертвяками, и убивали моих родных и друзей! Что мне оставалось делать? До вас же не докричаться — ехать надо, а пьяницам на заставе было насрать на всё и на всех! Вот я и не придумал ничего лучше, как вновь позвать отца... Тятка мой — был колдун, страж деревни. Кой чему и меня научил. Защищал он нас даже после смерти... А они прогнали его! Что мне делать было? Я его пошел звать, кости достал, а вылез не он — другой какой-то! Точнее — она! Череп принадлежал колдунье! Она-то и пообещала, что спасёт всех, если я прибуду сюда и приведу к ней богатыря Слав-городского, что Яромиром кличут! Вся правда, княже, как есть вся... Она обещала, что в тереме будет мне защита, что ты примешь меня, княже! Не вели казнить..., Умоляю! Всю правду сказал!

Яромир почувствовал на себе полный ненависти и злобы взгляд Марины и тут же из темноты вновь донёсся её голос.

— Ты знаешь, мой муж, как у нас заведено поступать с подлыми колдунами...! Действуй и не медли, пока он здесь всех не заморозил!

Игорь, не проронив ни слова, податливо кивнул и жестом дал Руевиту знак.

Без раздумий воевода выхватил меч из ножен и голова незнакомца покатила по полу, остановившись лишь у ступеней маестата.

Так же, жестом, ещё больше помрачневший Игорь указал Яромиру выйти прочь, будто дворовой собаке.

Яромир, испытав лёгкое удовлетворение от такого приговора колдуну, не стал противиться брату, развернулся на пятках и быстрым шагом направился к выходу.

Руевит, пребывавший все это время в полном смятении и недоумении, склонился над телом незнакомца и отер подолом его платья кровь со своего клинка.

Не так он хотел чтобы начался этот день, далеко не так...

Глава 11: «На то твоя воля, брат...»

О «Покойной бригаде», в частности об их десятнике — Яромире, гудел каждый двор и каждая харчевня от Слав-города до самых дальних застав.

Но, чем больше росла слава Яромира, тем хуже становились его отношения с братом.

Игорь совсем перестал приглашать Яромира на пиры, даже не брал на охоту и, тем более, в гридь.

В последний раз братья виделись в начале червеня, когда Яромир лично докладывал совету города о положении дел на улицах. Тогда Игорь ни сказал Яромиру ни слова и показался необычайно замкнутым, раздраженным и озлобленным.

На третью осьмицу червеня князь Игорь, по своему обыкновению, наблюдал с балкона терема за очередным занятием дружины.

Так повелось, что князь упражнялся с Руевитом отдельно, подальше от посторонних глаз, но после очередной победы Яромира над воеводой, Игорь решил спуститься во двор.

— А ну, разгильдяи, становись в ряд! — громогласным басом скомандовал Руевит, заметив блик от драгоценного камня из головного обруча Игоря, вышедшего из ворот гридни. — Сам княже пришел на вас, олухов, поглядеть!

— Полно тебе, воевода, — махнул рукой Игорь. — Пускай продолжают. Больно люблю мне стало на братца своего в деле поглядеть.

— Яромир, ходи сюда! — вновь пробасил Руевит, в голосе которого проскользнуло едва уловимое волнение.

Яромир легко перебросил Гришку через бедро и подбежал к князю, краем глаза заметив на балконе Марину, держащую Аспида на плечах.

— Гой еси, брат! — Яромир остановился перед Игорем и низко поклонился.

— Светлый княже. — сухо поправил его Игорь.

Яромир вопросительно покосился на Руевита, но тот лишь пожал плечами.

— Чем обязаны вашему светлому визиту?

— По твою душу.

Яромир подметил, что и так бывшие не самыми здоровыми глаза брата, налились кровью, щеки впали, а на лбу вздулись вены. С ним было что-то не так...

— И чем же скромный десятник смог разгневать славного князя?

— Вот, вроде учишься, учишься, а ума всё не прибавляется. Плохо гонец тебя учит, в край плохо... Воевода, вразуми тогда ты гонца, раз он не способен... — холодно, выделяя каждое слово, проговорил Игорь. — Бей плетью, покуда на ногах стоять не сможет.

Гришка умоляюще посмотрел на воеводу, но тот лишь снова пожал плечами и повёл его к позорному столбу. Приказ есть приказ.

— Если я в чем-то тебя разгневал, брат, — Яромир склонился перед Игорем. — то прими моё смирение и накажи меня. Гришка совершенно не при чём.

Игорь лишь смотрел на Яромира сверху вниз пустым, безжалостным взглядом.

— Я долгое время наблюдал, как ты издеваешься над моей дружиной, ведь нет среди них равного тебе по силе. — нарушил недолгое молчание Игорь. — Теперь я преподам тебе урок. Сотник, мечи!

Со стороны позорного столба донёсся щелчок хлыста, за которым последовал крик Гришки.

Яромира бросило в жар и слегка задрожали руки.

Невысокий крепко сложенный сотник принёс князю два деревянных тренировочных меча, на что Игорь лишь недовольно покачал головой:

— Не те, нормальные.

Сотник и Яромир переглянулись. Они оба понимали, что выбора у них никакого не было.

Игорь отошёл к лавке воеводы, снял шелковую рубаху, аккуратно её свернул, а сверху положил золотой княжеский обруч, инкрустированный драгоценными камнями.

Несмотря на болезненный вид, Игорь обладал впечатляюще сухими и рельефными мышцами, а вздувшиеся вены паутиной покрывали всё тело.

Дружина в это время встала вокруг тренировочной площадки, к которой присоединился

и Руевит, но уже без Гришки.

Никто бы в этом не признался, но каждый из них уже давно жаждал узнать, кто из детей Ярослава окажется сильнейшим.

В этот раз сотник принёс два булатных меча.

Игорь выбрал один, а второй бросил в ноги Яромира.

Яромир почувствовал на себе торжествующий, полный издёвки взгляд Марины, продолжавшей наблюдать за двором с балкона терема.

— Ну что, брат, — всё так же холодно проговорил Игорь, направив острие клинка на Яромира. — Покажи, что можешь!

— На то твоя воля, брат, — печально ответил Яромир, заняв оборонительную позицию.

Игорь атаковал внезапно и молниеносно, метя в сердце.

Такого быстрого выпада Яромир не ожидал и едва успел отразить удар. Острие лезвия полоснуло по груди, оставив на ней длинный порез, который тут же закровил.

Следом за первым последовал второй, за ним третий и еще множество ударов, и от каждого из них Яромиру приходилось уходить с большим трудом.

Игорь орудовал клинком хитро и молниеносно, стараясь нанести как можно более неожиданный удар и достать брата. Яромир лишь продолжал парировать и уклоняться, чем ещё больше злил Игоря.

— Трусливый заяц! — сквозь зубы прошипел Игорь. — Нападай, если вообще умеешь!

Игорь перевёл дух и сменил тактику.

Яромир ожидал очередной быстрый укол, но князь сделал ложный замах и с силой опустил клинок на голову брата.

Сталь ударилась о сталь и полетели искры.

Яромир успел принять удар, но устоять на ногах не смог и повалился на землю.

Он уже несколько раз мог всё закончить, но не делал этого, ведь перед ним был его князь, его родной брат...

Кровь полностью залила белки глаз Игоря. Вздутыми мышцами и тяжелым дыханием князь больше напоминал разъярённого быка, чем человека.

Яромир чувствовал в Игоре тёмную силу, точно такую же, что поссорила его со стариком.

— Так не пойдёт... — Игорь выпрямился и надменно поднял голову. — Сопляк. Ни капли храбрости..., и я ещё считал тебя равным?! Отец бы провалился от стыда, увидев, что выросло из его семени! Ты не достоин носить Звезду Сварога!

В груди Яромира неприятно кольнуло. Слова Игоря задели за живое.

Яромир поднялся на ноги, и Игорь рубанул от плеча.

Только теперь Яромир уже не собирался играть в поддавки.

Он отвёл корпус, поймал Игоря за руки и выбил ноги, лишив того равновесия.

Игорь упал на спину, но успел оттолкнуть Яромира ногой, от чего тот сбил дыхание и повалился на землю.

— Бренно кусаешься... Дохляк! — Игорь поманил Яромира, призывая его к действию. — Ты огорчаешь меня, братец! Коли видели бы тебя сейчас люди, то давно уже оплевали... и имя твоё больше никогда бы не звучало из их уст!

Гневные огоньки заплясали в глазах Яромира.

Только Игорь пошевелился, как Яромир атаковал на опережение.

Реакция не подвела Игоря, и он легко парировал выпад Яромира, но тот больше не

собирался сдерживать себя.

Все, кто наблюдал за этим танцем мечей, прекрасно понимали, что всё уже давно вышло за рамки простой тренировки. Люди чувствовали, что братья таким образом говорили о наболевшем, каждым ударом высказывая друг другу накопившиеся обиды.

Размашистые удары, ловкие, выверенные движения, свист рассекаемого воздуха и яркие искры, разлетающаяся в разные стороны — завораживали своим изяществом и мощью даже бывалых дружинников.

И у всех сейчас пробегала только одна мысль: лишь бы только жизнь не свела с богатырями лицом к лицу в настоящем бою...

В какой-то момент Игорь замешкался, открылся и сам это прекрасно понял.

Сделай Яромир всего один короткий выпад и все бы закончилось, но, он не сделал. Не смог пойти против князя, против брата..., за что сразу же поплатился.

Игорь молниеносно запустил кулак в его голову.

Яромир покатился по земле и остановился только у ног воеводы.

— Ты жалок! — гневно выпалил Игорь. — Жалость — признак трусости! Трусость — удел предателей! Предателям никогда не будет угла в гридне! Я лишаю тебя имени и места! Слышал, Руевит?! Теперь его место на скотном дворе!

Дружинники помогли Яромиру подняться.

Он посмотрел на Руевита, но тот лишь отвёл взгляд в сторону. Сейчас слово воеводы ничего не значило.

— И гонца туда же! — продолжал Игорь, брызжа слюной от злости. — Я принял тебя, грязного оборванца с улицы, простил невиданную дерзость, дал тебе кров, братство, женщин и что получил взамен?! Следовало вздёрнуть тебя на дыбе... Нет, лучше бы придушил ещё в пелёнках, пока мать не видит, чтобы твое существование не порочило мой славный род!

Тело Яромира задрожало, дыхание участилось, а кулак сжался с такой силой, что крепко закреплённые кожаные ремни на рукояти меча громко закрипели и порвались.

Игорь добился своего...

— Значит, всё-таки, по-плохому... — Яромир сплюнул кровь из разбитой губы, вдохнул, выдохнул и холодно, исподлобья посмотрел на Игоря.

— Сейчас я преподам тебе последний урок! — Игорь проскреб остриём меча по земле, бросился на Яромира и рубанул сверху, что было сил.

Ярость затуманила разум Яромира. Пропала жалость, пропали все братские чувства. Обидчика ждал неприятный ответ...

Яромир собрался и, будто пружина, кинулся на встречу мечу Игоря.

Оглушительный хлопок и толстая булатная сталь обоих мечей лопнула и мелкими осколками разлетелась по двору, ранив многих дружинников.

Только Яромир уже не мог остановиться.

Он поймал оторопевшего Игоря за золотую цепочку амулета, ударил головой в переносицу, от чего та громко прохрустела, и тут же увесисто добавил локтем.

Игорь поплыл и закатил глаза. Цепочка с лязгом порвалась, и княжеская Звезда Сварога упала на землю.

Казалось, в этот миг весь мир остановился и с замиранием следил за происходящим...

Яромир же поймал Игоря за шею, приподнял над собой и с силой опустил на землю, от чего та содрогнулась.

Дрожащими от гнева руками Яромир схватил то, что осталось от его меча и, с полным

отчаяния криком, замахнулся над головой Игоря и ударил...

Обломок стали вонзился в землю рядом с виском князя, оставив на нём неглубокий порез.

Яромир же протяжно выдохнул и положил Звезду Сварога на грудь брата.

Игорь закашлялся, кровь отлила от глаз, и вновь вернулся привычный болезненный вид.

Яромир краем глаза подметил, что Марина, с гневным видом, поспешила скрыться с балкона.

Руевит и остальная дружина стояли с побелевшими лицами. Они прекрасно понимали, что сейчас жизнь Яромира висела на волоске...

Гнев отпустил и самого Яромира. Он увидел, что Игорь снова стал прежним и протянул ему руку, предлагая помощь.

Руевит тоже подошел к князю, но тот лишь нервно отмахнулся от обоих, отёр струящуюся из сломанного носа кровь, размазав её по лицу, поспешно забрал вещи и, не смотря ни на кого, быстрым шагом, скрылся за дверьми гридницы.

Хлопнули двери, и мужики принялись оказывать первую помощь раненым. Никто из них не проронил ни слова, да и что тут говорить, если и так всё понятно?

Молчание нарушил Руевит, положив руку на плечо Яромира, продолжавшего смотреть в след ушедшему брату:

— Ты же понимаешь, что будет...? — в грубом голосе воеводы отчетливо слышалась жалость. — Хорошо, если не повесит.

Яромир склонил голову и понимающе кивнул.

— Столм встанет во главе «Покойной бригады», пока всё не уляжется. — продолжал Руевит, обводя тяжелым взглядом тренировочное поле.

Яромир посмотрел на сбитого парня с выбритыми висками, перевязывающего в стороне ногу брата по оружию, и одобрительно качнул головой.

— Тебе же лучше не выходить со скотного двора, тем более попадаться князю на глаза. — воевода строго посмотрел на Яромира. — Я понятно объясняю?

— Я не хотел... он вынудил... — обиженно протянул Яромир. — Это всё козни Марины! Она его околдовала!

— Понимаю, сынок, всё видел своими глазами. — Руевит успокаивающе похлопал Яромира по спине. — Я за неё уже давно подозреваю... Только княже даже за косой взгляд в сторону княжны, готов голову с плеч снять, сам знаешь! Ты задел их обоих за живое, ударил по самолюбию, подорвал в них веру..., и я не могу тебе сказать, что из этого выйдет, но одно ясно точно — явно ничего доброго.

— А что Гришка? — Яромир поднял глаза, влажные от подступивших слёз.

— За него не переживай, — с трудом натянул улыбку Руевит. — Я по нему разочек легонечко прошёлся и наказал сидеть в гриднице, пока чего ясно не станет. Теперь не задерживайся здесь. Иди в конюшни, только не в наши, а в те, что при посадке. Чуть позже пришло Гришку. Без моего разрешения даже на нужники не выходить, в ведро нужду справлять! Понял?

— Да как тут не понять... — Яромир вновь склонил голову и прихрамывая пошёл в сторону Сварожьих ворот.

— Я же постараюсь хоть как-то всё загладить. — пробурчал под нос Руевит и пошёл осматривать раны дружинников.

Яромир же в его слова ни капли не верил.

Когда Яромир добрался до конюшен, то коротко объяснил всю ситуацию конюшему, которому он уже дважды помогал с выгоном назойливого жихаря. Низкорослый конюший с радостью принял Яромира, а также Гришку, явившегося только к вечеру.

День проходил за днём, а воевода всё молчал.

Яромир и Гришка от безвыходности помогали по конюшням, отрабатывая таким образом выделяемую им еду.

Чуть-ли не каждый день заглядывали дозорные и члены «покойной бригады», но и они толком никаких вестей не приносили.

При дворе всё как будто замерло в ожидании... Вот только чего?

И ответ на этот вопрос не заставил себя ждать.

На вторую шестицу зарева из Троетского посада примчался отряд из трёх дозорных, с донесением, о стягивающихся в тот район разбойных отрядах Сталь-града.

На следующий день пришла весть и от Руевита: Яромира и Гришку в срочном порядке требуют в княжеских палатах.

Нельзя было заставлять князя ждать, поэтому Гришка и Яромир отправились на встречу в чём были — грязных портках и старых поношенных рубахах.

Лёгкая дымка с неприятным запахом тлеющей полыни окутала большой зал, а полумрак, от едва горящих масляных фонарей, еще сильнее нагнетал и без того напряженную атмосферу.

Игорь возвышался на золотом маестате, перед столом, заваленным бумагами, в окружении своих самых близких советников.

Когда Яромир и Гришка вошли, князь, не отрывая глаз от письма, жестом указал им на свободные места на другом конце стола.

Подле князя сидел и Руевит, по выражению лица которого Яромир понял, что сейчас Игорь вынесет решение по их дальнейшей судьбе и оно им явно не понравится...

Князь выглядел ещё более бледным и измученным, чем обычно, а черные мешки вокруг глаз говорили о многих бессонных ночах.

Дочитав донесение, он перевел взгляд на Руевита:

— Говори... — прохрипел Игорь старческим голосом.

— Яромир, Гришка, слушайте меня и внимайте. — громовой голос воеводы эхом прокатился по пустому залу. — С завтрашнего утра вы приписываетесь к дружине Серых волков. Гришка, ты вновь возвращаешься к писаревой службе. Наш светлый и милостивый княже оставляет тебя своим личным гонцом.

Гришка извился перед князем в низком поклоне.

— Яромир, — Руевит нахмурил брови. — Ты будешь под началом их воеводы ходить. Авось, спеси в тебе поубавит, да и ему такие воины не помешают.

Яромир недоумевающе посмотрел на своего наставника, но тот просто опустил пустой взгляд в стол, давая понять, что всё решено и спорить с Игорем бессмысленно и бесполезно.

— Кривжа... — тяжело прохрипел Игорь. — Твой земляк. Он к тебе подход найдёт...

При упоминании этого имени спину Яромира обдало холодом и накатили воспоминания. Кривжа — брат Патшы, сын Гривы.

«Ну, удружил, братец!» — Яромир сжал кулаки и сверкнул взглядом на Игоря.

— Сейчас они стоят лагерем под деревней Крайней, — продолжил Руевит. — недалеко от Троицка. Гришка знает где. Так что ночь вам отдохнуть, снарядиться и в путь-дорогу.

— А это, — Игорь завернул письмо, скрепил восковой печатью и бросил через стол

Гришке. — лично в руке Кривжы... Особые указания. Всё, ступайте!

Гришка спрятал письмо за пояс, поклонился и, развернувшись на пятках, молча вышел из-за стола. Яромир же просто так уходить не хотел.

— Почто ты меня за порог выставляешь? — гневно бросил он Игорю. — Какое такое зло я тебе сделал, брат? Чем опалу твою заслужил?

— По то, — Игорь повысил голос и встал с маестата. — что воля моя такова и мне лучше знать, где твое место..., брат! И не забывай, что ты сам свой удел выбрал! Так вот и будь дружинником, кротким и покорным, покуда не приказал спустить с тебя шкуру живьём, как с облезлой собаки!

— Да открой же ты свои глаза! — не успокаивался Яромир. — Посмотри на себя! Эта ведьма околдовала тебя, она питается твоей силой, дергает за ниточки...

— С глаз моих! — глаза Игоря налились кровью, и он без сил рухнул на место. — Чтоб духу вашего уже к вечеру в моём городе не было.

За спиной князя сверкнули огоньки желтых глаз, и из темноты зала на свет грациозно выплыла Марина, а её змей Аспид медленно заполз на колени к Игорю.

Самодовольная ухмылка и торжествующий вид княжны взбесили Яромира, но Реувит взглядом показал Яромиру остановиться и уходить как можно скорее.

Яромир, переполненный злости и обиды, оттолкнул стул ногой и бросил последний взгляд на брата и быстрым шагом вышел вслед за Гришкой.

На выходе из зала Яромир заметил нового царского писца, в котором признал того самого оборванца, что несколько кругов назад выкрал у него на посаде меч и кошель с монетами.

Парень выглядел ухоженным и опрятным, а по его взгляду Яромир понял, что писец его тоже узнал.

Он кивком приветствовал Яромира, всем своим видом давая понять, что приносит ему извинения и выказывает глубочайшую благодарность.

Яромир ухмыльнулся, хоть кому-то он помог..., после чего вышел из зала, хлопнув тяжелой дверью.

Яромир вышел на улицу и поискал взглядом Гришку.

Его друг сидел на лавке Руевита и пустым взглядом таращился в песок.

Они недолго сидели в тишине. Пытались смириться с судьбой.

— Подымайся, Гришка. — Яромир печально улыбнулся и толкнул друга плечом. — Указ, есть указ. Ничего тут не поделать. Нам еще с мужиками проститься нужно и к вечеру быть уже за воротами.

— Опять всё засрал? — так же печально улыбнулся в ответ Гришка и иронично помотал головой. — Вечно с тобой все через задницу...

Яромир встал, пожал плечами и пошёл в сторону гридницы.

Гришка ухмыльнулся и пошел следом за Яромиром.

В гриднице они собрали все самое необходимое, попрощались с оставшейся дружиной, и, оседлав коней, галопом отправились в Крайнюю.

Глава 12: «Больно ты говорливый. Бесишь...»

На этот раз Гришка решил ехать по Северному тракту.

Тут и виды другие и девки в деревнях не тронутые и чудищ всяких поменьше — так говорил он.

Но, на самом деле, Северный тракт оказался точно таким же, что и Большой. Кругом пролегали одинаковые леса и поля. При виде незнакомых путников родители прятали девок по подполам и сараям, а чудища усердно старались не попадаться на глаза.

Да и Яромиру было совсем не до любований, собственно, как и Гришке.

Они гнали во весь опор, в надежде, что дорога и свист ветра в ушах отгонят неприятные мысли.

Большую часть времени они молчали, что Гришке давалось несказанно тяжело, но он прекрасно понимал, что Яромиру сейчас могло помочь только время.

Кони резво шли аллюром по накатанной дороге, среди густого соснового леса.

Яромир видел, как Гришка ерзает в седле, от того, что хочет что-то сказать, поэтому решил нарушить молчание первым:

— Говори, — легкая улыбка проскользнула по хмурому лицу Яромира. — а то так и лопнуть недолго от натуги.

— Таки, а чего тут говорить-то?! И ежу понятно, что неспроста нас княже со двора выставил. Эвон как ты его самолюбие-то задел.

— Надо же — самолюбие... — Яромир закатил глаза. — Тебя там не было, он сам напросился!

— А еще он ревнует...

— К Марине что-ли?

— И не только. — Гришка выпрямился в седле и Яромир понял, что сейчас его ждёт длинная, нудная речь. — Таки погляди, как тебя народ Слав-городский полюбил. За твоё здоровье пьют, на улице приветствуют, шапки в небо запускают. Думаешь князя так хоть раз приветствовали?

Яромир недоуменно покосился на Гришку.

— Вот именно! — продолжал тот. — В дружине ты вон в каком почёте... Таки ревность и съела нашего князя.

— А я думаю, что во всём виноват кровосос, что в его хоромы поселился!

Гришка закатился смехом:

— Марина то?! Тогда и гад её кожаный! Фу! — при упоминании Аспида дрожь пробежала по спине Гришки. — Явно, что не без её участия обошлось, но, всё же — это самая обыкновенная ревность и она то, оный раз, похуже любой заразы будет.

— Тут ты прав. — Яромир задумчиво почесал за ухом. — Игорь — человек вспыльчивый и никогда не знаешь, что в его голову взбретет, но, чтобы к брату родному зависть питать...

— Таки, чему тут удивляться?! Брат идет на брата, сын на отца. Всё всегда одно да потому: богатство, власть да бабы. Вот, кругов сто назад, славный князь Ставр Темный извёл со свету двух родных братьев. Одного задушил поясом своей наперсницы, прознав, что она с ним того, этого... Другой больно пользовался любовью у людей Новой Сварги. Собрал он дружину и захотел отомстить Ставру за брата и занять престол Слав-города, но тот оказался хитрее. Устроил засаду, а после вывесил тело брата над Сварожьими воротами, только уже без рук и ног... И где же эта чистая и бескорыстная братская любовь, о которой ты так гредишь? То-то! Игорь же всем известен завистью и гонором. Таки не удивительно, что и Варвара из-за его причуд сбежала. Чего далеко ходить, вон, сколь дел он наворотил из-за одной только Марины.

— Марина, облудница..., - от злости Яромир так крепко сжал поводья, что Гришка

услышал скрип кожаных ремней. — Что я ей сделал?

— Вот ты глупый. Ясно зачем! — Гришка показал Яромиру крайне неприличный жест. — Если серьёзно, то ты сам говоришь, что она из Игоря все соки выпила, а тут новенький, молоденький славич сам пожаловал. Бери, не хочу! И так, и эдак хвостом крутила. Еще говорит любящая и верная жена... Тьфу! Запомни брат правду бытия — нет страшнее и мстительнее существа, чем оскорбленная и униженная баба. Таки недаром говорят: как страшен нож у вымеска, так власть и могущество у лукавого...

— Нет, она, конечно, дева лепная. Спору нет, устоять сложно..., но, как-никак, жена брата родного. Я в такие игры не играю.

Они въехали на узкую тропу предлеска.

— Чай скоро доедем, — Гришка указал рукой на густую рощу впереди. — вот там и поиграем...

— Серые волки, — Яромир отклонился в седле. — Ты никогда о них не говорил. Кто такие?

Гришка побелел и изменился в лице.

— Отъявленные отморозки... Таки, это их работу ты видел, когда я тебе на голову-то свалился. Но, стоит признаться, дело они своё знают, хоть и подход у них, мягко говоря, зверский. Князь к ним только в самом крайнем случае прибегает. Банда Кривжи заработала такую черную славу, что войско Сталь-градское Серых волков теперь до усрачки боится.

— Ты с ним встречался, с этим Кривжей?

— Таки я тебе больше скажу, кроме князя и Руевита никто ни Кривжу, ни Серых волков в глаза не видел.

— За то я знаком с его братом...

Яромир осекся, придержал коня и подал Гришке знак сохранять молчание.

И он не ошибся...

По левую руку раздался треск ломающихся веток, и на Гришку из кустов набросилась тугая петля, лишив его возможности двигаться.

Рывок и оторопевший Гришка полетел с коня.

Яромир же, не дожидаясь своей участи, вплотную припал к шее лошади, волосами на макушке почувствовав пролетающую над головой удавку.

Он перевалился через скакуна, схватив правой рукой неумело брошенную веревку, и с силой дёрнул её на себя.

Из кустов на тропу вывалились два воина в черных стеганых куртках и таких же черных меховых шапках.

Удар стопой в голову одному, кулаком — второму и бандиты уже не представляли угрозы.

Яромир увидел, как на пытающегося подняться с земли Гришку бежал следующий бандит.

В два прыжка Яромир оказался возле друга и встретил нападавшего прямой ногой, да так, что тот скрылся в кустах не коснувшись земли.

— А ну, развяжи меня! Сейчас я покажу этим гнилым собакам, как со спины нападать на честных путников! — кричал Гришка, пока Яромир резал веревку засапожным ножом.

Они встали, вынули мечи и примкнули спина к спине, как учил Руевит.

Их окружили, и численное превосходство оказалось далеко не в пользу угодивших в засаду юношей.

Вперед вышел среднего роста, заросший густой седой бородой воин:

— Сложите мечи по-хорошему! Мы не хотим проливать вашу кровь!

— Мы вашу тоже! — крикнул ему в ответ Яромир.

— Погляди на него... — бородач сверкнул глазами. — Почто на вас знаки Славгородской дружины?

Тут уже вмешался начал Гришка.

— Вот вы дурни! Нет, чтобы сначала остановить, спросить, что почто... Вы же в драку сразу, да еще и так подло!

— На войне все средства хороши и не вам указывать, как нам свою работу делать. — оскалился бородач. — Кто такие будете?

— В сумку загляни. — Гришка кивнул в сторону своего коня.

Бородач дал знак подать ему Гришкину дорожную сумку. Он заглянул внутрь и развернул грамоту, после чего окинул недоверчивым взглядом Гришку и Яромира, продолжавших стоять с высоко поднятыми мечами.

— Во дела. А ну, хлопцы, прячьте сабли! — обратился он к остальным бандитам. — Это пополнение наше, князем любезно обещанное. Чего же вы сразу не сказали?

— Издеваешься, да? — Гришка кинул на него презрительный взгляд и вложил меч в ножны, дав знак Яромиру последовать его примеру.

Разочарованный Яромир, надеявшийся на добрую драку, с неохотой убрал меч.

— Мы под командование воеводы Кривжи направлены. — уточнил Гришка, указывая пальцем на текст письма.

— Сам вижу, не неуч! — бородач сверкнул глазами в ответ. — Гивир!

Из строя вышел низкорослый воин, которого до этого Яромир отправил в кусты, и выдал им по плотному холщовому мешку.

— Такие порядки, — пожал плечами бородач. — Натягивайте на голову и полезайте на коней. Отведём вас к воеводе.

Яромир и Гришка, не став спорить и сопротивляться, запрыгнули в седла, надели на голову мешки и их быстрым шагом повели в глубь леса.

Хоть Яромир и не мог видеть ни дороги, ни окружения, но он прекрасно запомнил весь маршрут следования. Старик хорошо его обучил.

Почему-то именно сейчас тоска по старику напала на Яромира. Он готов был отдать всё на свете, лишь бы ему представилась возможность пасть в ноги к отцу и умолять его о прощении...

Под укачивающий шаг лошади, придавшийся воспоминаниям Яромир, и не заметил, как провалился в сон.

Он снова оказался на том выжженном поле под черным солнцем.

Вокруг, мимо стоящего на коленях Яромира, нескончаемым потоком, проносились твари всех мастей, совершенно не обращая на него никакого внимания. Большинство из них он видел впервые и где-то внутри неприятно зудело неприятное чувство. Страх?

В какой-то момент, твари расступились и перед Яромиром, тяжелой, уверенной поступью, вышел величественный воин в шипастом доспехе из черных латных пластин, держа на плече огромный изогнутый клинок.

Из отверстий в шлеме, похожем на череп водяного, на Яромира пристально смотрела пустота.

Жуткая, устрашающая пустота, вселяющая лишь чувство безысходности и неизбежности

скорой смерти, проникающая в самые сокровенные тайны его души.

Кошмар — так Яромир мог описать это существо.

Руки Яромира невольно начали дрожать.

Кошмар вплотную приблизился к Яромиру, высоко поднял неестественно большой меч и приготовившись к удару.

Мгновение и лезвие, рассекая воздух, опустилось на его голову, вернув Яромира в реальный мир.

Сорвав с головы мешок, Яромир вытер им мокрое от выступившего пота лицо, как раз в то время, когда они проехали лагерных караульных.

Никаких оборонительных сооружений в месте развертывания Серых волков не было.

Сам отряд встал лагерем в густой чаще Троетского леса и только пара троп давала возможность подхода к нему, в результате чего разведчики всегда могли первыми встретить неожиданных гостей, да и в целом лагерные шатры практически не отличались от лесного массива благодаря листьям, веткам и дерну, превосходно используемых в качестве маскировки.

Жизнь в лагере кипела: кто-то упражнялся с оружием, кто-то с борьбой, кто-то занимался подготовкой снаряжения и разносом провианта.

Увидев все, что нужно, Яромир быстро натянул мешок обратно на голову.

Они проехали в глубь лагеря и остановились.

— Спешиться! — отдал приказ неизвестный голос, больше походивший на лай.

Яромир спрыгнул с лошади и тут же получил большой удар по ногам, от чего упал на колени. По Гришкиной ругани Яромир понял, что его поставили рядом.

— Снять мешки! — последовал новый приказ.

Когда с их голов стянули мешки, перед Яромиром и Гришкой предстал рослый воин в черной кожаной безрукавке с клепаными браслетами на руках.

— Я — Кривжа! Воевода Серых волков! А вы, значит, обещанное князем пополнение? — Кривжа закатился издевательским смехом. — Нет, чтобы с десятков нормальных ратников послать, а он отправляет всего пару немощных бестолочей! Как будто потешается над нами!

Как только Яромир увидел воеводу Серых волков, у него отпали все вопросы по поводу их названия.

Густая черная грива развевалась на ветру. Длинное, идеально выбритое лицо расплылось в зверином оскале, а над крючковатым носом сверкали разноцветные зрачки глаз: правый — синий, левый — неестественно красный.

В целом внешностью предводитель Серых волков не сильно отличался от настоящего дикого волка, а о сходстве с Патшой не было и речи — одно лицо.

— Ну как сказать, воевода. — вперед вышел бородатый старшина дозора, которого, как узнал Яромир за то время пока они ехали, кличали Шерстью, — вот тот, голубоглазый, добрую половину наших ребят раскидал и даже бровью не повел. И погляди, знаки на них — дружины воеводы Руевита.

Кривжа подошел к Яромиру.

— У Руевита значит под крылом ходили? Стало, перед нами не абы какие дворняги, а самые настоящие княжеские цепные псы! Слыхали, волки?!

Воины, стоящие рядом, громко рассмеялись.

— Но, теперь батьки Руевита рядом нет. Так же его в гридне называют? — Кривжа

сорвал с груди Яромира вышитый княжеский знак Звезды Сварога. — Теперь вы в моей власти! Мы не чтим ни один стяг и, надеюсь вы это быстро усвоите.

— Ты хоть знаешь, кто пред тобой, воевода? — не выдержав дерзости Кривжы, вспыхнул Гришка.

— О, погоди, а тебя я знаю! Ты ж главная гончая Игорева. — Кривжа склонился над Гришкой и прорычал. — Ну, удиви меня?

— Прояви уважение, таки перед тобой сам князь Яромир Ярославович — родной брат нашего светлого князя Игоря! Богатырь славный!

Яромир негодуя покачал головой.

— Простите-извините мою дерзость, ваше княжеское благородие! — Кривжа раскорячился в неуклюжем поклоне. — Милости просим вас вступить в наше скромное братство! Брат, ты только погляди, кто в наш стан пожаловал!

Полотно шатра отодвинулось и Яромир замер.

На свет вышел Патша.

С момента их последней встречи он сильно изменился и стал, как две капли воды походить на своего брата.

Глаза Патши округлились от удивления, и он встал подле Кривжы.

— Погляди, Патша. Сам князь славный перед нами, недостойными, на коленях стоит.

— Бывают же в жизни удивительные встречи! — Патша расплылся в зверином оскале. — Безродный щенок оказался породистым псом! Как там тебя? Ах, да! Яромир.

Настала очередь удивиться Кривже.

— Так вы знакомы?!

— А то! Помнишь, говорил про оборванца, что у меня бабу увёл? Вот он!

— А-а... Значит, это тот храбрец-удалец, чью жопу от тебя наш папаня уберег?! — громко хлопнул в ладоши Кривжа.

— Коль не папка, то его дурья башка уже давно бы распрощалась с плечами, а сейчас, погляди, птица важная! Тебя теперь, поди, и пальцем не тронуть? А, богатырь? — Патша подошел вплотную к Яромиру и пристально посмотрел в его глаза.

Яромир не отвечал, лишь крепко сжал кулаки и стиснул зубы.

Он понимал, что любое слово может стоить им с Гришкой жизни.

— Значит так. Поднимите их! — Кривжа отдал приказ и парней грубо поставили на ноги. — Князь что-то передал?

— За пазухой спрятано. — Гришка кивнул на грудь. — Прикажи развязать, достану...

— Ш-ш! — Кривжа приложил палец ко рту Гришки. — Больно ты говорливый. Бесишь... но, мы и это поправим.

Кривжа кивнул Шерсти.

Бородач небрежно распорол охотничьим ножом Гришкин кафтан, извлек из тыльной его стороны скрепленный княжеской печатью сверток и вручил Кривже.

Тот, сломав печать, стал ходить из стороны в сторону, внимательно изучая послание.

Прочитав написанное, воевода Серых волков изменился в лице и передал письмо Патше, после чего пристально посмотрел на Яромира.

— Сожги это, брат. — Кривжа переменялся в голосе. — Не нужно чтобы кто-то еще увидел.

Кривжа подошел к Яромиру и, ничего не сказав, ударил его кулаком в живот, да так сильно, что тот сбил дыхание закашлялся и упал на колени.

Гришка дернулся на помощь, но получил такой же удар от Патши, извергнув при этом на землю весь съеденный им завтрак.

Кривжа сильно сдавил челюсть Яромира и поднял его на ноги:

— Слушай меня внимательно, славич, и запоминай. Мне глубоко наплевать, кто ты и что ты! С сего дня я — ваш князь и я — ваш бог! И делать вы будете ровно то, что я вам велю! Изволишь дерзить или вздумаешь ослушаться — поблажек не жди. Кишки выпущу. Жизнь ваша для меня ничто! Брат твой передал относительно тебя четкие указания и если вдруг доведётся вам встретиться вновь, в чем я ой как сомневаюсь, то не забудь поблагодарить Игоря, ведь такова была его княжеская воля! Теперь я решаю, когда тебе разрешено пердеть, а когда дышать! Надеюсь, я достаточно понятно изъяснился, и ты не будешь делать никаких глупостей?

Кривжа унизительно похлопал Яромира по щеке и развернулся к Патше.

Тут Яромир понял, что живыми и невредимыми им уже не выбраться.

Его охватило мимолетное желание выхватить меч Шерсти, всадить его глубоко в брюхо Кривжи и, по возможности, успеть разобраться с Патшой.

«Всё равно помирать, а так хоть с ними разделаюсь!» — Яромир заскрежетал зубами. — «Жаль только Гришку...»

Яромир бросил на него косой взгляд.

Гришка, стоя на коленях, с поникшим видом склонил перед Серыми волками голову.

Яромир не желал зла другу, поэтому глубоко выдохнул и с большим трудом сдержал бравый порыв.

— Коль он твой старый знакомый, — обратился Кривжа к Патше. — то отдаю его на твоё воспитание. Можешь ни в чем себе не отказывать! Гонцом я сам займусь. Больно он мне полезен будет. Я все сказал!

Гришка вопросительно посмотрел на Яромира, но тот лишь пожал плечами и утвердительно кивнул, давая понять, что выбора у них никакого нет, и придется следовать приказам Серых волков.

— Ну что, славич, нас с тобой ожидают крайне занятные дела! — Патша хлопнул Яромира по плечу и дал знак Гивире сопроводить его в лагерь.

Ещё когда Яромир узнал о том, что Игорь высылает его из Слав-города, у него закралось нехорошее чувство обо всей этой затее. Теперь же он окончательно в этом убедился.

«Что же ты такого написал, братец?» — думал Яромир, пока его вели мимо низких шатров, старательно скрытых под сухими ветками и мхом. — «раз Кривжа так быстро переобулся? Ничего, я обязательно узнаю, и ты мне ещё за это ответишь...»

Глава 13: «Не надоело ещё кочевряжиться?»

Его проводили в лагерную оружейную и заставили сдать доспехи и оружие. Взамен он получил засаленные лохмотья и поношенные берестняки.

— Цацку свою тоже долой.

Гивир толстыми пальцами потянулся к цепочке на шее Яромира.

— Даже не думай! — Яромир схватил его за предплечье и отбросил на кучу доспехов. — Тронешь — лишишься руки! Это я вам по добру не отдам....

— Ты с кем, паскуда, спорить собрался?! — завизжал Гивир, с трудом выбираясь из-под навалившейся кожи. — Слыхали мужики, какой строптивый? А ну, давай покажем ему, какой у нас тут разговор с такими выродками!

Все, кто был в оружейной, схватили дубины и окружили Яромира.

— По-хорошему, снимай свою цацку паршивую! — продолжал надирать режущий уши голос Гивир.

Яромир отрицательно покачал головой.

— Тебя предупреждали! Лупи его, мужики!

Для Яромира не составило большого труда разобраться с нападавшими.

Яромир, умело разбросал всех по разным углам, схватил визжащего, будто поросёнка, Гивира, вышвырнул его из палатки, сам вышел следом и тут же пожалел об этом.

Прямо перед входом в оружейную палатку уже ждали Кривжа, Патша и ещё порядка двух десятков воинов.

Яромир понял, что ждало его дальше, от чего тяжело вздохнул.

— Ну что же ты за божедурье такое? Я вот думал, что ты — понятливый малый. Даже хотел к тебе по-хорошему, а ты вон, как собака на добрых молодцев кидаешься. Всё-таки придётся поучить тебя хорошему поведению. Ату его! — Кривжа махнул рукой.

Яромир сжал кулаки и пристально, исподлобья смотрел в разноцветные глаза Кривжи:

— Думаешь, что сможете меня сломить, что я буду бегать перед вами и молить о пощаде? Как бы не так...

— Это мы еще поглядим, славич! — сверкнул глазами Кривжа, и его воины толпой набросились на Яромира.

Он яростно вступил в неравную схватку, но, как волки стаей способны измотать и завалить взрослого свирепого медведя, так и здесь у Яромира не было ни единого шанса.

Спустя некоторое время и нескольких серьезно покалеченных воинов, дружине Кривжы все-таки удалось повалить его на землю.

Яромира били палками и пинали со всех сторон, пока последние силы его окончательно не покинули.

Последним, что увидел Яромир, оказалось волчьи глаза Патши, отражавшие то ли сожаление, то ли разочарование и тяжелый сапог, опускающийся на его лицо.

Поток ледяной воды привел Яромира в чувство. Все тело неистово болело, и правый глаз так заплыл, что пытаться открыть его было невозможно.

Он дёрнул руки, но ощутил лишь сильную боль в запястьях, за которой последовал металлический лязг цепи.

Его приковали к дереву. Положение оказалось хуже, чем он мог себе представить.

Рядом, на корточки присел Патша.

— Вот, стоило оно того? — он вертел в руках амулет Яромира.

Яромир попытался вырваться, вернуть дорогую ему вещь, но тело его не слушалось, и он без сил повис на цепях.

— Нет, ну ты глянь на него... Такой грозный! Видел бы ты себя. Сидишь тут, весь в крови и дерьме, как нерадивая побитая собака, посаженная на цепь. Любопытно, что бы сейчас сказал твой старик?

Яромир одарил Патшу полным ярости взглядом, но тот лишь ухмыльнулся в ответ:

— Буду честен, ты мне должен... Кривжа хотел живьём снять с тебя шкуру и повесить на этом самом дереве и все разговоры... Но, разве я мог с тобой так поступить? Мы же давние друзья, земляки, помнишь? — Патша злорадно улыбнулся и похлопал Яромира по целой щеке. — Открою тебе тайну: я пообещал брату, что ты будешь послушным псом..., а нет, то просто перережу тебе глотку, а тело сброшу в выгребную яму. Хотя нет, сперва ты

увидишь, как Шерсть будет отрезать от гонца кусочек за кусочком. Что ты выберешь: жить с костью и похлёбкой и делать все, что тебе скажет хозяин, или по собственной глупости сгинуть в муках и погубить друга?

Яромир продолжал сохранять молчание.

— Понимаешь, — продолжал Патша. — в такие времена сложно найти добротных воинов, а ты, вроде как, парень далеко не глупый. Знаешь, ты мне нравишься! Есть в тебе что-то такое... Поэтому, я дам тебе время всё хорошо обдумать. Сиди тут и никуда не уходи, да подумай хорошенько. Не против, если я побрякушку твою у себя оставлю? Больно она занятная...

Патша надел Звезду Сварога на шею, потрепал Яромира по грязным волосам и ушел, оставив его под охраной Гивира.

Так Яромира и оставили: прикованному толстыми цепями к дереву, голодному и израненному, под круглосуточной охраной.

Лишь пару раз в день Гришке разрешали принести ему несколько капель воды в старой засаленной тряпке.

Гришка и сам выглядел не лучше Яромира: тело покрывали множество ссадин, во рту стало не доставать зубов, а глаза залились лилово-зелеными синяками.

Видно, что Кривжа нашёл к нему подход.

Каждый раз Гришку приводила стража и лупила его палками, если он пытался хоть слово сказать Яромиру. Очень быстро они научили вечно несмолкающего Гришку держать язык за зубами и всё, что он мог, — это только с жалостью и надеждой смотреть на своего трясущегося от холода друга, выжимая воду из тряпки в его рот.

Без всяких слов было понятно, что Гришка глазами умолял Яромира вытащить их отсюда, но сейчас он не мог. Яромир просто не представлял себе, как можно сбежать сразу от двух волколаков...

Гришка сломался быстро, но Яромир так просто сдаваться не собирался.

На девятый день он уже смирился с холодом, совершенно перестал чувствовать передавленные цепью руки и отёкшие от длительного стояния ноги.

Но, самой страшной оказалась пытка едой.

Стражники держали глаза Яромира открытыми и заставляли смотреть, как они жадно поедают хлеб и мясо, бросали ему под ноги кости и отгрызки, до которых он никак не мог дотянуться, обмазывали отросшую бороду свиным жиром, запах которого заставлял пустой желудок болезненно сжимался и манил всевозможных насекомых.

Муравьи, мухи и жуки лезли в глаза и уши, а борода дак зудела, что сводила с ума. Поначалу Яромир старался их отогнать как мог, но по итогу смирился, и они очень быстро сами превратились в его пищу. Было мерзко, но всё же лучше, чем ничего...

Патша приходил каждый вечер и раз за разом получал от Яромира лишь многозначщее молчание.

Спустя полторы недели Патше надоело терпеть молчание Яромира, и он приказал утром и вечером наказывать его телесно: палками, плетями и розгами.

К началу тридцать третьего дня издевательств, голодания и побоев Яромира уже сложно было отличить от мертвеца.

Даже Гришка перестал появляться и Яромир уже заподозрил самое худшее.

Сейчас он и сам только смиренно ждал, когда уже и его постигнет та же участь...

В очередной раз придя с проверкой Патша сел напротив исхудавшего и изможденного

Яромира, поднял его голову за подбородок и сочувственно посмотрел в усталые глаза:

— Не надоело ещё кочевряжиться?

Яромир снова ничего не ответил.

— Такое упорство невольно заставляет уважать... — Патша зубами выдернул пробку бурдюка и влил его содержимое в рот Яромира.

Чистая вода, будто тысячами лезвий, пронеслась по пересохшему горлу и с ещё большей болью наполнила желудок, от чего Яромир закашлялся и издал едва слышный стон.

— Всё не наигрался? То, что ты на своём до самого конца стоишь — похвально, но так глупо... Мне любопытно, что тобой движет? Может это?

Патша достал из-за пазухи Звезду Сварога и потряс ей перед лицом Яромира.

В ответ Яромир захотел плюнуть Патше в лицо, но вырвалось лишь непонятное хрипение.

Патша издевательски загоготал и спрятал амулет обратно.

— Сдалась тебе эта цацка... дурью маешься. До рыжего тоже сразу не дошло, а у брата терпения не так как у меня, — совсем нет... стал гонец послушный, как скоморошная собачонка. Правда, теперь больше не лает.

Яромир одарил Патшу крайне красноречивым взглядом. Хоть он уже и смирился с Гришкиной смертью, но весть о друге заставила его сердце сжаться.

— Значит так, — Патша почти вплотную приблизился к уху Яромира и перешёл на шепот. — Кривже и с тобой надоело возиться. На закате тебя на собственных кишках вздёрнут и повесят на въезде в лагерь... Ты мне нравишься, поэтому спрошу ещё раз. Какой смысл в глупой смерти? Ведь у тебя ещё столько поводов к жизни!

Глаза Яромира вопросительно сверкнули.

— Начнём хотя бы с князя Игоря. Думаешь, что он будет горевать о тебе? Ошибаешься! Он даже бровью не поведёт, уж поверь... Как он там написал-то: «Делай с изменником всё что угодно, а коли будет ерепениться, то даю тебе полное право распорядиться жизнью его по своему усмотрению. Знай, что жизнь его не дороже дворовой собаки. Такова воля моя!». Есть смысл за это помирать?

Слова Патши ноющей болью отозвались в груди Яромира, сломав последнюю соломинку его оставшихся сил.

Яромир нутром чувствовал, что за всем этим стоит княжна Марина и единственное, чего он сейчас хотел, было желание вернуться в Слав-город, придушить её собственной же змеей и спасти брата от колдовских оков.

— Забудем все обиды! Я прощу тебе бабу..., всё равно с ней, мягко сказать, — не срослось.

Яромиру вспомнились завораживающие, невинные зелёные глаза Вереи и его зрачки произвольно увеличились.

В голосе Патши же почувствовалось лукавство и сожаление. Он о чём-то умалчивал, о чём-то очень серьёзном...

— Ты мне простишь гонца и начнём всё заново, с чистого листа. Я же, по доброте сердечной, предлагаю тебе занять место в наших рядах. У тебя будет крыша над головой, еда, братство и работа. Будешь стараться, то и цацку твою верну. Чего ещё-то нужно? Ты и так совершенно никому не сдался в этом поганом мире. Задумайся: старик от тебя отказался, брат предал, рыжий растрепал, что и в Слав-городе у тебя кроме службы и дружины тоже никого не было. Сейчас ты значишь не больше кучи дерьма прилипшей к сапогу.

Слова Патши задели за живое. Ноги Яромира похолодели, а в груди зачесалось сомнение...

— Оглядишься. Ты опять стал гнилым отребьем без имени, без дома, без любви и друзей, но, я питаю глубокое почтение к твоей храбрости и стойкости. Ты умелый боец, что тоже дорогого стоит. Было бы несусветной промашкой просто так похерить такую мастроту. Сейчас, я даю тебе последний шанс... обрести среди нас новый дом..., новую семью.

К глазам Яромира непроизвольно подступили слёзы и по всему телу пробежал холодок. Патша каждым словом бил точно в цель, по его самым больным местам.

— По глазам же вижу, что ты жаждешь жизни. Даже больше..., ты жаждешь мести! Так склонись и живи. Пусть ненависть поведёт тебя и, однажды, тебе выпадет возможность воздать всем по заслугам! Доказать этому миру, что ты не кусок собачьего дерьма. Стоит всего-то засунуть спесь куда подальше и все мучения тут же закончатся...

Яромир тяжело выдохнул, склонил голову и без сил повис на цепях.

Патша вновь победил.

— Знал, что ты не вконец глупый... Нет, чтобы сразу так! — Патша расплылся в самодовольном оскале и торжествующе похлопал Яромира по щеке. — Я прикажу тебя отпустить, только запомни, что эти цепи теперь всегда будут ждать здесь. Вдруг в твою дурью башку что-то взбредет. Так что лучше не буянь. Ты же будешь послушным псом?!

Яромир еще раз слабо кивнул.

— Помнится, что больно ты с конюшим дружил. Так и у нас такой есть! Под его начало и пойдешь, а я за тобой присмотрю... — Патша встал и свистом подозвал стражу. — Снимите цепи и тащите его к Изве. То-то он рад будет.

Замки оков щелкнули и Яромир рухнул в грязь, оставшуюся после вчерашнего дождя.

Он ещё находился в сознании, когда его под руки волокли по земле. Он слышал, как хриплый старческий голос указал бросить его в угол. Наконец, жесткая, колючая солома неприятно впилась в тело. Только Яромиру было уже всё равно, так как сухая тёплая трава утянула его в глубокий сон.

Проснулся Яромир только к следующему вечеру от шума и криков, доносившихся с улицы.

Кости ломило, руки стянуло судорогой и, через огромную боль, он едва смог распрямить скрюченные пальцы.

— Ну, наконец-то, проснулся. — нетерпеливо протараторил хриплый голос. — Сколько можно спать?!

Старик с облезшими редкими волосами громко поставил перед Яромиром ведро с водой.

— Хотя, чему удивляться? Эвон сколь проболтался... Такое и за двое суток не выспишь! — старик легонько подопнул ведро поближе к Яромиру. — Чистая, не беспокойся... Пей, а то больно жалко на тебя смотреть. Там, в углу, тряпьё всякое валяется. Найди себе чего-нибудь. И так срама хватает, ещё и твоим любоваться не хватало...

Яромиру стоило больших усилий сесть.

Большой шатёр, пропахший дубленой кожей и навозом, оказался завален конской сбруей и освещался единственным факелом, прикрепленным к балке над верстаком.

Яромир подтянул ведро и посмотрел в воду. Из-под длинной засаленной бороды хорошо проглядывался обтянутый кожей череп и впалые глазницы.

Он вымыл лицо и голову, сделал несколько маленьких глотков воды и едва слышно

обратился к старику, разбирающему кожаные ремни:

— Изва?

— О-о! — удивлённо протянул старик. — Знаешь имя дряхлого конюха?

Яромир слабо кивнул:

— Спасибо, Изва...

— Не утруждайся. Ты мне с силами нужен, а то от мешка с трухой толку мало...

— Что там? — Яромир кивнул в сторону выхода из шатра.

— Чет недоброе, как всегда... Мне уже интереса нету. Привыкай, тут ор — привычное дело, а здесь, под навесом, спокойно и никто не трогает. Да и оно мне надо, — под руку Кривже попадаться лишний раз? У него ж ни стыда, ни жалости... Херовы нелюди... Хотя, ты и так уже знаешь, — Изва бросил пытливый взгляд на Яромира. — Чем же ты так умудрился насолить этим мудозвонам?

— Рожей красивее вышел, вот и разобиделись... — сухо ответил Яромир.

— От, брехун, я же всё знаю, — Изва оголил сгнившие зубы в улыбке и махнул на Яромира рукой. — вместо того, чтобы пытаться меня дурить — лучше помоги, а я уж как-нибудь подсоблю тебе. Яромир же тебя кличут?

Яромир утвердительно кивнул.

— Рыжий тут какое-то время отирался. — Изва бросил в Яромира потасканное платье. — Вот он и растрепал всё. Говорил, что ты из порядочных, богатырь... Не то, что эти — сплошь жульё, ворюги да убивцы. Кстати, чего-то рыжего давно уже не видать...

— Ты тоже не знаешь, что с ним случилось?

— Кто бы мне чего рассказывал... — Изва недовольно махнул руками и вернулся к ремням. — Тут как: ежели не местный потерялся, то никто диву не дастся.

— Мне нужно узнать... — загоревшийся надеждой Яромир на четвереньках пополз к выходу, но Изва перегородил ему дорогу.

— Ежели хочешь, чтобы тебя четвертовали, — милости прошу! — Изва подбоченился и нахмурил брови. — Сиди на жопе ровно, копи силы и помогай мне в работе. Всему своё время! Так и быть, попробую разузнать, что с твоим рыжим случилось.

— В ноги кланяюсь, Изва, за доброту твою. — Яромир из оставшихся сил сжал руку старика. — Говори, чего делать?

Старый конюх улыбнулся, помог Яромиру подняться и медленно повёл его к верстаку с сёдлами.

Вот так, за работой, Яромир провёл еще три недели.

Снаряжение сбруи, расчистка копыт, заготовка дров и рытьё нужников — стали его основными занятиями на это время.

Слова Патши о радушном приёме, оказались огромнейшей ложью, но Изва строго наказал терпеть..., и Яромир терпел.

Его унижали, провоцировали, высмеивали, бранили и понуждали все, кому не лень.

Это всё только ещё больше злило Яромира, да и сам он понимал, что ему нужно восстановить силы и выждать подходящий момент для побега.

Да, пытки сильно повлияли на Яромира, но не сломили его окончательно. Патша оказался прав — Яромир всем сердцем жаждал мести и, ради её достижения, готов был стерпеть многое...

Про Гришку ничего так и не удалось выяснить.

Гонец как в воду канул, а с Патшой и Кривжей у Извы желание разговаривать напрочь

отсутствовало.

Патша, как и обещал, на удивление хорошо относился к Яромиру, не то, что его брат.

Стоило только Кривже завидеть Яромира, как он отпускал в его сторону какую-нибудь колкость, всегда весьма обидную и крайне неприятную. Зачастую дело доходило и до рукоприкладства, что ещё больше подстёгивало Яромира в выжидании момента, чтобы поквитаться со своими обидчиками.

И такой день все же наступил...

Глава 14: «По тонкому льду ходишь!»

На дворе стоял один из последних теплых дней желтня.

Яромир чувствовал себя бодро, хоть последствия сидения на цепи ещё давали о себе знать.

Серые волки занимались ратным делом, Изва и Яромир, по обыкновению, чистили на улице сбрую, как в лагерь галопом влетел всадник, укутанный в черную войлочную накидку с глубоким капюшоном, полностью скрывающим лицо.

— Черный всадник — недобрые вести... — отметил Изва и продолжил расчесывать хвост бурой лошади.

Что-то в загадочной фигуре показалось Яромиру крайне знакомым и закралось нехорошее предчувствие.

— Изва, — Яромир наклонился поближе к старику, чтобы никто не слышал. — всё никак спросить не мог, давно-ли ты с волками околачиваешься?

— Чай, как восьмой круг пошёл... — угрюмо ответил Изва. — Жена давно от хвори слегла, а сын, как в войско Игоря вступил, так и пропал. Что старому конюху оставалось делать? Пошёл я его искать. Под многими стягами походил, многое повидал: и добротных воевод, и наглухо отмороженных... Прознал от старшины, что некий Кривжа начал ватагу собирать, так я сюды и затесался... Тут, я тебе скажу, не так-то и херово, видали и похуже... Мордороты меня тоже особо не трогают. У Кривжы, конечно, подход особый, но, что у него не отнять, так это любовь к дружине, как он говорит, — стае. Коль он тебя в стаю примет, то и жить станешь припеваючи. Покуда здешние законы соблюдаешь, конечно. Вот я и живу себе спокойно, в чужие дела нос не сую. Ежели в немилость попадал, как ты, то долго тут не задерживался, но и живым еще никто не уходил... Скажи Патше спасибо. Если бы он за тебя не просил перед Кривжей, то и мы бы сейчас не беседовали. Забирай.

— Давно Патша в лагере? — Яромир отложил в стопку готовое седло и повесил на прясло новое.

— Скоро третья зима будет... К волкам же просто так не приходят. Я слышал, — Изва перешел на шепот. — что он над кем-то изуверствовал страшно и сбёг к брату под крыло, чтоб наказания справедливого избежать...

Где-то в груди у Яромира кольнуло неприятное чувство тревоги.

Неожиданно, из главного шатра со свистом выбежал взъерошенный Кривжа:

— Стая, слушай меня сюда! Волки мои, птичка на хвосте вести из Слав-города принесла! Сегодня в ночь идём на охоту!

Лагерь разразился одобрительными возгласами.

— К закату всем быть готовыми! Идём в Крайнюю! — приказал Кривжа и поспешно скрылся в шатре.

Яромир вопросительно посмотрел на Изву.

— Шустрее Яромир, у нас с тобой много работы. — Изва быстрее зашевелил руками.

— Что за охота? — недоумевающе спросил Яромир, закидывая новое седло на очередного скакуна.

— Вчера вернулся дозор с вестями, что в Крайнем Сталь-градовцы лагерем встали. Раз так спешно прилетел чёрный и всполошился Кривжа, значит, княже Игорь дал особые указания. Как пить дать, пойдут мужики языка добывать да бить железнобоких самым жестоким образом. Нам же надобно успеть всё подготовить, покуда не влетело по первое число! — Изва громко пристегнул удила. — Давай, шустрее!

— Кто такой "язык"? — Яромир подал Изве новую кучу поводных ремней.

— Вот ты непутевый... Язык — значит говорить будет, знающий, а смотря чего скажет, то решит Кривжа: нужен он ему, али нет — язык евоный. Обычно, он знания эти обратно князю отправляет, за что благосклонность и имеет. Все, хватит вопросами глупыми докучать, работы невпроворот!

На удивление Яромира сборы Серых волков проходили слаженно, четко и без лишней суетливости. Каждый из воинов знал, где что лежит, что нужно подготовить и как нужно действовать. Лишь десятники ходили туда-сюда, спокойно раздавая поступающие от воеводы приказы.

Сейчас лагерь в действительности походил на настоящую сплоченную стаю.

Только Яромиру всё не давала покоя фигура загадочного черного всадника. Что-то внутри ему подсказывало, что он знал, кто скрывался под накидкой и, поэтому, Яромир весь день ходил за Извой хвостом, выпрашивая, чтобы тот выяснил, что к чему...

К обеду нервы старика не выдержали, и он завёл Яромира в палатку:

— Значит так, окаянный, сиди тут и не дергайся! Можешь пока подковы погнуть туда-сюда, раз уж силушка вернулась..., а я пойду поспрашиваю, — Изва улыбнулся Яромиру доброй беззубой улыбкой. — Самому-то тоже интересно!

Дождавшись пока, Изва уйдет, Яромир достал из сена вытащенный им из оружейной боевой топорик и кусок точила. Яромир чувствовал, что сегодня ему это точно пригодится...

Через некоторое время вернулся бледный, как молочная пелена, Изва:

— Ну что, богатырь, — начал он шепотом. — Не подвела тебя чуйка, — это твой рыжий гонец.

«Гришка, живой...» — по спине Яромира пробежали мурашки и прихватило дыхание, и он нервно заметался по шатру.

— Только больно он плохой..., я бы сказал — полная жопа. — Изва обреченно махнул рукой. — Ежели ему не помочь, то до утра он не дотянет, а нашему вожаку до него дела совсем нет.

— Как поступим? — обеспокоенно спросил Яромир.

— Для начала прижми зад к месту. — спокойным тоном скомандовал Изва и указал Яромиру сесть на солому. — Есть у меня мысля, только действовать нужно будет шустро.

Они ждали до вечера.

Серые волки закончили сборы и весь основной отряд, во главе с Патшой и Кривжей, выдвинулся на охоту.

Изва выглянул из шатра и тут же вернулся обратно.

Следом за ним внутрь вошли Кривжа и Патша, облаченные в дорогие кожаные доспехи и подпоясанные мечами и кинжалами.

— Ты что, дворняга, думал, мы про тебя забудем, — оскалился Патша. — и оставим без

присмотра?

— Больно плохое предчувствие у меня по твоему поводу. — Кривжа глубоко втянул воздух большими ноздрями. — Брат меня уверяет в твоей покорности, но я чую твой запах. От тебя буквально разит неприятностями.

Огоньки факела зло прыгали в глазах Кривжи, от чего Яромиру стало немного не по себе.

— Посидишь на цепи, пока мы не вернемся, — Патша загремел оковами. — Так и брату, и мне спокойнее будет, что ты точно ничего не наворишь.

Яромир вопросительно посмотрел на Изву.

Старик лишь сочувственно кивнул, и Яромир покорно протянул руки, на одну из которых Патша сразу же накинул стальной браслет

— Славной охоты! — Изва как мог, старался скрыть дрожь в голосе.

— Не бойсь старик, вернемся с добычей! — прорычал Кривжа и сильно хлопнул Изву по плечу, так, что тот завалился на солому в углу палатки.

Яромира вывели из палатки и повели на место его прежнего заточения.

Патша лично закрепил цепь и приставил на охрану Гивира. Убедившись, что Яромир крепко прикован, братья-волколаки быстрым шагом отправились догонять ушедший вперёд отряд.

«Сраные нелюди... Опять всё испоганили.» — Яромир до крови закусил губу. — «Во чтобы то ни стало нужно спасти Гришку...»

Чем дальше удалялись Серые волки, тем больше гнев закипал в груди Яромира:

«Отца подвёл, Верею подвёл, Игоря подвёл...» — он сжал кулаки так, что на землю закапала кровь от впившихся в ладони ногтей. — «Что толку от всей этой силы, если я опять сижу на цепи...?»

Тело затрясло изнутри. Яромир подался вперёд, от чего толстые цепи туго натянулись.

«Нет, сегодня Гришка не умрёт... Я не позволю...» — от злости Яромир совсем не ощущал боли, от глубоко врезающихся в кожу звеньев цепи. — «Каких-то тридцать шагов... Нет, они все поплотятся...»

От натуги сталь и дерево громко закрипели, что привлекло внимание Гивира:

— Ты что, приبلуда, удумал?! — противно завизжал Гивир и кое-как выхватил меч из ножен, увидев, что Яромир пытается освободиться. — Щас я тебе...

Только Гивир сделал шаг к Яромиру, как за его спиной раздалось дикое ржание лошади, и он отвлекся на звук.

По двору неслась запряжённая телега, полыхающая огнём. Следом за ней охая и ахая бежал Изва:

— Стой, стой! — старик надрывал горло и махал руками, привлекая всё внимание лагерной стражи к себе. — Чего стоите, остолопы, остановите её! На помощь!

План старика сработал.

Яромир сделал последнее усилие и звенья цепи с громким лязгом лопнули.

Оторопевший Гивир набрал воздух в грудь и успел выбросить лишь короткое «Стра...!» перед тем, как хлёткий удар Яромира оставшимся на руке куском цепи заставил его навсегда замолчать.

Счет времени пошел на мгновения.

Пока все в лагере занимались ловлей скакуна и тушением горячей телеги, Яромир спрятал тело Гивира за ближайшими кустами, и, под покровом темноты, прокрался к шатру

Кривжы.

В дальнем углу большого шатра стояла железная клетка, где, вместо зверя, в луже крови, лежал бледный Гришка, из последних сил прижимающий окровавленную тряпку к кровоточащему боку.

При виде Яромира, Гришка склонил голову и по щекам заструились слёзы.

— Я знал..., знал, брат, что ты живой! Так.... — Яромир подбежал к Гришке и осторожно поднял его руку, чтобы осмотреть рану. — Зараза, хлещет как из пороса... Если до сих пор жив, значит важные органы не задеты... Это хорошо, хорошо...

Гришка посмотрел на Яромира и крепко сжал его предплечье окровавленной рукой.

Яромир же обратил внимание на неестественный для Гришки пустой взгляд.

Гонец изменился. Так обычно смотрели встречавшие смерть.

Гришка повстречал что-то жуткое, только сейчас совсем не было времени выяснять что именно...

Яромир же дрожал от волнения, сердце колотилось, но он всеми силами старался этого не показывать. Гришке и так тошно, еще и его тревоги только не хватало.

— Не страшись, брат, не брошу... — Яромир осторожно поднял на руки обессиленного Гришку. — Ещё немного потерпи... только не шуми...

Они вышли из шатра и Яромир наспех огляделся.

Лагерная стража только дотушила телегу и старательно выясняла у Извы причины её необычного возгорания.

Выдалось мгновение, когда никто не смотрел в сторону шатра Кривжы и Яромир, с Гришкой на руках, прошмыгнул в шатер Извы.

Он осторожно уложил раненого друга на свой соломенный лежак.

Тряпка настолько пропиталась, что уже не помогала остановить кровь, поэтому Яромир не нашёл ничего лучше, чем снять с себя рубаху и, оторвав от неё самый чистый лоскут, приложить к Гришкиной ране.

Снаружи, по земле зашаркали ноги.

Кто-то целенаправленно шёл в их сторону.

Яромир запустил руку под Гришку, вытащил из-под него хорошо припрятанный от посторонних глаз топор и встал у входа.

Незнакомец остановился прямо перед входом.

«Напасть или подождать... Надо сейчас, пока не успел нас выдать!» — Яромир выдохнул, замахнулся топором, как полог шатра пошевелился.

В маленькую щелку ловко пролезла седая голова Извы и уставилась на Яромира вопросительным взглядом.

— Ты тут это, — прошептал старик и полностью зашёл в шатёр. — не балуй со своей железякой! Мне голова и самому нужна на плечах!

Яромир с облегчением выдохнул и опустил замахнувшуюся для удара руку.

— Додумался сбежать? Молодец! — Изва жалостливо посмотрел на Гришку. — Ты только эту хреновину далеко не прячь, пригодятся.

— Есть у нас спирт, трипутник и подорожник?

Изва тучно нахмурил брови и опустился рядом с Гришкой на колени.

— Есть настойка из тысячелистника, в сумке. — Изва потрогал рану, от чего Гришка издал стон, больше походивший на скуление. — Скажу, не всё так плохо... Только стрелу достанем...

— Какая стрела?! — возмущенно выпалил Яромир. — Нож охотничий в пол локтя...

— Остолоп, — гневно прошипел в ответ Изва. — Сказал стрела, значит стрела! Тащи чего велено! И лопух неси, которым зад вытираем! Должон сгодиться...

Яромир недовольно поджал губы. Он ещё никогда не ошибался... но просьбу Извы выполнил.

Старик достал из сапога нож, сунул ножны в зубы Гришки, облил лезвие и руки настойкой.

По обыкновению трусливый гонец, до ужаса боящийся боли, сейчас сохранял спокойствие и терпеливо следил за действиями Извы.

— Что с тобой сделали...? — пораженно прошептал Яромир.

Гришка лишь поднял на него хладнокровный взгляд, от которого по спине Яромира пробежал озноб.

— Яромир, нужна сила.

Яромир оторвался от раздумий и навалился на Гришку.

— Ну, сынок, жми! — скомандовал старик Гришке и опустил тонкое лезвие в рану.

Гришка изо всех сил стиснул зубы, закричал, но не закричал, чем ещё больше поразил Яромира.

Немного повозившись, Изва извлек из бока гонца осколок стрелы. Гришка тяжело дышал, но всё ещё продолжал молчать.

— Сказал же, что стрела! — язвительно бросил Изва недовольно скучившемуся Яромиру и вернулся к Гришке. — Молодец, хлопчик, молодец... Только вот ещё краюшку надо потерпеть. Огня!

Яромир снял факел с подпорки, подал его Изве и снова прижал Гришку.

Старик омыл нож настойкой, в огне раскалил лезвие до красна и приложил его к кровоточащей ране.

Кожа затрещала, воздух наполнился запахом горелой плоти.

Тело Гришки напряглось будто канат, покатались слёзы, но криков боли от него так и не последовало.

Когда Изва закончил, то достал из кармана подсохшую веточку тысячелистника, натер его с остатками настойки, наложил получившуюся кашу под толстый слой лопуха, закрыл рубахой Яромира и повязал всё бечевкой.

— Ну, еще и на свадьбе попляшет!

Пока старик отмывал Гришкину кровь от рук, Яромир осторожно напоил друга чистой водой из чарки.

— Вот паскуды... Волчья! — заключил старик, повертев наконечник в свете фонаря. — Это наши его подстрелили, а Кривжа просто умирать бросил. Твари бессердечные!

— Как ты узнал, что стрела? — недоумевающе спросил Яромир. — Рана прямая, совсем не похожа на порез от наконечника.

— С моё поживёшь... — печально протянул Изва. — Ещё и не такое узнаешь... Смотри.

Гришка быстро очнулся и что-то промычал в углу, рукой показывая Яромиру подойти.

— Брат, отдыхай, тебе нужен покой. — Яромир сел рядом с Гришкой. — Всё позади. Я выведу вас, отдохнёшь, потом и поговорим...

— Не спеши радоваться, богатырь. — мрачно сказал Изва и указал на едва шевелящего рукой Гришку. — Он ничего уже сказать не сможет...

— Ты про что?! — вопросительно поднял бровь Яромир.

— Во рту посмотри.

Яромир посмотрел на Гришку, утвердительно кивнувшего на слова Извы.

Глаза Гришки продолжали сверкать хладнокровием, вызывая в Яромире страх и панику.

Яромир приблизился к голове Гришки, медленно открыл его рот и тут же в ужасе отпрянул.

На месте языка виднелся лишь маленький обугленный обрубок, а рту не доставало многих зубов.

Гришка хотел что-то сказать, но вновь получилось лишь непонятное мычание.

Яромир сжал кулаки, а в груди разгорелось пламя:

— Кто? — зло прохрипел он.

Гришка, не отрывая от Яромира гневного взгляда, медленно начертил на земле едва различимый знак.

— Звезда Сварога! — первым озвучил Изва. — Значится, княжья воля...

Гришка утвердительно кивнул и, скорчившись от боли, нарисовал рядом со знаком зубы и что-то похожее на нож.

— Князь — указал, Кривжа — наказал! — утвердительно заключил Изва. — Предупреждал же, рыжий, что язык тебя до добра не доведет?

Гришка грустно пошевелил краями рта, кивнул глазами, и вновь гримаса боли скривила его лицо.

— Как же так?! — Яромир сел на корточки и обхватил голову руками. — У меня в голове просто не укладывается...

— Я говорил тебе, что уже давно кочую с ними, — загадочно начал Изва. — но не рассказывал всего, что знаю...

Яромир сел напротив бросил на Изву злобный взгляд.

— По тонкому льду ходишь, старик. — мрачным тоном прорычал Яромир. — По очень тонкому льду.

— Ты гнев для других побереги, а меня пугать не стоит. Пуганый уже! — Изва махнул на Яромира рукой. — Чего ты думаешь, Серых волков за столько кругов еще никто не нашёл? Всё просто: они не оставляют за собой следов. И сейчас я говорю далеко не про башмаки... Пошли вот они в Крайнюю, а завтра к утру уже не будет деревни. Сожгут дотла и жителей след простынет, и слухов о Серых. Я же тебя сразу предостерег, что тут одни бандиты и убийцы и просто так Кривжа в стаю свою абы кого не берёт. Как ты думаешь, как так долго удастся им по лесам скитаться, в самой страшной глухомани окапываться, что даже целому войску их не найти? А по то, что из таких вот набегов они себе жратвы на всю зиму затаривают и это далеко не только соленья со скотиной.

От слов Извы Яромира затрясло, а к горлу подкатило содержимое желудка. Он поднялся на ноги и стал нервно ходить по кругу.

— Это я что, хочешь сказать, человечину тут все время жрал что-ли?

— Ой, не начинай... — Изва опять махнул на Яромира. — Что, я на людоеда так похож? Херушки! Конину мы с тобой ели. Обыкновенную конину да козлятину. Я тоже эти вот их пристрастия не переносу. Как увижу, так тут же наизнанку всего воротит. Поэтому, стараюсь дальше порога понапрасну нос не совать.

Яромир остановился, вдохнул и выдохнул:

— Ну, допустим..., а Игорь тут каким боком?

— Тут-то самое интересное. — Изва расплылся в гнилой улыбке. — Много живу, много

знаю и много слышал. Вот теперь и ты слушай! Из-за чего Сталь-град со Слав-городом в распрях? Можешь не отвечать. Все недалёкие от власти верят, что князья балуют так, землю делят, но, на самом деле, все вокруг сестру твою ищут. Княжна Варвара сбёгла и следов её найти никто не может...

Яромир хотел что-то сказать, но Изва перебил его резким жестом:

— На кой она всем сдалась не скажу, только князья знают и их доверенные. Девка что-то знает и власть имущие готовы каждого в мир Иной отправить, лишь бы до неё добраться. Поэтому князья и отправляют дозоры, чтоб те по округе шатались и вынюхивали — всего да побольше! Кривжа, как бы не кичился, не сам волк, а лишь его хвост. Делают за Игоря всю грязную работу, а тот их не трогает и, так называемое — «пополнение», поставляет... Самые отъявленные головорезы из самых защищенных острогов и казематов. Чтобы скрыть траты на Серых волков и смыть с себя причастность Игорь дал им вольную на всё, что душе угодно. Что ещё нечисти кроме разбоя, злата да кровищи нужно? Налетают, что нужно вынюхивают, остальных — в расход. Тут, в самый раз перед вашим приездом, последние, кхм — «запасы» кончились.... Если ты понимаешь, о чем я?

Яромир посмотрел на Гришку, но тот лишь снова одобрительно кивнул на слова Извы.

— Опять..., - Яромир поднялся, тяжело выдохнул, поднял топор и большим пальцем проверил остроту лезвия. — опять кругом тайны и всё мне расхлёбывать. Как же я от этого устал...

Он вернулся к Гришке и сел рядом: и.

— Сейчас я пойду туда, — серьёзным тоном сказал Яромир и положил руку на голову Гришки. — и выбью из них всё, что только возможно. И за тебя отомщу! Ох, ещё как отомщу!

Гришка с большим трудом взял Яромира за руку и посмотрел в глаза.

Им и не требовалось слов, чтобы понять друг друга. Гришка полным холодного гнева взглядом умолял Яромира наказать всех виновных без капли жалости.

Яромир сжал руку Гришки в ответ и обратился к Изве:

— Ты же поможешь ему?

— А у меня теперь выбор есть? — ухмыльнулся старик. — Эти собаки мигом вынюхают, что я тебе помогал, а там и глазом не моргнёшь, как шкуру спустят, это они могут... Избавлюсь от дозорных, гонца в телегу, и тикать. Вот и все дела. Тебя-то, где искать, ежели каким-то чудом уцелеешь?

— Спросите меня в деревне Три дуба, что за Туманными топами. А если там не будет...

— А если там не будет, то положимся на судьбу! — перебил его Изва. — Боги помогут, то обязательно свидимся...

Гришка сильно сжал руку Яромира и что-то промычал.

— Береги себя. — Яромир встал, поправил берестняки, потуже подвязал штаны и закатал рукава рубахи. — Ну что, гой еси, брат! Гой еси и ты, Изва! Надеюсь, ещё свидимся. Теперь, время охоты на волков! И это... Ты укажи, в какую сторону до Крайней топать?

— Гой еси и тебе, богатырь славный! — Изва пожал Яромиру руку. — Тебе прямо и прямо. Дальше, я уверен, ты сам всё увидишь. Мимо точно не пройдёшь!

Яромир глубоко вздохнул, вышел из шатра и потуже затянул за собой полог.

Глава 15: «Какой же ты волк? Ты собака сутулая!»

Троицкие леса.

Места северные, дикие, поросшие непроходимым бурьяном и буреломом.

Люди совсем не жаловали эти края, потому и поселения вокруг купеческого города можно было пересчитать по пальцам.

Действительно, кто захочет жить на неплодородной, пронизанной корнями земле?

Разве что тот, кто желает скрыться подальше от лишних глаз, но и здесь ему придётся повстречаться с теми, кому человечинка приходится очень даже по вкусу...

Пока Яромир и Изва помогали Гришке, небо затянуло тучами, а лагерь погрузился в такую плотную темноту, что даже огоньки факелов казались лишь едва тлеющими лучинами.

Это обрадовало Яромира, ведь старик с детства учил его находить дорогу среди крошечной тьмы.

Ему хватило несколько мгновений, чтобы глаза начали различать едва уловимые силуэты лагерных построек.

Яромир дрожал.

От холодной ночи, от гнева, от обиды и от непривычного для него животного азарта.

Наступило время всем обидчикам держать перед ним ответ.

«Вдохнул, выдохнул и — вперёд!» — Яромир провёл свой своеобразный короткий ритуал, успокоил эмоции, сжал кулаки и скрылся за шатрами.

Воевода Руевит научил, что, будучи ведомым лишь чувствами, в бою не выжить, поэтому Яромира постарался сохранить рассудок холодным и расчетливым.

Он отправился на охоту, а в этом деле расслабляться было нельзя...

«Из лагеря вышло порядка шести десятков. Значит, здесь еще тридцать, — прорабатывал план побега Яромир, внимательно изучая расположение караульных. — «Половина спит, остальная на посту. Отлично, уйду быстро...»

Он опустил взгляд и почувствовал под рукой неприятную ткань засаленной рубахи.

«Нет, так не пойдёт... В таком виде долго не повоюешь.» — Яромир осторожно обошёл один из шатров, из которого доносился громкий храп недавно поменянного дозора. — «Сейчас снарядимся...»

Перед оружейной два воина с весьма сонным видом опирались на бердыши.

«Разве этих животных можно после всего ещё называть людьми? Да как вообще можно есть людей?» — промелькнуло в голове Яромира и холодная дрожь ненависти пробежала по спине. — «Что ж, теперь-то мои руки свободны, засратые нелюди...»

Яромир действовал бесшумно и безжалостно.

Будто кошка, подкравшись в темноте, быстрым движением полоснул лезвием по горлу первого и, перехватив топор за древко пониже, точным броском отправил его в голову второго.

Заточенное лезвие прошило шапку и череп, как тесак дыню, и стражник гулко рухнул на землю.

Яромир замер и прислушался.

Убедившись, что он не поставил всех на уши, затащил тела в оружейную и, прихватив факел, затянул за собой завязки полога.

Времени выбирать лучшее снаряжение из всего разнообразия, награбленного Серыми волками, у Яромира не было.

Брал всё, что попало под руку.

Плотная льняная рубаха? Сойдёт!

Поверх неё — мелкозвенная кольчуга? Лучше не придумаешь!

На штаны из выделанной кожи прекрасно подошли ножны для двух поясных ножей, а в идеально севшие сапоги вошли безупречно острые засапожные лезвия.

Довольный обновками Яромир уже собирался скрыться в лесу и начать преследование Кривжи, неприятное чувство злости и обиды заставило его задержаться.

"Негоже уходить не попрощавшись" — гневная искра блеснула в его глазах и он пошёл вдоль дозорной тропы, туша встречные факелы и отправляя на покой каждого попавшегося стражника.

"Теперь Изва и Гришка смогут спокойно уйти..."

Яромир стопами ощущал вмятины в мягкой земле от недавно прошедшего здесь отряда.

«Не нужно выслеживать — это хорошо... Они и не старались двигаться осторожно.» —

Яромир нахмурил брови и перешёл на размеренный бег.

Дорога до Крайней оказалась не близкой, но Яромир умел правильно дышать, что позволило ему сохранить силы перед встречей с головорезами Кривжи.

Когда Яромир всё же добрался до места, то увидел сквозь ветки деревьев зарево пожара. Уже во всю шёл бой и, по доносившимся звукам, деревенские не собирались так просто сдаваться.

Яромир остановился чтобы перевести дух.

«Теперь моя очередь лица портить...» — Яромир до хруста сжал рукоять топора, а холодный огонь ярости в его груди вспылал сильнее, чем горящие крыши деревенских домов. — «Нужно заполучить языка первым... Хватит с меня заговоров...»

Уже на подходе к деревне Яромир понял, что Крайняя совсем не ожидала визита названных гостей.

«Люди мирно спали, когда они нагрянули из леса.» — Яромир спешно осмотрел тела, лежащие вдоль дороги. — «Убивали и женщин, и детей, как звери... Не оставляют свидетелей.»

Впереди доносились крики и лязг стали.

Яромир побежал дальше.

В одном из домов распахнулась дверь и из него, с душераздирающим криком, вырвалась полуголая девушка.

За ней выкатился боец Серых, неуклюже пытаясь натянуть спущенные штаны.

При виде Яромира он оторопел, глаза округлились, и разжал руки, от чего штаны, всё-таки, упали на землю.

Короткое движение и поясной нож Яромира пробил горло насильника и вышел с другой стороны шеи. Бандит захрипел, закатил глаза и завалился на спину.

Яромир бесшумно подкрался к открытой двери и прислушался.

Изнутри доносились голоса еще как минимум двух человек, один из которых, громко топая, направлялся к выходу.

Мгновение и Яромир, на слух, рубанул топором из-за угла, глубоко вогнав лезвие в грудь воина, резко навалился на его тело и закатился внутрь.

Такого появления никто не ожидал, и замешкавшийся бандит тут же получил удар ногой и перевалился через стол.

Яромир же перескочил следом и быстро закончил начатое и огляделся.

В небольшой комнатке лежали изуродованные тела двух мужчин, женщины и трёх девочек.

Яромир, потрясенный такой жестокостью, несколько мгновений не мог отвести от них

взгляд.

Его трусило от злости, пальцы рук и ног оледенели, но медлить было нельзя.

С улицы продолжал доноситься лязг мечей и истошные людские крики, сливающиеся в один страшный звук — звук неизбежной смерти.

Яромир вышел из дома и побежал к центру деревни.

Мимо него потоком пронеслись сумевшие вырваться из волчьих лап жители деревни, на лицах которых читался только страх и ужас.

Яромир же всеми силами старался не поддаться царившему вокруг безумию и сохранить холодность и спокойствие. Он всем телом ощущал, что впереди его ждало нечто гораздо серьезнее...

«Да попадись уже хоть один Стальной...» — Яромир перескакивал через мешающиеся под ногами тела и глазами искал выживших воинов Сталь-града.

Но, попадались только Серые волки, с которыми Яромир расправлялся быстро и без раздумий.

Один за другим валялись наземь бандиты в черных кожаных доспехах, с застывшими на лицах гримасами удивления и ужаса от неожиданного появления, ещё недавно сидевшего у них на цепи, разъяренного богатыря.

К удивлению Яромира, Крайняя сумела собрать кое-какое ополчение, собравшееся на главной деревенской площади.

Мужики, кто во что успел снарядиться, из последних сил старались дать отпор захватчикам, отвлекая их от убегающих жен и детей.

Яромир понимал, что у одетых в рубахи и портки пахарей и козлодоев, с вилами в руках, не было ни единого шанса против подготовленных головорезов Кривжи.

Возле одного старенького дома Яромир заметил старика, умело отбивающегося острой от двух нападающих на него Серых.

Ранив одного, он вогнал лезвие по самое древко в грудь другого, замертво повалив его на землю, но, замешкавшись, сам пропустил удар по бедру.

Лишенный возможности двигаться, старик упал на колени.

Выживший бандит встал над стариком и занёс меч для удара.

— Какой же ты волк? Ты собака сутулая! Тьфу! — старик презрительно плюнул в лицо воину. — Ну, давай же! Секи, паскуда!

Бандит презрительно отёр оскалившееся лицо и замахнулся мечом, но тут же взвыл от боли, забрызгав старика кровью, фонтаном бьющую с того места, где только что находилась его рука.

Вторым точным ударом Яромир прекратил его мучения.

— Это ты хорошо подоспел... — прокряхтел пытающийся подняться на ноги старик. — Гой будь, кто бы ты ни был.

— Нет времени, отец, — Яромир помог ему сесть на скамью возле ограды. — Скажи, где Стальных найти?

— А-а, эти... — старик закашлялся и махнул рукой в сторону главной площади. — Прямо беги. Там сын мой, Нов... Детина дородная, смекнёшь с ходу. Кажешь, что от меня... Он поможет, поможет... Я же здесь посижу, дух переведу...

Яромир бросил на старика оценивающий взгляд, оторвал от рубахи мертвого бандита лоскут ткани и перетянул ногу старика, тем самым остановив кровь, струящуюся из бедра.

— Гой еси, отец! — Яромир пожал старику руку и побежал дальше.

Старик лишь слабо махнул ему в след и, выдохнув, оперся на забор.

Яромир выбежал на главную площадь Крайней.

Едкий дым от горящих надворных построек щипал глаза и драл горло.

С одной стороны, небольшую кучку деревенских мужиков в драных лохмотьях теснили к полыхающей баррикаде из наспех сваленных телег и бочек превосходившие силы Серых волков, возглавляемых Шерстью.

По другую сторону улицы проглядывалась черная шевелюра Патши. Его сопровождал добрый десяток воинов, лихо расправляющийся с едва оказывающими сопротивление остатками Сталь-градского дозора.

При виде ускользящего заклятого врага, Яромир бросился за ним, как с фланга Шерсти донёлся дикий рёв и хруст ломающихся костей.

Величественного вида воин возвысился над полем боя и грозно взмахнул окровавленным двуручным топором лесоруба.

«Значит, это Нов...» — Яромир замешкался. — «Патша или соратник?»

Выбор оказался очевидным.

Словно ураган, Яромир ворвался в ряды Серых, нанося быстрые и выверенные удары.

Он не щадил никого, стараясь убрать с дороги как можно больше Серых.

И его неожиданное появление сработало. В рядах отряда Шерсти поднялось смятение и их натиск заметно ослаб.

Один за другим бандиты замертво валились на землю, придавая деревенским сил и надежды.

— Херач! — громогласно скомандовал Нов и оставшееся ополчение перешло в наступление.

Только Шерсть не желал отступать.

Будто из ниоткуда он возник перед Новом и вонзил нож в спину стоящего рядом парня.

Шерсть оскалился и медленно вынул окровавленный клинок из тела.

Яромир не один раз видел занятия Серых волков и знал, на сколько быстро мог двигаться опытный бородач Шерсть. Нов хоть и превосходил его в росте и силе, но шансов один на один не имел никаких.

В глубине души даже Яромир побаивался встретиться с Шерстью лицом к лицу...

Нов в ярости бросился на Шерсть, но тот плавно ускользнул от рассекающего воздух лезвия и ответил коротким тычком острия в ногу.

Тонкая струйка крови потекла по бедру Нова. Шерсть расплылся в злорадной ухмылке, еще больше выводя здоровяка из себя.

Яромир пытался прорваться к Нову на помощь, но, то и дело, кто-то да вставал у него на пути.

Нов продолжал размахивать топором во все стороны, в надежде зацепить Шерсть, но тот лишь гарцевал вокруг, изматывая противника.

Как Яромир и думал, здоровяк быстро выдохся, задержал топор внизу, за что тут же поплатился.

Хлесткий удар в челюсть и Нов повалился на колени.

— Лихо пляшешь, — прохрипел Шерсть, поднимая топор Нова. — да больно неумело.

Еще мгновение и надежда Яромира на хоть какую-то подмогу канет в небытие.

Он поудобнее схватился за рукоять топора и метнул его в Шерсть.

Слишком тяжелая кожа на рукояти нарушила баланс, и снаряд угодил обухом прямоком

в лоб бородача.

И этого хватило.

От неожиданности и силы броска Шерсть откатился на несколько шагов.

Обхватив руками гудящую голову, он поднялся на ноги, но тут же получил кулаком в нос от подоспевшего Яромира и вновь повалился на землю.

— Что, шкура собачья, не ожидал? — пылко бросил Яромир, краем глаза поглядывая на поднимающегося Нова.

Шерсть закатился истерическим смехом и прошипел:

— Ха-ха! Пес Слав-городский! Стоило тебя сразу на суку вздёрнуть... Поглядел бы я, как атаман живьем сдирает шкуру, а ты ножками болтаешь, — Шерсть поднялся на ноги. — а кричать-то не можешь! Ха-ха! Так как языка-то уже и нету!

Яромир уловил едва заметное движение руки бородача за спиной и сгруппировался.

Лезвие вылетело мгновенно, оставило глубокий порез на плече и закончило полёт в шею одного из прихвостней Патши, подкрадывающегося сзади.

Яромир выхватил свой нож из-за пояса и ответил Шерсти тем же.

Клинок по самую рукоять вошел в грудь бородача. Он захрипел и упал на колени.

Краем уха Яромир уловил звук приближающихся шагов и выбросил удар.

— Ты ешо кто? — хриплым басом спросил Нов, поймав кулак Яромир своей огромной ладонью.

— Отец твой на подмогу отправил!

— Живой папка?!

Яромир подметил, как нижняя губа Нова задрожала.

— Коль не я, то был бы уже нет, — Яромир сделал на фразе глубокий акцент, окончателью переманив Нова на свою сторону. — Сказал, что только ты помочь можешь. Где главный у Сталь-градовцев?

— Погоди.

Нов оттолкнул Яромира и махнул топором, наповал повалив набросившегося на них бандита.

— Кончим тут сперва, — здоровяк махнул в сторону еще живого Шерсти, стоящего на коленях, истекающего кровью, но не спускающего с лица зловещего оскала. — Опосля будем лясы точить.

— Думаешь, хватит тебе силенок с ними совладать, щенок? Хе-хе! — Шерсть закашлялся кровью. — Эти волки тебе не по зубам. Ты будешь молить о цепи! Хе-хе!

— Бабка надвое сказала, — тихо прошептал ему на ухо Яромир и медленно потянул нож из груди.

Шерсть завопил от боли.

Яромир подобрал шапку Шерсти, вытер о неё клинок и небрежно натянул обратно на его голову.

— Передавай привет Чернобогу! — холодно закончил Яромир и кивнул Нову.

Широкое лезвие его топора с громким треском опустилось на голову Шерсти.

При виде кончины командира остатки бандитов бросились врассыпную.

Бой был выигран, но Яромир чувствовал, что главное сражение ждало впереди...

Он огляделся.

Ни Патши, ни Кривжы нигде не было видно, как и никого из оставшихся в живых Сталь-градских дозорных.

— Их главный был тут?! — Яромир крепко жжал широкою руку Нова.

Воин коротко кивнул:

— Я, получается, дважды тебе должен, — пробасил Нов. — Топай за мной.

Яромир подобрал топор, спрятал нож за спину. Нов прихватил с собой нескольких сельчан, и они всё вместе побежали вслед за Патшой.

По пути встретился небольшой отряд из пяти Серых, перегородивших дорогу.

— Мужики, плохо дело, — начал Нов. — Надо чтоб вы этих отвлекли, а мы с хлопцем дальше почешем. Времени с ними кувыркаться у нас нету. Осилите?

Мужики одобрительно кивнули и без лишних вопросов набросились на караульных.

Яромир с Новом перемахнули через забор и огородами двинулись к дальней окраине деревни.

На опушке леса стоял длинный пригон, сбоку которого нервно брыкалась лошадь.

Животное напугали истошные вопли, доносившиеся изнутри, а в стыках и проемах ветхой постройки проблескивали огоньки факелов.

Глаза Нова округлились, и он ткнул Яромира в плечо.

Дорога впереди, ярко освещенная лунным светом, оказалась усеяна трупами Стальградских бойцов.

«Лунный свет. Полная луна...» — с ужасом подумал Яромир. — «Полная задница...»

Надежды на успех практически не осталось, но и отступить уже было поздно.

— Стой, — Яромир придержал двинувшегося вперёд Нова. — Кажется вот-вот выйдут.

— Как железяки прискакали, — почти шепотом заговорил Нов. — то разместили мы ихних вожатых здесь, шоб люду доброму не докучали. Все за скотом вычистили, еды и браги в достатке..., даже Любку посылали, дабы в мире сидели. Эх, говорил папка, что от этих только худо будет...

— Как раз про худо! — Яромир ткнул рукоятью топора в плечо Нова и указал на пригон.

Из дверей вылетел толстый воин в разодранных Стальградских одеждах.

— Я вам все рассказал! Как на духу выложил! Пощадите, умоляю вас, пощадите! — пуская слюни и сопли, умолял толстяк, тщетно отирая кровавые подтёки с лица.

— Опоздали, — от обиды Яромир ударил кулаком по земле.

Глава 16: «Ну это просто праздник какой-то!»

Следом за ним, на свет, вышли Кривжа и Патша, с ног до головы испачканные в человеческой крови.

Издали и под яркой лунной их стало совсем не отличить от настоящих диких волков.

Кривжа подошел к рыдающему толстяку и, схватив его за волосы, поволок по земле к кромке леса.

— Какое мерзкое, отвратительное создание. От охоты на такого никакого удовольствия не будет. — Кривжа принялся. — Чуешь, чем пахнет? Что скажешь, брат? Нужно нам такое жирное, обгадившееся мясо?

Патша встал рядом с братом.

— И так узнали, что князю нужно... Убей его, чтоб скулить перестал и дело с концом.

Кривжа на мгновение замер.

По спине Яромира пробежали мурашки.

Сделав несколько глубоких вдохов, Кривжа резко развернулся в сторону, где прятались Яромир и Нов.

— Какой сладкий, вкусный запах... Чувствуешь, брат?

Патша втянул воздух и его звериные глаза расширились от удивления.

— Ты прав, — Кривжа ухмыльнулся. — теперь есть дичь поинтереснее!

— Пахнет молоденьким ягнёнком томлёным в бруснике...

— Да-а! Ты верно учуял! Сегодня у нас славич на закуску!

Нов вопросительно посмотрел на Яромира.

Тот лишь перевел взгляд на, предплечье, пораненное лезвием Шерсти, по которому тонкой струей бежала кровь.

Яромир грязно выругался.

— Не прячься, собачонка, покажись! — зарычал Кривжа. — И друга с собой возьми, все равно не убежать. Я твой запах за версту учую!

Выхода не было.

Нов ткнул Яромира в плечо, вырвав его из раздумий, и они медленно вышли на дорогу.

При виде Яромира Патша презрительно сморщился и вынул меч из ножен:

— Я был к тебе снисходителен, Яромир! Так ты отвечаешь на доброту?! Всё ведь могло закончиться по-другому!

— Что ты, что ты, брат?! — взмахнул руками Кривжа. — Этот день всё лучше и лучше... Прав ты был, когда говорил, что согдится еще славич на цепи! Вот, сейчас поохотимся, так поохотимся! Низкий поклон, ваша светлость, что ослушались!

— Чего эти хмыри толдычут?! — Нова нервничал, перекидывая свой двуручный топор с руки на руку. — Давай отхерачим их и дело с концом!

— Отпустите парня! — крикнул Яромир Кривже и Патше. — Не причем он! Всё только между нами!

— Мне вот больше интересно, — Кривжа сделал пару шагов вперед. — кто тебя щенка с поводка спустил? Неужели гонец... или бестолковый конюх?

— Да что ты! — подхватил Патша. — Рыжий как перепёлка подстрелен. Далеко не уйдёт! Догоним!

Толстяк, видя, что Кривжа и Патша отвлеклись на Яромира, попытался незаметно отползти в кусты.

— А ну, свинка, стоять! — Кривжа схватил вопящего «языка» за ногу и подтащил к себе. — Далеко собрался?!

Легким движением рук, с громким хрустом, голова толстяка сделала полный оборот.

Яромир тяжело вздохнул, что подметил Патша:

— О, так он тебе нужен был?! — пытливо спросил он, указывая на бездыханное тело Сталь-градовца. — Так все, извини. Хочешь знать, чего эта тушка нам поведала? Тогда спешу расстроить — это только для твоего братца...

Яромира передернуло. Раздражение поднялось к горлу и зажгло в груди.

— Пускай твой друже присоединяется к веселью! — Кривжа махнул рукой Нову. — Выкинь железяку, брат, разомнем косточки! Сам отец Волх на то благо даёт!

Кривжа сделал шаг назад, отстегнул доспехи и распустил волосы.

Патша, хоть и нехотя, но последовал его примеру.

Братья менялись на глазах, приведя в полнейший ужас Нова и даже немного нагнав жути на Яромира.

Тела увеличились в размерах. Густые гривы превратились в такую же густую шерсть. Руки и ноги обернулись огромными когтистыми лапами, а на месте лиц вытянулись

длинные волчьи пасти.

— Волколаки. — прошептал дрожащим голосом Нов, медленно отступая назад. — Ни серебра, ни огонь-воды... Надо люд спасать!

— Поздно дергаться, — Яромир одёрнул Нова за рукав. — Раньше надо было тикать. Теперь уже не удрать... Тварь сдохнет, если до сердца черного добратся! Другого шанса нет.

— Больно много ты о нас знаешь! — прорычал Патша.

— Мохнатые, блохастые любители вылизывать друг у друга под хвостом! — язвительно бросил Яромир. — много ли там знать...

Патша оскалился и зарычал.

— Быть веселью! — завопил Кривжа и оглушительно взвыл на луну.

Кривжа сорвался с места и стремительно набросился на Нова, но здоровяк среагировал быстро, подставил наверхие топора и перекинул летящего на него волколака через себя.

Кривжа прокатился по пыльной земле, оставив на ней длинные борозды от когтей, вскочил на все четыре лапы и прорычал:

— Теряю хватку... Нужно чаще переодеваться..., но мы это исправим! А сегодня, я сожру твоё лицо!

Волколаки медленно пошли по кругу, а Яромир и Нов встали спина к спине.

— Сама судьба сводит нас, — Патша подпрыгнул к Яромиру и тут же отскочил назад, едва успев ускользнуть от лезвия топора. — вот и выясним, кто же лучший! Не Верeya, то я б еще тогда с тобой разделался!

— И правильно, что ты с ней покончил! Поделом! — подхватил Кривжа. — Хоть она из тебя смогла настоящего волка сделать!

Ярость закипела внутри Яромира.

— Что ты с ней сделал? — неожиданно для самого себя Яромира перешёл на крик. — Что ты сделал?!

Патша не ответил, но в его звериных глазах Яромир отчетливо прочитал тоску и вину.

— Хватит сопли жевать! — зарычал на брата Кривжа. — Волк должен гордиться добычей, какой бы она не была!

— Убил, разорвал, растерзал! — от злости Патша тоже перешёл на рык. — и мать в придачу!

Боль холодом вонзилась в грудь, а ненависть огнём обожгла голову и руки Яромира.

«Верeya... милая, добрая девочка... Нет, он не мог! Он поплатится!»

— За что?! — Яромир до хруста костей и дерева сжал рукоять топора.

— Думаешь я хотел?! — Патша продолжал истошно рычать. — Я любил ее, слышишь, любил! На все ради неё...! Я к ней и так и эдак, но она ж от меня нос воротила! Налакался я, до беспамятства, Вассу умолял отдать Ве... её в жены, но ведь и она меня прогнала... Её прикрывала, а та от меня сбежать хотела... Но я все учуял! Никто не смеет насмехаться над сыном Волха! Слышишь?! Они сами разбудили зверя, за это и поплатились!

— Сожрал и сожрал шлэнду, — вмешался Кривжа, явно уставший от пустой болтовни. — не будет больше хвостом крутить! Делов-то! Не порть веселье причитаниями! Ты волк или дворняга?!

— Хорошая была девочка..., - грустно выдохнул Яромир. — В этот раз живым уйдет только один!

— И это явно будешь не ты! — взвыл Патша и оба волколака ринулись в атаку.

Яромир и Нов ничуть не уступали братьям-волколакам.

Нов лихо вертел большим топором, отражая все нападения Кривжи.

Яромир решил не прятаться в обороне, а с невиданной удалью полосовал волосатое тело Патши, довершая все это увесистыми ударами рук.

Он сразу приметил, как Патша неуклюже вёл себя в волчьем обличи: движения не отточенные, невероятно быстрые, но хаотичные и предсказуемые.

Вся его звериная сила ничего не значила, против набравшегося опыта и сил Яромира, умело парировавшего все нападки Патши.

Кривжа, видя, что Яромир заметно превосходит брата в мастерстве, решил действовать.

Мощным ударом он отбросил Нова на несколько шагов и тут же кинулся следом.

Здоровяк перекатился, сел и изготовил топор к нападению.

Широкое лезвие, под треск ломающихся костей, глубоко вошло в грудь Кривжи.

Он неистово взвыл, дёрнул лапами и бездыханно обмяк на древке.

— Сдохни, псина, сдохни! Знай, тебя одолел Нов — сын Ова!

Нов радостно воскликнул и встал на ноги, победоносно поднимая над головой тушу огромного волка.

— Только он тебе не сказал, — неожиданно, кроваво-красные зрачки Кривжи сверкнули в свете луны. — что у волколаков сердце справа!

Его острые когти вонзились в плечи Нова, лишив его всякой возможности на спасение.

От нестерпимой боли, Нов издал душераздирающий вопль.

Кривжа широко разинул пасть и засунул в неё голову здоровяка.

Щелчок зубов, треск костей и рвущейся плоти в мгновение заглушили крики Нова.

От увиденного, тело Яромира будто окаменело, от чего он тут же пропустил тяжелый удар Патши и откатился по земле на несколько шагов.

Кривжа, с ног до головы измазанный кровью Нова, поднялся на ноги.

Он с удовольствием перемалывал зубами голову Нова, так громко и пугающе хрустя костями, что даже на теле повидавшего всякое Яромира вздыбилась каждая волосинка.

Яромир видел, как из груди Кривжи всё ещё продолжало торчать лезвие двуручного топора Нова, и он не понимал, как волколак всё ещё оставался жив...

— А я его предупреждал, — прорычал Кривжа, выплюнув на землю оставшуюся кровавую кашу из неперемолотых костей и зубов. — Ну-ка, подсоби мне, брат.

Исполосованный Яромиром Патша подошёл к Кривже и, взявшись за древко, с треском костей выдернул лезвие из его груди.

Кривжа взвыл от боли и из оставшейся раны с напором хлынула черная, как деготь, кровь.

Он упал к телу Нова, вонзил в него лапы и принялся шарить по внутренностям.

— Говорил тебе, что нужно больше охотиться! — зарычал Кривжа на Патшу. — Ты только погляди на себя, стыдоба! Отмудохал какой-то человечиска! Еще волком себя называешь... Смотри за ним, чтоб не пытался убежать!

Но Яромир прекрасно понимал, что бежать ему было бесполезно. Он сидел на одном колене и старался продышаться перед предстоящим продолжением боя. Он чувствовал надвигающийся конец, но и стать легкой добычей для волколаков не собирался.

Кривжа протянул Патше ещё едва бьющееся сердце Нова:

— На, для храбрости, полезно! А эта печеночка — мне. Понюхай, какой аромат! Свежая, не пропитая... Ну это просто праздник какой-то!

Только Кривжа проглотил печень, как рана на его груди тут же стала быстро затягиваться.

— Что ж, Славич, твоя очередь! Больно уж прыткий, — прорычал Кривжа и злобно сверкнул на Яромира кровавыми глазами.

И вновь волколаки закружили вокруг Яромира.

Первым атаковал Патша.

Яромир отбил выпад, но сразу получил размашистый удар от Кривжи с другой стороны.

Полоснув того в ответ, сзади уже прилетело от Патши.

И так удар за ударом.

Поначалу хоть как-то спасала кольчуга, но уже через несколько мгновений ее звенья стали разлетаться в разные стороны, открывая тело для острых, как бритва, когтей.

Яромира рвали, швыряли, били о землю, но, даже истекая кровью, он раз за разом поднимался и пытался атаковать в ответ.

Последний пропущенный удар и Яромир повалился на землю.

На его теле, на вид, невозможно было найти целых мест. Большинство костей и ребер сломаны, а из глубоких ран рекой лилась славная кровь.

— Чувствуешь конец, богатырь?! — над ухом зарычал Кривжа. — Когда я вернусь в лагерь, я обглодаю тебя на глазах у Рыжего и Извы, чтобы они видели, что бывает, если что-то делается вопреки мне. Затем сожру гонца, живьем, кусочек за кусочком, чтобы всё видел и чуял! А старика обглодает стая, чтоб другим неповадно было!

Он поднял Яромира за волосы и, принявшись, облизал его лицо.

— Попробуй, брат! Чем не вино?! Даже сравнить не с чем! — Кривжа зло посмотрел на стоящего рядом Патшу. — Я сказал — попробуй!

Повинуясь брату, Патша также облизал истекающее кровью лицо Яромира.

— Ну, что скажешь?

— Ты прав брат.... Совершенно невероятный вкус, — ответил облизывающийся Патша.

— То-то! А может не будем его убивать? Будет вместо бочонка медовухи... Нет! Убей его ты, брат! Кровавая месть! Докажи, что ты достоин быть волком!

Кривжа бросил Яромира к лапам Патши.

— Плохое у меня предчувствие, брат. Я хочу, но нутром чую, что нельзя его убивать... — замялся Патша.

Кривжа зарычал и набросился на брата, стиснув его шею мощными липами, от чего тот захрипел:

— Я приказал — убей его или тебе не будет больше места в стае!

Патша понятиливо кивнул и Кривжа его отпустил.

— Тихо, ты слышишь? — прислушиваясь к лесу, спросил Кривжа.

Неожиданно со стороны леса раздался пронзительный рев и на поляну выкатился огромный медведь, покрытый серой шерстью.

Кривжа было бросился на него, но медведь ударом лапы отбросил волколака в обратном направлении и, издав такой же громогласный рык, скрылся во тьме леса.

— Это еще кто такой? — воскликнул ошарашенный Патша.

— Сейчас и выясним! Вот так и охота! У-у-у! — взвыл, явно раззадоренный, неизвестным гостем Кривжа. — А ты добей сопляка и дуй за мной! Тут что-то важнее, гораздо важнее!

Кривжа, взыв, во весь дух устремился в лес за медведем.

Появление неожиданного гостя, позволило Яромиру перевести дух.

Гнев настолько сильно заполонил его нутро, что он на какое-то время перестал чувствовать боль и, собрав оставшиеся силы, встал на колени.

Тем временем к нему вернулся Патша:

— Видит Волх — отец наш, не хотел я этого, Яромир, но выбора нет. Всё из-за неё... Рыжая бесовка! Ты был достойным противником... Прощай.

Патша замахнулся и опустил когтистую лапу на голову Яромира, но тут же громко взвыл.

Засапожный клинок, незаметно приготовленный Яромиром, насквозь прошил ладонь волколака.

Не теряя драгоценных мгновений, Яромир, чудом висевшим на месте поясным ножом, перерезал сухожилия на ноге Патши, безуспешно пытающегося вытащить маленький ножичек из кровоточащей лапы огромными когтями.

Патша взвыл.

Яромир навалился всем телом и повалил его на землю, перекатился, оглушил ударом здоровой ноги в челюсть и, хлестким движением лезвия, лишил волколака левой лапы.

Патша заскулил и попытался оттолкнуться от Яромира, но тот уже был готов к этому.

Оказавшись за спиной скулящего волка, Яромир вспомнил про сердце и вонзил клинок прямоком в правую часть волчьей груди.

Патша пыхтел, старался завывать, позвать брата на помощь, но Яромир сразу же захватил его шею, лишив всех надежд на спасение.

Сейчас они стояли точно так же, как в ночь свадьбы Ерёмы в Трёх дубах, только, волей судьбы, поменялись ролями.

— Помнишь ту ночь? — с трудом заговорил Яромир, изо всех сил сдавливающий шею хрипящего Патши. — Чую, что помнишь! Так и я ничего не забыл...: «я — твой самый страшный кошмар! И ты сдохнешь, как трусливая собака!» Вот она — долгожданная месть!

Яромир продолжал все сильнее и сильнее сжимать руки.

Патша бился в конвульсиях, безуспешно пытаясь освободиться.

Но даже сейчас в его глазах Яромир не увидел страха — они оказались полны злости, обиды, боли и тоски...

— Ты убил её. — сквозь зубы прошипел Яромир. — Хорошую, добрую девочку. За это ты и умрешь!

Яромир еще сильнее сдавил волосатую шею Патши.

Он уже не помнил себя от захлестнувшей ярости, лишь только чувствовал, что с каждым мигмом она придает ему невиданную силу.

Глаза Патши налились кровью, а попытки освободиться становились слабее с каждой натугой.

— Я ничего не забыл! — прохрипел Яромир. — Сейчас ты сдохнешь! Я оторву твою тупую башку! Без имени, без рода, без семьи! В грязной пыли! Как помойная собака!

Последнее напряжение и голова Патши, с громким треском костей и рвущихся тканей, отделилась от тела.

Фонтан черной, как смоль, крови с ног до головы залил Яромира и землю вокруг.

Яромир презрительно отбросил оторванную голову в сторону, упал на колени и закалялся, стараясь перевести дыхание.

«Нужной уходить... на второго меня уже не хватит...»

Яромир из несколько раз упал, но все же сумел поднялся на ноги.

Выдернув нож из продолжающего истекать черной кровью тела Патши, Яромир, еле волоча сломанную ногу, стиснул зубы и побрел в сторону пригона, откуда доносилось громкое лошадиное ржание.

Яромир, кое-как забравшись на коня, смог обрезать привязанные к пряслу вожжи и крепко поставить ноги в стремяна.

Напуганный смрадом звериной крови скакун рванул с места и понёс обмякшего богатыря в противоположном направлении от продолжающей полыхать деревни Крайней.

Последнее, что Яромир слышал до того, как потерял сознание, был разносящийся эхом по округе, истощный, полный злости и безграничной печали волчий вой.

Глава 17: «Предпочитаю знать, с кем имею дело.»

Лошадь гнала что есть мочи, оставляя Крайнюю все дальше и дальше позади.

Режущая боль в рваных ранах от холодного ветра и частое дыхание обезумевшего от ужаса и запаха крови скакуна не позволяли Яромиру окончательно погрузиться в сон.

Хотя, он то и дело стремился провалиться в пустоту небытия.

Из-за заплывших и слипшихся глаз что-то рассмотреть оказалось совсем невозможным, да и сил это исправить уже совсем не было, поэтому Яромир полностью положился на несущего его животного.

«Будь что будет... Неужели это конец...?»

Неожиданная яма на дороге и лошадь споткнулась, сбросив Яромира со спины. Он кубарем покатился по мокрой холодной траве.

От резкой, нестерпимой боли ломающихся костей Яромир потерял сознание.

Но он не умер...

Яромира вернуло в чувства жгучая режущая боль.

Казалось, что его хотят разорвать на части.

Руки и ноги с громким хрустом вытянулись, затрещал позвоночник и зазвенело в ушах.

Хотелось вопить от боли, но получилось только едва слышно выдавить слабое мычание..., и всё так же внезапно прекратилось, как и началось.

Невыносимые муки сменились обжигающе приятным теплом, охватившим всё тело.

Яромиру больше не было страшно.

Он почувствовал необыкновенный покой и ощущение полёта, после чего его тут же окутали объятия сна.

— Балда, крепче держи! — Ерёма больно стукнул брата в плечо. — Сам будешь потом землей на зубах скрипеть!

— Не бухти! — фыркнул в ответ Ермола, едва удержав выскользнувшую из рук медовую рамку и осторожно срезая соты в корзину. — За двором смотри, а я за себя и сам знаю!

— Вот и шевели руками шустрее! Пасечник хоть и укушался медовухой, но ежели собаки учуют, точно от Рознеговой плётки не отвертимся.

— Ох, ну ты и трухля, братка... — покачал головой Ермола, вскрывая следующую летку. — Был бы у нас батька, дак он со стыда бы сгорел, видя, что от него уродилось!

— Дотрепался! — Ерёма снова ударил брата, на что тот в ответ только рассмеялся.

— Зря мы это так... — Ерёма осторожно высунул голову из погребка, вглядываясь в темноту. — Не хорошо это.

На пасеке всё оставалось так же тихо. Все её обитатели продолжали мирно спать.

— Поделом ему, жадобе! — довольный Ермола слизал мёд с пальцев. — Дак, мы же его просили?

— Ну просили...

— Как человека просили?

— Ну да-да, к чему опять это всё?

— Гнусный скаредник! Зажадобил всего одну единственную рамку видите ли... Причём для детей!

— Так он же загузынится, как заметит. Тут же к старшине прискачет!

— Пусть хоть к самому князю скачет и пред ним челом бьёт! Пока не доказано — наплевать, что сказано!

— И всё же... — Ерёма недовольно сморщил нос и почесал затылок. — Честным хочется оставаться... Купить или, на худой конец, выменять.

— На какие шиши?! — Ермола обрезал последнюю рамку. — Много ты чего нашёл в этот круг? Хорошо торговалось?

— Поганая война, будь она неладна... — Ерёма потупил взгляд и вылез на улицу.

— Вот и я о том же! Поэтому, пока снова купцы не поехали, на, держи крепче и не причитай. — Ермола протянул брату корзину, уложил пустые рамки в летки и плотно закрыл крышки. — Или нам теперь детей голодом оставить?! А у этого не убудет. Ты погляди, полные закрома мёда! Не обеднеет...

Ерёма протянул руку брату.

Ермола принял помощь и тихо закрыл за собой крышку погребка.

Мертвецкую тишину нарушило слабое лошадиное ржание.

От неожиданности братья взъерошились и покрылись ознобом, а Ерёма выпустил корзину из рук, за что получил увесистую затрещину от Ермолы.

Братья замерли в ожидании собачьего лая, но, к их большому удивлению, его не последовало.

— Принесла нелёгкая! — смачно сплюнул Ермола, всматриваясь в очертания лошади, полностью замаранной в запекшейся крови. — Чего это там на ней?

— Кажись, мясо... — Ерёма одернул брата за опоясок. — Ну его, пошли скорее домой!

— Ага, домой... Пошли, глянем, — настоял Ермола и осторожно направился в сторону лошади. — Мертвому цапки не к лицу!

— Не к добру это, — пробурчал под нос Ерёма и пошёл вслед за братом. — Ох, не к добру...

К удивлению Ермолы, скакун не убежал, а продолжал нетерпеливо переминаться с ноги на ногу, будто ожидая, когда уже они к нему подойдут.

Братья осторожно приблизились к животному и смогли получше осмотреть его ношу.

Большого труда им стоило оттянуть от тела лошади прилипшего к нему всадника. Ермола усадил его прямо и похлопал по карманам.

— Гол, как сокол, — с досадой заключил он. — Любо знать, кто ж так хлопчика отмутил?

— Что-то рожа больно знакомая... — Ерёма приблизился поближе и внимательно всмотрелся в освещенное яркими лунными лучами расквашенное лицо всадника. — Ты сам-

то присмотрись, никого не напоминает?

Ермола поближе подтянул тело к себе и мгновение спустя, в ужасе от него отпрянул.

— Яромир? — неуверенно пробурчал Ермола.

— Быть того не может! И взаправду — наш богатырь! — Ерёма перетянул тело к себе и прислонился к груди. — Сердечко-то бьётся и ещё дышит! Слабо правда, совсем слабо...

— Хвала Живе, дышит!

— Потасили его скорее к знахарке этой, Добромиловской. Авось, ещё поможет!

Ермола хотел было взяться за поводья, но к своему удивлению не обнаружил на скакуне никакой сбруи.

— И как прикажешь тебя вести? Прутом погонять?

Лошадь громко зашлепала губами, стеганула Ермолу по затылку хвостом и самостоятельно направилась в сторону Трёх дубов.

Обиженный Ермола и повеселевший Ерёма побрели за ней следом, не забыв прихватить корзину с добытыми медовыми сотами.

Яромир очнулся на мягком лежаке, окутанный дурманящим запахом малины и шиповника.

«Такое уже было... Нужно держать ухо остро!»

Он попытался подняться, но тело на отрез отказывалось слушаться и всё что у него получилось — громко протяжно закричать.

— Наконец-то, проснулся. — откуда-то из угла ответил на копошение Яромира приятный женский голос. — Ты лежи, лежи. Рано тебе еще вставать.

— Пить..., - с трудом прошептал Яромир.

Женщина положила мокрую ткань на его губы, и прохладная влага заструилась в рот Яромира.

Он жадно глотал воду, но женщина очень быстро её убрала, на что Яромир ответил недовольным мычанием.

— Много нельзя. — твердо заявила она. — Всего понемногу!

— Где...? — через боль прохрипел Яромир.

— Дома, — нежно ответила ему женщина. — Ты молчи и силы копи. У нас впереди ещё очень много времени. Наговоримся...

Яромир чувствовал в её голосе спокойствие и заботу. Только что охватившая его тревожность в миг улетучилась.

«Да и какой у меня выбор? Будь, что будет...»

Силы быстро оставили Яромира. Он медленно закрыл глаз и погрузился в сон.

Долгое время он пролежал так: не в состоянии сделать самых малейших движений, с ног да головы перемотанный повязками с травяными припарками и мазями, без возможности встать, самостоятельно поесть и справить нужду.

Благо, девушка, — а незнакомкой оказалась именно девушка, — твердо решила выходить его.

Дважды в день перевязывала, с ложки кормила Яромира кашами, бульонами и отварами. Даже тряпки под ним меняла, не морщась, лишь изредка отпуская безобидные шутки, от чего Яромир наливался краской, отворачивался и подолгу не мог на неё смотреть.

Стыдился...

Яромира поразило такое отношение к себе.

Она не жалела его и не нянчилась, как это делают большинство других женщин со своими мужчинами, а всегда оставалась твердой и сосредоточенной, но он каждый раз всем телом ощущал весь трепет, с которым она снимала окровавленные тряпки и едва уловимую дрожь, когда она промывала его раны отваром из подорожника и накладывала травяные мази.

И нет, как раз-таки внешне она сохраняла полное спокойствие и её руки прекрасно знали свою работу. Она дрожала внутри. Яромир это прекрасно чувствовал. Он улавливал это в её глазах и прерывистом дыхании.

Тоже самое ощущал и он сам, каждый раз вспоминая рыжеволосую, зеленоглазую Верю. Бедная, невинная девочка...

Только теперь из его мыслей никак не выходила прекрасная знахарка.

Без толики стеснения она позволяла себе ходить по избе совершенно нагой, не обращая никакого внимания на во все глаза таращащегося на неё и до крови закусывающего губу богатыря.

Со временем Яромир понял, что его восхищение и желание доставляло ей своеобразное удовольствие. Она играла с ним и это ему одновременно и нравилось, и невероятно раздражало.

Яромир же и правда не мог отвести взгляд от её загорелой кожи, которой бы позавидовала добрая половина девушек из Слав-городского переулка Белого шипоцвета — прославленного необычайной красотой местных блудниц.

Не сосчитать, сколько раз Яромиру приходилось буквально за шкуру вытаскивать оттуда Гришку.

Но больше всего её отличали далеко не налитая грудь и манящие бедра, таких много, куда ни глянь, а слегка вьющиеся по плечам каштановые волосы, всегда безупречно чистые, игриво переливающиеся в свете многочисленных свечей.

Ни у одной из благородных боярынь не встретить таких роскошных локонов, чего уж говорить о деревенских простушках.

Он так полюбил наблюдать за тем, с каким трепетом она относится к своим прекрасным волосам, что сам не заметил, как каждый день начал с нетерпением ждать, когда уже наступит вечер и она снова возьмет гребень в руки...

Да и сам он начал ловить себя на мысли, что больно люба ему стала эта черноглазая незнакомка.

Под чутким присмотром и уходом прекрасной знахарки, Яромир медленно, но уверенно поправлялся. Его раны оказались настолько серьезными, что только через полторы недели он начал понемногу разговаривать, а к концу третьей уже мог самостоятельно держать ложку.

В один из вечеров, вернувшись из бани, знахарка, как обычно делая вид, что не замечает Яромира, скинула на пороге полотенце, проплыла по комнате и села расчесывать волосы напротив печи, наблюдая за огоньками, игриво пляшущими за заслонкой.

Она так погрузилась в мысли, что и не услышала, как за её спиной Яромир осторожно сел на край лежака.

Только сейчас он впервые смог по нормальному оглядеться, но от увиденного неприятно затянуло под лопаткой.

Внутреннее убранство избы до боли напоминало старенькую избышку болотной ведьмы, только всё выглядело совершенно новым.

Даже в воздухе витал такой же терпкий запах шиповника, идеально дополненный ароматом спелой малины, вызывающий у Яромира внутри странное чувство пробуждающихся низменных желаний и нарастающей тревоги.

Он некоторое время наблюдал за девушкой, после чего все-таки решил нарушить молчание:

— Любо-дорого тобой любоваться...

От неожиданности девушка подскочила на месте и выронила гребень из рук:

— Больше так никогда не делай! — сквозь зубы прошипела она, гневно свела брови и пригрозила Яромиру пальцем. — Понял меня?!

Яромир слабо улыбнулся и покорно кивнул.

Она быстро подхватила гребень, подошла к шкафу и достала из него чистую шелковую сорочку — невероятнейшую роскошь, даже для богатых боярских жен.

— Не бранись, краса. — Яромир постарался сделать голос, от которого, по словам Гришки, были без ума все Слав-городские девицы. — Не к лицу тебе...

— Можешь не стараться, — знахарка подошла к Яромиру и приложила указательный палец к его губам. — Твои чары надо мной не властны.

Яромир осторожно взял её руку:

— Спасибо тебе... — он приложил её ладонь к губам. — За всё.

— Ещё отблагодаришь, — девушка улыбнулась и уже сама потянула Яромира за руку. — Коли уже хвостом крутишь, значит почти здоров. Попробуй встать.

Яромир чувствовал, как дрожат ноги и как ослабли его мышцы, но с помощью знахарки он поднялся, выпрямился и сделал пару шагов.

— Хорошо, очень хорошо. — сухо заключила девушка, усаживая Яромира обратно на лежак. — Нужно не забыть с утра напомнить близнецам про ходуны...

— Кто такие?

— Оболдуи, — усмехнулась знахарка и отошла к стойке с травами. — но толковые. Один хвосты крутит, другой сапоги шьёт. Приволокли тебя, буквально умоляли на ноги поставить. Ну как же я могла устоять, перед таким вызовом.

Яромир заерзал на месте и по коже пробежали мурашки:

— У одного из них во лбу подкова сияет? — от волнения Яромир сдвинул край лежака до побелевших костяшек.

— Ещё как сияет! — усмехнулась знахарка. — Ермола — мнит себя важной птицей, но на деле — обычный недотёпа! Брат его — куда смышленей уродился.

— Из огня, да в полымя... — пробурчал под нос Яромир, уставившись в пол и закусив губу. — Как же меня в Три дуба-то занесло?!

— Судьба значит, богатырь. — девушка, открыла бутылёк и вылила его содержимое в чарку, куда только что бросила лечебные травы. — Что предрешиено, от того не отвертишься...

— Братья не говорили, как я к ним попал?

— Они много чего говорили, но как я поняла, то тебя кровавый конь привёз.

— Почти ничего не помню...

Виски Яромира больно сдавило, от чего ему пришлось закрыть голову руками.

Знахарка подошла к двери, сняла с крючка сумку, достала оттуда корешок и протянула

его Яромиру:

— Прожуй, поможет.

Яромир почувствовал сильный запах горной валерианы и поспешил забросить его в рот. От целебного корня головная боль в мгновение отступила.

— У тебя от всего есть средство?

Яромир поднял голову и увидел в руках у знахарки сумку травника, украшенную черным солнцем. По его спине вновь пробежали мурашки:

— Знакомая вещица.

— Зачарованная сумка, — девушка пожалала плечами. — самая обыкновенная.

— Так спокойно говоришь, как будто колдовские приبلуды встречаются на каждом углу.

— В целом — да! И не поверишь, — девушка расплылась в ехидной улыбке. — но как раз именно эта, буквально, валялась под ногами.

— Знаешь чья?

— Когда-то принадлежала кому-то из чёрных. Вероятно — ворожею, но я бы сказала, что ворожее. С чего такое любопытство?

Яромира насторожил спокойный тон девушки:

— Предпочитаю знать, с кем имею дело.

— Глупо меня подозревать. — знахарка положила сумку на стол и продолжила давить траву в чарке. — Стала бы я тебе зад подтирать, коли навредить хотела?

Яромир залился краской и поспешил отвести от неё взгляд.

— То-то! На! Для ран. — девушка протянула Яромиру чарку с лечебной смесью. — Чего-то ты темнишь.

Жизнь научила Яромира, как пить разные отвары и настойки, поэтому, задержав дыхание, он залпом осушил чарку.

— Ф-фе! Дрянь. — проворчал Яромир, едва сдерживая рвотный рефлекс — Старуха варила точно такую же...

— Так ты знал её?!

Девушка, как обычно, старалась держаться уверенно, но Яромир почувствовал исходившее от неё сильное волнение.

— Знал, — Яромир протянул ей пустую посудину. — так же, как и не знал. Однажды, она, как и ты, спасла меня, а затем использовала... И сумка это — её.

— В её духе! — девушка нарочито громко поставила чарку на стол и всмотрелась в черное солнце на сумке. — Помню... Она никогда в жизни не расставалась с ней... Не знаешь, что с ней случилось?

— С бабкой-то?

Девушка утвердительно кивнула.

— Надеюсь, что провалилась пропадом... Вместе со своим облезлым котом!

— Она была моей бабушкой. — перебила Яромира знахарка

Яромир приподнял бровь:

— Она говорила, что все дети её покинули.

— Это она нас бросила! — знахарка швырнула сумку на стол, быстро подошла к лежаку и села рядом с Яромиром. — Тогда и сейчас, снова!

— Что здесь происходит? Кто она такая, и ты кто такая?

Девушка сжала губы и долгое время смотрела в пол.

Недоумевающий Яромир же просто наблюдал и видел по выражению её лица, как в ней идёт внутренняя борьба.

— Ядвига. — неожиданно резко нарушила молчание знахарка. — Меня зовут — Ядвига...

Ядвига подошла к столу, дрожащими руками вынула из сумки травы и нервно бросила их в огонь печи.

— Чувствую, что тебе я могу довериться... — Ядвига взяла Яромира за руки и помогла встать. — Проще будет показать.

Из окна шестака повалили клубы дыма и в несколько мгновений заполнили все пространство избы.

Глава 18: «Будь осторожен, мой богатырь...»

Ядвига стояла рядом крепко сжимала Яромира за руку.

— Что это за колдовство такое? — взволновался Яромир, когда из дыма начали проявляться очертания каменных теремов. — Старуха делала тоже самое!

— Быль-трава. — Ядвига махнула рукой и дым начал рассеиваться, предавая камню белый цвет. — Бабушка научила. Позволяет видеть прошлое.

— А есть трава, что будущее показывает?

— Глупый. — усмехнулась Ядвига. — Будущее открыто лишь Гамаюн, но заплатишь за него ты слишком большую цену. Смотри...

Яромира и Ядвигу окружили широкие людные улицы и терема, сплошь выложенные идеально ровным белым камнем.

— Где мы? — изумленный Яромир вертел головой по сторонам.

— Бел-город. — с легкой улыбкой ответила Ядвига. — Вот гляди — это я.

Она указала пальцем на маленькую девочку в белом платье, пробирающуюся между людьми по ступеням исполинских размеров белокаменного здания, которых Яромиру не доводилось видеть даже в Слав-городе.

— Что это за хоромы такие? — восхитился Яромир, указывая пальцем на величественное строение.

— Дворец Бел-городского совета. У вас правит князь, там — совет. По-вашему — бояре. Избранные простым народом двенадцать лиц знатных родов. Добродетель, власть и закон, как говорили они и чем должны были являться...

Перед массивными воротами дворца стояла красивая черноволосая девушка, чертами сильно напоминавшую ту Ядвигу, что продолжала сжимать руку Яромира.

Девочка подбежала к девушке и та, гневно сведя брови, одернула её за руку, смочила палец слюной, нервно стерла грязь со щёк, после чего поволокла её вслед за людьми внутрь дворца.

— Мама. — жестко и холодно протянула Ядвига, на глазах которой заблестели слёзы.

Ядвига махнула рукой, дым за клубился, и обстановка вокруг сменилась.

Каменные избы сменились высоким сосняком, едва освещенным редкими, едва пробивающимися через кроны солнечными лучами.

Девочка, с венком ромашек на голове, прыгала по невысокой траве вокруг красивой женщины, собиравшей зверобой в кожаную сумку, на которой Яромир сразу же разглядел вышитое Черное солнце. Он признал и старуху, только ещё молодую и совсем не скрюченную:

— Твоя бабушка? — он склонился над ухом Ядвиги, опасаясь привлечь внимание женщины.

— Можешь говорить свободно, — улыбнулась она в ответ. — Быль-трава только показывает, так что они нас не видят и не слышат. Бабушка, бабушка... Не такой, наверное, ты её застал?

— Совсем не такой. Старая, морщинистая, с топорщащимися во все стороны волосами.

— Как видишь, в своё время бабушка отличалась необычайной красотой. Она тогда врачевала при городском совете и меня премудрости этой обучала, чему матушка страсть, как противилась. Сейчас, например, я в очередной раз тайком сбежала, чтобы с бабушкой походить по лесу и травки разные пособирать, да поучиться. Я всегда это сильно любила. — голос Ядвиги слегка задрожал. — Добрая она была. Никогда не бранилась, голос не повышала, пальцем не трогала, не то, что мать...

По щеке Ядвиги покатила слеза, которую она быстро смахнула. Следом завертелось и всё вокруг.

Сейчас они стояли посреди большого зала, в котором, как понял Яромир по ломившемуся от питья и яств огромном столе в форме подковы, в самом разгаре проходил пир.

— В этот миг вся наша жизнь изменилась. — Ядвига указала пальцем на вошедшую в зал бабушку, одетую в черную облегающую тунику. — Рыбаки привезли с Западных рубежей неизвестную хворь, и бабушка хотела её изучить, но совет боялся, что эта зараза проникнет в город и настрого запретил ей любые попытки вмешиваться. Вот только люди и скот в деревнях умирали, и она просто не могла бездействовать. Сейчас, она в очередной пришла требовать разрешение, но в ответ получила вот это...

Всем своим видом излучающая серьезность намерений женщина проплыла по мощенному мозаикой полу и остановилась между частями столов, чтобы всем из присутствующих двенадцати членов совета было хорошо её видно и слышно.

— Как же она прекрасна... — едва слышно прошептал замороженный Яромир.

— В этом-то вся и беда. — мрачно продолжила Ядвига и ещё крепче сжала руку Яромира.

Женщина на повышенных тонах излагала требования и доводы, но, чтобы она не говорила, никто её не слушал.

Напряжение между присутствующими стремительно росло.

Среди запаха вина, пива и медовухи Яромир почувствовал исходившую от мужчин вонь злости, недовольства и животного желания.

Кто-то один грубо заткнул женщину. Другой кинул призыв.

Двое, что сидели по края, встали из-за стола и плотно затворили двери зала.

Напуганная женщина попыталась убежать, но высокий мужчина перепрыгнул через стол, поймал её за волосы и повалил на пол.

Она пыталась закричать, позвать на помощь, но увесистая пощечина заставила её замолчать.

Двое из членов совета сорвали с неё тунику. Кто-то затыкал ей рот. Остальные же под злорадствующий смех обступили её вокруг.

— Так выглядят настоящие добродетель, власть и закон! — Ядвига залилась слезами, прижалась к Яромиру и дым вновь завертелся, стараясь быстрее скрыть то, что следовало далее.

Яромир ощущал дрожь Ядвиги и всю её боль. Он обнял её и позволил выплакаться. Она сейчас в этом нуждалась.

— Спасибо... — тихо прошептала Ядвига и отёрла тыльной стороной ладони ещё влажные от слёз щеки. — Что может хрупкая женщина, против толпы мужчин? Вот тебе и сила красоты... Но, она не стерпела такое унижение!

Дым медленно перестал клубиться и сложился в небольшую мрачную комнату, обставленную шкапами, забитыми бутылками, сушеными травами и ингредиентами для всевозможных эликсиров.

Бабушка Ядвиги стояла возле кипящего котла, заговаривала травы и бросала их в воду.

Яромир разглядел зверобой и пустырник, учуял душицу и ещё несколько запахов, которые не были ему известны.

— Она неистово желала им страданий... — продолжала Ядвига. — Этим отваром и наложенным проклятием она по очереди лишила их самого дорогого — мужской силы и возможности продолжения рода.

— Но ведь у них же были дети?

— Были, конечно, да что толку? Никто их них никогда больше не сможет породить что-то живое. Род каждого из двенадцати можно было считать изведенным. Представь, каково им было, когда в попытках возлежать с женщиной чресла каждого из них никак не отзывались...

Ядвига злорадно засмеялась.

— Она же явно знала, что за ней придут?

— Поэтому, — Ядвига махнула рукой. — не дожидаясь ответных действий, бабушка пришла к матушке.

Они перенеслись в каменную избу, где перед Яромиром, сидя на краю кровати, плакала мать Ядвиги, закрыв лицо руками. Бабушка же стояла перед ней на коленях, обнимала маленькую Ядвигу и пыталась успокоить дочь.

— Она предложила убежать с ней, на юго-восток, поселиться в отдаленной деревеньке и жить себе спокойно, где нас никто не будет знать и точно не станет искать. Начать всё сначала.

— Почему она не согласилась?

— Тогда мама призналась, что к ней ходил тот из совета, который сиганул через стол... Я всё помню! — Ядвига плюнула в сторону матери. — Он возлежал с ней, пока мать заставляла меня прятаться под одеялом за стенкой. Предлагал ей горы злата и моря роскоши, а она, дура, уши развесила и верила каждому слову. Матушка прекрасно понимала, что теперь нам всем прямая дорога на костер. В Бел-городе с ведьмами разбирались быстро, пусть даже до этого она спасёт хоть сотню жизней. Вот только мать оставалась непреклонной.

Девушка оттолкнула женщину и силой вырвала девочку из её объятий.

— Бабушка говорила, что у меня божий дар к целительству. Видно, не ошиблась... — Ядвига улыбнулась и вытерла очередную слезу.

Девушка бросила девочку на кровать и вытолкала заплаканную женщину на улицу, захлопнув дверь перед её лицом.

Ядвига закрутила дым.

— Матушка выставила её за дверь и, на следующее утро, мы уже бежали в сторону Темноводья, в Солнечногорск. В пути, на Синем перевале, нам встретились два бродячих

купца, которые поведали, что в Бел-городе, на позорной площади, без какого-либо справедливого суда сожгли всех известных блудниц, объявив их ведьмами, а за бабушку назначили самую высочайшую награду. Ты уже, наверное, утомился?

— Утомился, но хочу увидеть всё, до самого конца.

— Тогда смотри.

Дым пожелтел и осыпался на пол, превратившись в песок, а над головой загорелся яркий, обжигающий солнечный диск.

На этот раз они стояли на безлюдной торговой площади с пустующими торговыми прилавками, расположившейся среди однотипных, невысоких, квадратных строений, которые, на вид, буквально вырезали в самой земле, а на горизонте виднелись высокие песчаные барханы, блестящие в солнечных лучах.

Яромир привык к речному песку, но что его могут быть целые моря — для него оказалось в диковину.

— Солнечногорск, — уточнила Ядвига, — край соли и песка, дом солнца и звёзд. Ах, какие, всё-таки, здесь ночи...

Яромир обратил внимание, что и люди вокруг выглядели совершенно иначе: бронзовая кожа и неестественно яркие голубые глаза, выступающие из-под плотной светлой ткани, в которую с ног до головы заматывался каждый, от мала до велика.

Он вспомнил, что уже встречал таких, в детстве, когда его старик провожал купеческий караван из Песчаных земель через Темнолесье.

— А вот и я. — Ядвига указала на низкую фигуру в тряпках, которую за собой по улице буквально волокла высокая. — Мы скитались по городу, не в силах найти себе ни места, ни занятия. В тоже время в Солнечногорск бродячие торговцы завезли страшную хворь, прозванную «водяной пневмой» или просто — «водянкой».

— Из-за неё улицы опустели?

Ядвига утвердительно кивнула.

— Раньше народ на рынке всегда толкался за товаром. Отсюда же хворь и разлетелась по городу за считанные дни.

— Как такое возможно? Я никогда не слышал про такую заразу.

— Мы здесь тоже не слышали. — Ядвига мрачно взглянула на Яромира. — Через кашель, как при простуде. За два-три дня легкие заполнялись водой, поднимался жар, и человек задыхался, и лекари понятия не имели, как с этим бороться. В первые три дня водянка забрала добрую треть жителей.

Неожиданно женщина остановилась и закашлялась, подальше оттолкнув от себя девочку.

Она хваталась за грудь, пытаясь сорвать с себя ткань, дать путь воздуху, стараясь вздохнуть, но тщетно.

Женщина дала девочке знак уходить, а сама зашла за пустой прилавок и без чувств рухнула на землю, оставив плачущую девочку стоять одну посреди улицы.

— Матушка моя захворала одной из первых, предоставив меня самой себе. Тогда, голодная и уставшая, но имеющая небольшие знания о лекарственных травах, я пришла в дом одного из лекарей и он, будучи очень добрым человеком, взял меня на обучение. И пока я помогала возиться с больными, то поняла, что хочу посвятить свою жизнь целительству.

Ядвига перелистнула дым дальше.

Под ногами Яромира расстелился вышитый золотом и серебром ковер, а впереди, на

горе подушек, в шелках и золоте, проколаных через кожу рук и лица, сидел мужчина с угольно черной кожей и ухоженной бородой.

Перед ним, приклонив колено, стоял сморщившийся старик, над которым в полный рост возвышалась повзрослевшая Ядвига.

— Только через пять кругов я смогла найти лекарство от водяной пневмы. Всего лишь водоросли Солёного моря. Оказалось, что оно всегда находилось у нас под самым носом.

Ядвига рассмеялась, но Яромир и бровью не повёл.

— Ну да, тебе не понять... — неловко замялась она и тут же продолжила, — Хворь прошла, а меня и моего учителя принял при дворе князь Сурт. Множество кругов после я черпала знания у разных, порой даже колдовских, представителей моего ремесла, книг и древних писаний, но внутри всегда знала, что всё это ни капли не сравнится с тем, чем владела моя бабушка. Тогда-то я твердо решила найти её и закончить своё обучение. Долго, по зернышку, собирала вести о восточных землях, пока однажды не услышала быль об удивительной знахарке из Темнолесья.

Ядвига в последний раз махнула рукой, и дым рассеялся, вернув их обратно в её избу.

Она помогла Яромиру вернуться на лежак, и сама села рядом.

— И я уехала из Солнечногорска, не сказав никому ни слова. Опрометчиво — да! Безрассудно — ещё как! Вот только я знала, что моя судьба здесь. Добраться в эти края оказалось той ещё задачкой, а найти нужную деревню и тем более скрытый среди болот двор — ещё сложнее. Бабушка вела меня, но мой путь занял слишком много времени, и когда я добралась, то оказалось уже слишком поздно.

Слезы вновь покатались по щекам Ядвиги.

— Когда я её повстречал, то она казалась мне живее всех живых. — Яромир приобнял Ядвигу за плечи.

— Возможно, но всё, что я нашла, только вот: её сумка и старая, трухлявая изба.

— Так мы сейчас где: на болотах или в деревне? Совсем запутала...

— Глупый, — усмехнулась Ядвига. — В деревне конечно же. Я как нашла, что искала, то решила обратно в Солнечногорск вернуться, поэтому зашла в деревню: еды, воды, да скакуна здесь прикупить. Тут же страсть, что творилось: у одного антонов огонь, у другого жаба грудная, а все, кто остался от почечуя маялись. Приспросилась у местных, а здешний лекарь от старости прибрался и теперь из врачей только костоправ и остался, а он как знающий... сам понимаешь! И болячки-то — стары как мир, лечатся как щелчок пальцев. Вот я решила помочь. Меня староста Добромил как родную принял, комнату выделил...

При новости о щедрости вечно скупого старосты брови Яромира непроизвольно вздёрнулись кверху.

— Не ожидала такой доброты. Как прознали, что я лечу, так очередь до самой окраины протянулась. Многие даже по нескольку раз ходили, болячки на ходу придумывая...

— Так оно и понятно, — рассмеялся Яромир, — Я бы тоже к такой красавице старался почаще наведываться!

Щеки Ядвиги слегка покраснели, но она не подала виду и продолжила.

— Ага, только жены их быстро отповадили просто так наведываться. Да и мне уж больно они докучали. Ни ходу, ни проходу от них не было. Я как тут порядок навела, то в путь собралась, как уже на пороге, чуть ли не на коленях, ко мне приползли...

— Дай угадаю, — с ухмылкой перебил Яромир, медленно поглаживая её по плечам. — Рознег и Добромил?

— Они самые. Сторожила и этот, второй — усатый который. Смешной такой! — засмеялась Ядвига. — Ну, так они и уговорили меня остаться. По просьбе моей даже все хозяйство бабушкино в деревню приволокли, да в порядок привели. Погляди на избу, как новая!

— И тебе совсем не хочется обратно в тёплое Темноводье вернуться, в палаты княжеские, пить вина, носить дорогие ткани? Тут же глушь полнейшая, деревня...

— И на Суртовы запоры, да мужскую слабость каждый день смотреть? Нет уж, премного благодарствую. Не это моя судьба... А здесь мне рады, меня любят. Тут тихо и спокойно. Я у них и травница, и целительница, и повитуха, и шептунья. Моё слово вес имеет, а это уже многое значит... Мне кажется, что я нашла своё место.

— А ты над всеми так же щебечешь, как надо мной? — Яромир медленно поднялся от её плеч к голове, запустив пальцы в мягкие, нежные волосы.

— Начнем с того, что ты первый, за очень долгое время, кого ко мне в таком виде доставили, а я такая, что буду даже за самого безнадежного бороться, кем бы ты там ни был. На счет тебя... нутро мое женское чувствует, что нужна я тебе, а ты мне, но об этом потом... Заболтала я тебя! — покрасневшая Ядвига встала и поправила обтянувшую тело сорочку. — Сейчас пора отдыхать. Я сделаю для тебя настойку из пустырника, чтобы лучше спалось.

Яромир улыбнулся ей и молча кивнул.

Он ощущал к ней непреодолимое влечение. Неожиданно для себя он понял, что хочет быть с ней...

Непривычно смущенная Ядвига протянула Яромиру настойку, от действия которой он тут же провалился в сон.

На утро Яромир чувствовал себя намного лучше и с помощью Ядвиги смог встать и выйти на улицу.

Яркое солнце больно резало глаза, отчего Яромиру потребовалось время, чтобы привыкнуть к его свету.

К его удивлению, деревенские весьма похоже собрали бабушкино подворье. Баня, сарай, колодец и дровяник находились строго на своих местах, даже петух точно так же носился по двору за громко кудахчущими курицами.

Яромир вспомнил про неприятного черного кота, но пробежавшись взглядом по ограде, с большим облегчением не обнаружил никаких следов его присутствия.

Не только Ядвиге удалось удивить Яромира.

На вечерней перевязке она обнаружила, что большинство из его оставшихся ран покрылись коркой, а утром они уже полностью сняли практически все повязки.

За ужином, Яромир решил поделиться и своей историей.

Ядвига слушала его внимательно и большим интересом, от начала до конца не проронив ни слова.

Как только Яромир закончил, она некоторое время всматривалась в пустоту, после чего встала и принялась с задумчивым видом бродить по комнате.

— Надо же, настоящий Славич... — пробурчала она под нос. — Да еще и брат княжеский... Вот так дела! Зато это многое ставит на свои места!

Ядвига села за стол на против Яромира.

— Теперь у меня больше вопросов, чем ответов.

— У самого не меньше... — Яромир тяжело вздохнул и подпёр голову рукой.

— Может это твой старик извёл мою бабуку?

— Может, все-таки, прошло слишком много зим, и она превратилась в злобную, хитрую каргу и, в конце концов, уже от старости коней двинула?!

— Как будто ты старого хрыча знал, как свои пять пальцев?!

— То-то же, ведь оказалось, что я совсем его не знал! — Яромир стукнул кулаком по столу, но заметив проскочившую искру в глазах Ядвиги, постарался смягчить тон. — Надо же... Ругаемся, будто сто зим женаты...

— Ты прав. — ухмыльнулась Ядвига. — Тоже такое чувство...

Они замолчали и неловко уставились в стол, каждый погрузившись в свои мысли.

— Как думаешь, — Яромир размеренно выстукивал пальцами по столешнице. — все эти былины про Тот и Этот мир, про Сварога и Чернобога правдивы?

— От начала до конца. — сухо ответила Ядвига. — Более того, ты не первый Славич, которого я встречаю.

Яромир поднял на неё вопросительный взгляд.

— В Бел-городе, незадолго до моего отъезда, воеводил богатырь Добрыня Миронович — тоже прямой потомок Славомира! Правда, сгинул без вести.

— Хочешь сказать, что мы с братом не последние богатыри?

— Да куда там, — усмехнулась Ядвига. — За свою жизнь Славомир множество отпрысков оставил, пойдись теперь всех сыщи. Земля-то далеко не маленькая... Так что: ни ты первый, ни ты последний, — но что мало вас осталось — это вот да! Мрёте, как мухи.

От новых известий Яромир ещё быстрее и громче забарабанил по столу.

— Думал уже, что дальше?

— Жить, наверное... — после некоторого молчания пожал плечами Яромир. — Только для начала нужно дела закончить. Найду отца, паду пред ним на колени и буду молить о прощении. Больно я ему, по глупости своей неразумной сделал. Нельзя это так оставлять. Не будет мне покоя, понимаешь? Я должен знать всю правду.

— Понимаю. — Ядвига нежно положила ладони на руки Яромира. — Что бы не произошло, знай — я с тобой и жду тебя дома....

Яромир осторожно сжал её руки, поднёс к губам и горячо поцеловал:

— Я непременно к тебе вернусь.

— Гой еси, Яромир! — с заметным трепетом и нежностью произнесла Ядвига и взглядом указала ему на дверь. — Иди уже!

Он встал из-за стола, накинул вязаный кафтан и, остановившись у дверей, бросил короткий взгляд на Ядвигу. Короткий, но разом говорящий обо всём...

Только Яромир дошёл до калитки, как услышал приближающийся со спины топот лёгких женских ног.

Он обернулся, как совершенно босая Ядвига набросилась на его шею и прижалась к губам в страстном поцелуе.

Теперь всё стало окончательно решено.

— Будь осторожен, мой богатырь, — прошептала она, опешившему от удивления Яромиру. — Всё, ступай...

Яромир в сердцах поцеловал её в ответ, после чего, будто на крыльях, полетел к дому Ермолы.

Жизнь в Трёх дубах текла своим чередом и, с облегчением для себя, Яромир отметил, что война эти места обошла стороной. Даже тут и там выросли новые подворья, что так же не могло не радовать.

Яромир прошел мимо дома Ерёмы, где внутри виднелся яркий свет свечей, но заходить не стал. Не время для гостей...

Неожиданно для самого себя, он свернул в переулочек и вышел к дому Вереи. Любопытство, всё-таки, взяло над ним верх.

Все слова Патши и опасения Яромира подтвердились. Волк не лгал: двери и окна избы заколочены, завалившаяся ограда, и подворье, целиком поросшее высокой травой и крапивой, — здесь уже давно никто не жил и ничего с этим поделать уже было нельзя.

Яромир тяжело вздохнул и, закусив губу, задумчиво направился к конюшням Ермолы.

Глава 19: «Не будет покоя ни тебе, ни всем нам...»

Ещё от соседских дворов Яромир слышал радостные детские крики и смех, от чего ему самому тут же полегчало.

Яромир незаметно подкрался к ограде и облокотился на забор.

Двор Ермолы кипел жизнью.

Сыновья Ермолы и Офелы с криками носились по двору, махая палками, как мечами, воображая себя храбрыми богатырями.

«Хоть бы довелось им держать в руках только палки...» — с грустью подметил Яромир.

К его огромному удивлению, за мальчишками, неуверенно шлёпала, то и дело, спотыкаясь и падая, маленькая девочка с пухлыми щечками, как две капли походившая на Офелу.

За девочкой же, едва слышно бормоча под нос ругательства шла сама Офела, держа в руках глиняный кувшин.

Яромир осторожно кашлянул, от чего она резко обернулась и выронила кувшин из рук, от чего тот разлетелся на осколки и с ног до головы забрызгал пробежавших мимо мальчишек молоком.

— Матушка роца! — воскликнула обомлевшая от неожиданности Офела. — Яромир?! Живой?! Ермола, Ермола!

Заметили его и мальчишки, которые тут же побросали палки и с радостными возгласами бросились обнимать Яромира.

На крики, доносившиеся со двора, из конюшни вывалился чумазый Ермола:

— Слава всем богам! — Ермола подошёл к улыбающемуся во весь рот Яромиру и крепко его обнял. — Дак мы уж думали, всё, брат, хана тебе! Говорил я Ерёме, что знахарка-то и взаправду чудеса творит. Жена, а ну, чего стоишь, накрывай на стол! Гость дорогой пожаловал!

— Ты кого погонять удумал?! — Офела замахнулась на Ермолу платком, но тот тут же запрыгнул за спину Яромира. — И без тебя всё знаю! Так, приберите тут!

Офела дала наказ сыновьям собрать осколки кувшина, фыркнула на мужа и быстрым шагом скрылась в сенях.

— Полно вам..., Ермола, я лишь поблагодарить хотел... — Яромир положил руку на плечо друга. — Успеется ещё...

— От тебя столько зим ни слуху, ни духу, а потом ты сваливаешься нам на голову, отделанный, как кусок мяса... Нет, брат, не приму отказа! Мигом за стол!

Яромир, понимая, что от Ермолы ему уже не отвертеться, вслед за хозяином вошёл в дом, где Офела уже успела накрыть на стол.

Пока Ермола наказывал заметно подростшему Матвею следить за младшими, Офела усадила Яромира на привычное для него место.

Только Ермола расположился за столом, как за ним по пятам на кухню прошлёпала девочка и протянула маленькие ручки отцу, выпрашивая, чтобы тот усадил её на колени.

— Больно хорошенькая у вас дочурка! — Яромир улыбнулся девочке, которая, застенчившись, спряталась за отцовской рубахой.

— Дак то же! — Ермола гордо выпячил грудь. — Краса наша, Марфа!

— Которой уже пора спать! — перебила мужа Офела, взяла трущую глаза Марфу на руки и унесла в другую комнату.

Ермола проводил жену взглядом, нырнул за печку и вытащил оттуда припрятанный им бурдюк.

— Всё так же прячешься, как заяц? — улыбнулся Яромир.

— Как не прятаться? — косясь на дверь, Ермола наполнил кружки медовухой и спрятал бурдюк обратно. — Коль увидит — тут же отберёт, бестия! Ну, за встречу!

Яромир хотел стукнуться кружками, но Ермола лишь покачал головой и залпом осушил свою, показывая другу сделать тоже самое.

— Ну, рассказывай, богатырь. Где тебя черти носили? — заметно повеселевший Ермола хлопнул Яромира по плечу.

— Долгая получится история... — протянул Яромир. — Готовь ещё бурдюк и, скорее всего, даже не один...

Ермоле Яромир рассказывал всё в красках, ничуть не стесняясь в выражениях.

После болотной ведьмы и ссоры со стариком Ермола молча встал, достал всю схороненную медовуху и поставил кружку для Офелы, которая уже уложила детей и вернулась за стол.

При виде заначки мужа она гневно нахмурила брови, но перебивать Яромира не стала. Успеется ещё припомнить...

Когда Яромир дошёл до Слав-города, князя Игоря и жизни в гридне, то Ермола так заслушался, что перелил медовуху, залив весь стол и платье Офелы, за что тут же получил нагоняй мокрой тряпкой.

— Да-а... — задумчиво почесал трёхдневную щетину Ермола. — Вот так, жена..., живём себе, живём и знать не знаем, что всё это время со Славичем якшались. Сын самого Ярослава! Целое княжеское благородие, а мы тут ему черствый хлеб с вонючим салом...

— Брось мне это! — захмелевший Яромир в сердцах хлопнул ладонью по столу, от чего все предметы на нём подскочили. — Ничем от вас я не отличаюсь! Вот, погляди, такие же руки, ага... и ноги! И вообще...

— Дак, теперь, значит, заживём?! — перебил его Ермола, радостно хлопнув его по плечу. — Расскажешь князю в каком гузне наши Три дуба увязли, как всё наладится...

— Не наладится. — хмуро пробурчал Яромир и стыдливо отвёл взгляд в сторону. — Нет у меня больше брата...

Офела, при виде помрачневшего Яромира, встала из-за стола, вышла в сени и вернулась обратно уже с целым бочонком медовухи, от чего глаза Ермолы выпучились, как два перепелиных яйца.

— Что? — фыркнула она на мужа. — Думал, что у тебя одного в загашниках

припрятано? Не видишь, беда у человека! Помоги лучше, а то сидишь, как истукан!

Ермола подскочил к жене, бережно принял бочонок, проворно выдернул пробку и, только пропустив пару кружек в тишине, Яромир смог продолжить.

На лагере Серых волков и резне в Крайней бочонок заметно опустел, а сквозь пелену оконного пузыря уже во всю пробивался тусклый лунный свет.

Яромир закончил рассказ и наступило долгое молчание.

Всё это время Яромир водил пальцем по кромке дубовой кружки, Ермола задумчиво барабанил пальцами по столу, а Офела нервно теребила уголок ситцевого платка.

— Кривжа, Кривжа. — пробурчал Ермола, встал из-за стола и стал медленно ходить из угла в угол. — Плохо, очень плохо... Помнишь его, жена?

— Такого-то попробуй забыть. — Офела продолжала крутить платок, не отрывая испуганного взгляда от стола. — От него так и веяло злом. Скорее, даже смертью...

— И долго он тут прожил? — нервно тряс бочонок Яромир, пытаясь вызволить со дна остатки медовухи.

— Дак, они с Гривой и Патшой ещё, чай, до нас тут поселились.

— Я хорошо помню его, — Яромир заметил, что руки Офелы заметно задрожали, а голос стал холодным и мрачным. — Он любил мучать животных, снимать с них заживо кожу, душить и топить...

— Ой, понапридумываешь сейчас на пьяную голову! — махнул рукой Ермола, закатил глаза и скорчил гримасу.

— И не капли я не вру! — Офела смяла платок в тугой шарик и бросила им в Ермолу. — И что, что мне зим шесть тогда было?! Отцу рассказывала. Он к Гриве ходил, к Рознегу, только всё без толку. Ещё Кривжа других детей бил, душил... и брата своего заставлял на всё это смотреть.

— Дак, это значит у них в крови — смертоубийством заниматься!

— И никто ничего не сделал, после того как Патша...?

Яромир осёкся. Он снова вспомнил большие зеленые глаза Вереи.

— Тут что творилось! — Ермола с напущенной заумностью скрестил руки за спиной, как обычно любил это делать, когда приходилось рассказывать длинные истории. — Эта скотья морда, нажрался до усёру и припёрся к Вассе, только дочку её дома не застал. Тогда, недолго думая, он ей шею так сдавил, что бедняжка вся посинела. Своими глазами видел! Жуть!

— А с дочкой что?

— Дак, этот бухущий в гузно полудурок, вынюхал девчонку, загнал её в лес, где и задрал, как волк! Точно! — вскрикнул Ермола, подскочил из-за стола, с грохотом перевернув стул, за что снова получил от Офелы. — А ну, женщина, держи себя в руках! Дак, всё же сходится! Раз сыновья Гривы — поганые пёсьеморды, то и Грива такой же! Всё, Яромир, сейчас же идём и собираем мужиков — травить срамное отродье!

— Успокойся ты уже, — Офела потянула Ермолу за рубаху, от чего тот не устоял на ногах и повалился на пол. — На себя посмотри, горе воин! У тебя дети и забот полный двор, а нечистью пусть толковый занимается. И вообще, как сказал старшина — ничего ещё не ясно...

— Это как? — Яромир помог Ермолу подняться, а сам подсел поближе к Офеле.

— Мы же и про Вассу не сразу узнали.

— Ну да, — вмешался Ермола. — Сперва, Грива среди ночи притащил старшине что-то

закутанное в кровавую тряпку и держали всё это долго в тайне, пока, всё-таки, не узнали, что это дочка Вассы.

— У Марильки язык, что-то помело. В первый же день всё разбазарила. Я же с ней, сам знаешь, — на короткой ноге.

— Именно что, бабы! Вам пеленать, да кашеварить, а вы нос суёте, куда не следует... — недовольно пробубнил Ермола. — Дак вот, через две ночи уже вся деревня на ушах стояла, но старшина тело так и не показал. Молвит — страсть, какая жуть!

— Когда в дом к Вассе попали, то нашли хозяйку на полу, всю синюшную, и изба вся вверх дном. Представь, красный угол даже осквернили, а лик Велеса так вообще изуродовали.

— Недолго думая, старшина заклеил Патшу, который, на удивление, именно тогда как будто провалился. Всё, как говорится, на лицо...

— И Грива не вступился?

— Провались они все пропадом! Старый пёсьеморд прилюдно бил себя пяткой в грудь, что в смерти девки нет вины Патши.

— А за Вассу?

— За неё, вот, кстати, ни словом не обмолвился.

— Ох, знал же, пень трухлявый, всё знал! — Ермола гневно потряс кулаком.

— Марилька рассказывала, что Рознег потом так орал на Гриву, так орал, что вздёрнет его на позорном суку, если сына не сыщёт и на суд не явит.

— Ага, только мы с мужиками две недели по лесам лазили и всё псу под хвост.

— В исходе, сикарь, как в воду канул, а батька его с того времени в хате засел и люду носа не кажет. Заливает беспробудно!

«Почему Грива так убеждён, что Верею убил не Патша? Что скрывает старшина и зачем Патше сдалась божок? Пожалуй, стоит задать старому оборотню несколько вопросов.»

— К старику не ходили? — заёрзал на стуле Яромир.

— Как ты пропал, так и он. — Офела положила руку на руку заметно взволновавшегося Яромира.

— Старшина каждый день отправлял людей к алтарю Тары с берестой, дак и тут всё без толку.

— Если честно, то это мы тебя, Яромир, хотели за него спросить. Ведь только ты один знаешь, как его найти.

Теперь и Яромир судорожно забарабанил пальцами по столу и задёргал ногой. Внутри зудело нехорошее предчувствие.

— Полно о плохом! — выдохнул он, натянуто улыбнулся Офеле и постарался сменить тему. — Разве ничего хорошего не случилось?

— Ну как сказать, — Ермола почесал начинающую лысеть макушку. — Люди женятся, помирают, рождаются. Как всегда... Тот круг знаешь какая пшеница уродилась?! Все закрома по деревне до отказа забили. Правда в этом аки отшептали. Голодная зима обещается. Купцы как не ходили, так и не ходят, мы уже свыклись. Добромил, вот, даже подушную подать отменил. О, как! Ерёма с Алесей уже почитай второго ждут, знахарка нашептала, что девчонка народится, только придётся им за это чем-то пожертвовать... Брехня в общем!

При даже таком коротком упоминании о Ядвиге, щеки Яромира налились краской.

— Гляди, — Офела игриво толкнула Ермолу в плечо, указывая на Яромира. — А наш

богатырь-то — влюбился!

Яромир покраснел пуще прежнего и постарался побыстрее отвести взгляд в сторону.

— Да-а, — мечтательно протянул Ермола. — Хороша чертовка...

— Ах так, — Офела в сердцах толкнула Ермолу и тот с грохотом повалился на пол. —

Сейчас покажу тебе чертовку!

— Для него же хороша, драгоценная моя! Свет жизни моей! — поспешил оправдаться Ермола, крепко прижавшись к вставшей над ним Офеле. — Не уродилась ещё та, чья краса способна затмить твою, моя ненаглядная!

— Ух, сладоуст несчастный! — пригрозила ему пальцем Офела. — Всё, хватит уже посиделок. Глубокая ночь на дворе.

— А к Ядвиге ты, всё-таки, присмотришься, — прошептал на ухо Яромиру разивший перегаром Ермола. — пока, кто другой не увёл.

Яромир ответил другу коварной улыбкой, по которой Ермола сразу всё понял и поддерживающе похлопал друга по плечу.

— Благодарю, Офела, — Яромир тяжело встал на ноги и качаясь побрёл к двери. — за стол богатый, за приём радушный. Накормили, напоили, но нужно мне дальше топать.

— Далеко собрался?! — Офела подхватила Яромира под руку и усадила на пороге. — Сейчас в сенях тебе постелю. Проспишься и иди, куда глаза глядят! Времена сейчас беспокойные, а тебя только-только на ноги подняли.

Яромир на всю жизнь усвоил, что если Офела что-то решила, то её уже было не переубедить, поэтому он медленно отворил дверь и на карачках выполз на крыльцо.

Разгулявшийся ветер лихо закручивал опавшие желтые листья по двору, от круговорота которых Яромира ещё сильнее мутило.

Благо ночная прохлада быстро приводила в чувства.

Яромир навалился спиной на стену и задумался, вглядываясь в яркую луну на безоблачном небе.

— Не спи красавица, — замёрзнешь! — на крыльцо вышла Офела, потуже укутываясь в шаль из овчины. — Я тебе в сенях постелила. Пойдём.

— Куда идти-то? — с заметной печалью ответил Яромир, не отводя пустого взгляда от ночного светила.

— Вот оно что... — оценивающе подняла бровь Офела, заглянула в сени, сняла с крючка Ермолин армяк и набросила его на Яромира. — Чтоб не озяб! И подвинься! Вижу же, что выговориться хочешь.

Обычно грубый, приказной тон Офелы наполнился лаской и пониманием, от чего Яромиру поначалу стало не по себе, но, увидев в её глазах теплоту и заботу он смог расслабиться.

«Вот где моя настоящая семья...»

Яромир ответил Офеле улыбкой и постарался просунуть руки в рукава армяка, только без её помощи надеть его так и не получилось.

— Ну, выкладывай, недотёпа! — Офела с усмешкой поддернула воротник армяка и села рядом с Яромиром.

— Чем дальше в лес, тем злее волки... — после недолгого молчания пробормотал Яромир. — Я же, как по колдовству, вернулся! С вами так спокойно, так хорошо, но я-то всё равно места себе найти не могу. Понимаешь? Эта старая карга, Патша, милая Верeya, Кривжа, треклятый Слав-город, а с ним и Игорь с марамошкой Мариной! Тьфу!

Он тихо выругался и презренно сплюнул на землю.

— Невзлюбил ты её.

— Полюбишь тут! Ведьма, околдовала брата... Путает его мысли, будто леший в тумане и глаза у неё такие, знаешь, как у кошки, — ненастоящие! Вот ты — веришь в колдовство?

— Тут не поверишь... — подавленно пробубнила Офела. — И так сплошь да рядом нечисть всякая житья мирного не даёт, так ещё и ты заявляешься со своими колдуньями, оборотнями, чудо-камнями, славными князьями и ещё пёс знает чем! Нам тут всем и так много чего досталось. Благо Боги присматривали, прятали от зла, сгинуть не дали. Теперь, вот, гляжу на тебя и вижу, что за тобой это всё по пятам тянется. Не будет спокойствия ни тебе, ни всем нам...

— Тогда я завтра же уйду! — недовольно фыркнул Яромир.

— И далеко ты такой дойдёшь? — язвительно улыбнулась Офела. — Посмотри на себя: сколько веревочке не виться, всё равно её конец домой тебя ведёт. Надеюсь, ты ещё не запамятовал, что мы всё ещё твоя семья? И Ермола правильно тебе нащёптывал, — присмотришь к знахарке. Хоть по ней и видно, что она баба не пальцем деланная, но при этом — добрая и ведающая, хорошей женой станет. Тебе такая ой как нужна! А девочку эту выбрось уже из головы. Чего так зацепился за неё?

Яромир глубоко втянул воздух и с большой печалью выдохнул:

— Не знаю я... — он нервно почесал затылок. — Бывает так: запала в душу и всё тут!

— Разве в Слав-городе других девок не было? — игриво подмигнула Офела и подтолкнула Яромира плечом.

— Да были, чего уж таить... — смущенно улыбаясь ответил Яромир. — В отгульный с Гришкой разве можно было без девок остаться?! Только Верея всё никак из головы не выходила. Она всегда мне казалась такой чистой, доброй и совершенно невинной... Мне она чудилась цветочком, который нужно было оберегать. И я не смог себя сдержать, когда услышал от Патши, что он сделал...

— Эх, молодость! — мечтательно заулыбалась Офела. — Отпусти её. Всё что мог, ты для неё сделал. Отомстил! Теперь Верея в Ином мире, со своей семьёй, плывёт по водам Смородины на украшенной ромашками березовой ладье. Для неё жизнь уже закончилась, а у тебя только-только начинается! Я же видела, когда Ермола про знахарку заговорил, как твои глаза заблестели!

Яромир постарался спрятать от Офелы смущенную улыбку, но всё, что ей было нужно, она уже заметила.

— Да и гори оно всё синим пламенем! — окончательно всё для себя решив, Яромир размашисто стукнул по половым доскам Яромир.

— Вот и славно! — Офела довольно хлопала его по колену. — Что думаешь про старика? Почему он ушёл?

— Не могу знать, — по спине Яромира неожиданно пробежали неприятные мурашки. Он резко переменялся в лице и напрягся. — чувствую только, что всё каким-то образом между собою связано и отец обо всём ведает! Найду его, вымолю прощение, может и расскажет, — кто, кому, кто... Точно, Звезда Сварога!

Яромир вспомнил про амулет Ярослава, пошарил по шее, но, не найдя его на месте, с досадой заключил:

— Видимо с Патшой сгинула... Пёс и с ней тоже! Пропали это княжество, чинство и напущенное геройство! Не знал раньше ни отца и не брата, сейчас и подавно не нужно!

Будь я хоть трижды Сварожьего рода! Одни только напасти от этого! Рос себе сыном отшельника, — им и останусь! Здесь моё место, рядом с вами, рядом с ней... И ненужно мне ни другой жизни, ни другой семьи, кроме вас!

— На этом и окончим! — Офела, опираясь на плечо Яромира, поднялась на ноги. — Теперь — мигом спать!

Яромир покорно кивнул, вошёл в сени, а Офела закрыла за ним двери на крючки.

Глава 20: «Я тоже, начальник, я тоже...»

Дверь избы с грохотом отворилась и через сени на улицу пронеслись громко смеющиеся дети, от шума которых проснулся и Яромир.

Он нехотя протёр глаза и громко, протяжно зевнул. Не выспался, но и позволить себе продолжать валяться он уже не мог. Нужно идти дальше.

Разговор со стариком больше не терпел отлагательств.

Несмотря на все уговоры хозяев задержаться до завтрака, Яромир мягко отказался и поспешил отправиться в чашу Темнолесья.

Он специально пошёл обходным путём, чтобы ненароком не встретить никого из деревенских. Путь так занимал больше времени, зато Яромиру было гораздо спокойнее.

Перед встречей с отцом стоило подготовиться и привести мысли в порядок...

Солнце уже пошло на убыль, когда Яромир остановился перед зарослями боярышника, за которыми начинались владения старика.

Неожиданно для себя Яромир почувствовал лёгкую дрожь в теле и сердце забилось чаще.

Он вспомнил, что точно так же трясся от страха на этом самом месте, когда, будучи ещё зим десяти от роду, он тайком от старика ускользнул из дома и вместе с братьями весь день носился по деревне верхом на свиньях. Только они так заигрались, что Яромир совсем забыл про время и домой вернулся уже ближе к ночи.

Старик тогда не стал браниться, лишь одарил Яромира таким красноречивым взглядом, что тот, от стыда, буквально захотел провалиться на месте и понял, — наказание будет самым что ни на есть суровым. Так и вышло...

«Была — ни была!» — коротко и уверенно выдохнул Яромир, пробираясь через засохшие, колючие ветви боярышника.

Чем ближе он приближался к дому старика, тем сильнее кололо под ребром.

Воздух становился всё тяжелее и так сдавливал грудь, что с каждым шагом дышать становилось всё сложнее и сложнее, а к ногам будто бы привязали пудовые камни, которые мешали идти.

«Смердит...» — Яромир остановился у пригорка, чтобы перевести дух. — «Черное колдовство... Нужно быть наготове.»

Он всем утром ощущал, что впереди ждала ещё невиданная им опасность.

Тропа к калитке поросла необычайно высокой травой, будто старик совсем не ухаживал за подворьем и не покидал дома.

Яромир взволнованно вбежал на верх и замер в исступлении.

Прясла ограды оказались разбросаны и поломаны, уютная полянка со всегда ухоженным подворьем поросла крапивой и дурман травой, а от надворных строений остались лишь редкие обугленные бревна.

«Отец не сам ушёл...» — Яромир неуверенно шагнул вперёд. — «его прогнали... Кто-то

невероятно сильный. Нужно это выяснить!»

Яромир ширил по траве, прощупывая землю и осматривая то, что когда-то было его домом, в надежде найти хоть какие-то следы, но все бестолку. Попадались лишь покрытое толстым слоем сажи искореженное железо, да мелкие обугленные кости. Всё остальное забрал огонь.

Останков и каких-то следов старика, либо нападавших Яромир нигде не нашел, а вот на месте пригона, под завалами пожарища, он наткнулся на гору крупных костей и смятый почерневший колокольчик.

«Вот и Милка...» — с грустью заключил Яромир. — «Так что же тут произошло?!»

Яромир ещё некоторое время топтался по траве, но, поняв, что больше ничего не найти, он нервно заходил по двору, судорожно закусывая губу.

«Тот, кто пришел, хорошо знал отца, поэтому явился неожиданно, со стороны деревни. Тел нет, значит отец не сопротивлялся, либо пришедший был один. Отец бежал? Может его всё же пленили? Нет, не бывать такому! Без кучи жертв бы не обошлось. Он без доброй драки бы не сдался. Даже если он ушёл, то, где мне теперь его искать? Его же даже с чертом на привязи не сыщешь, покуда сам не захочет найтись... Ох, дурья моя голова!» — Яромир в сердцах схватился за оставшееся от бани бревно и метнул его далеко в лес, распугав мирно дремавших там птиц. — «Не я, то всё бы оставалось по-прежнему...! Почему, стоит мне только чего-то коснуться, то всё тут же рушится?!»

Яромир вцепился в чудом нетронутое пожаром бревно предбанника, яростно замахнулся и замер.

Перед его глазами на поросшем мхом дереве проглядывались отчетливые, глубокие борозды, явно оставленные пятью острыми когтями.

— Вот тебе и след. — пробурчал Яромир и бросил бревно на землю. — «Самое время навестить Гриву!»

Яромир насупился и поспешил обратно в деревню. Он остановился на пригорке и последний раз окинул тоскливым взглядом родное подворье:

«Что случилось, то случилось... Слезами не воротишь, но до истины я всё равно доберусь, пусть хоть всю округу перевернуть придётся!»

Яромир спешно смахнул проступившую слезу и быстрым шагом направился к дому старого деревенского охотника.

— Ну, надо же, сам могучий богатырь, славич, жив-живёхонек!

«Ну, Ермола, трепло, ничего доверить нельзя...» — Яромир нехотя остановился, тяжело вздохнул и повернулся к окликнувшему его, сильно осипшему, но всё ещё знакомому голосу старшины Рознега.

— Значит, уже которые сутки ты, обалдуй эдакий, шастаешь по моей земле и прийти, передо мной челом ударить ума не хватило? — неожиданно вынырнувший из переулка старшина Рознег, переваливаясь с ноги на ногу, шёл на встречу Яромиру. — Или ты считаешь, что старшину дозволено держать в неведении? Так знай, что старшина, всё видит, всё слышит и всё знает, даже прежде, чем в твоей голове эта мысль только уродится!

— Гой еси, начальник. — Яромир недовольно почесал затылок и попытался натянуть что-то похожее на улыбку. — Как-то ноги еще не дошли...

— Ноги у него не дошли! — Рознег нахмурил брови и распушил заметно поседевшие

усы. — Как только тебя Ядвига на них поставила, должен был наперво передо мной отчитаться о прибытии, а потом уже расхаживать где ни попадя! Чего так на меня вытаращился? Я же сказал, что всё обо всех знаю! Забота у меня такая, иначе порядку тут никакого не будет! Ну, докладывай, куда твоё княжеское гузно так несётся, что по сторонам ничего не видит?!

— Дела. — холодно ответил Яромир. — Ты меня, старшина, конечно, извини, но я спешу. Как закончу, так сразу к тебе...

Яромир уже отвернулся, как Рознег одернул его за рукав:

— Так тут и ни одно дело без меня не делается. — старшина вплотную подошёл к Яромиру, схватил его за ворот, подтянул к себе и понизил голос. — Что думаешь, столько кругов от вас ни слуху ни духу и я тебя сейчас вот так вот просто отпущу? Нет уж, братец, либо ты сейчас мне всё выложишь, либо можешь выметаться из моей деревни и не оглядываться!

— Ты бы руку-то отпустил, — Яромир так сжал предплечье старшины, что его кисть побелела и он поспешил разжать хватку. — Я уже не тот сопляк, которого можно было во всё носом тыкать, но и ссоры с тобой тоже не ищу, начальник.

— Погляди на него! — удивленный Рознег сделал пару шагов назад, разминая затекшую руку, и оценивающе посмотрел на Яромира. — Умеют же в гридне настоящих мужиков делать! Теперь даже слово своё имеешь?! Это хорошо, хорошо! Будет с тебя толк. Ты только не забывайся: в деревне всё ещё я закон и с кнутом обращаться не разучился, — так что лишний раз не балуй! Спуску не дам!

Старшина улыбнулся и протянул Яромиру руку.

Тот тяжело выдохнул и ответил тем же.

— На самом деле я рад видеть тебя живым и в здравии! — Рознег легко похлопал Яромира по плечу. — Видать, боги услышали наши мольбы и хоть кого-то прислали! Ты к нам насовсем али так...?

— Время покажет. — Яромир неуверенно пожал плечами.

— Ну, покуда ты здесь, то дело к тебе будет. Правда, о нём не прилюдно... Разговор, что ни на есть — сурьёзный! Ты куда топал?

— С Гривой потолковать нужно.

— Грива, Грива..., - задумчиво протянул Рознег, смочил пальцы слюной и разгладил топорщащиеся усы. — Пойдём, провожу тебя. Вдруг опять где заплутаешь?!

Старшина осторожно подтолкнул Яромира в плечо, и они вместе направились в сторону дома старого охотника.

Рознег рассказывал Яромиру о засухе, пьянстве, повсеместном разгильдяйстве и нарастающем недовольстве местных жителей тем, как заправляет делами Добромил, пока они не прошли крайний из деревенских домов, где старшина оборвался на полуслове и замедлил шаг:

— Теперь лишних ушей точно не будет. Можно открыто говорить. — только что бывший веселым и задорным старшина заметно помрачнел. — Скажи мне, богатырь, где тебя носило столько времени?

— То тут, то там..., - Яромир бросил на старшину такой взгляд, по которому тот сразу понял, что и за один вечер обо всём было не рассказать. — Ермола же тебе всё растрепал.

— То — Ермола, а это — ты! Разве старик не рассказывал, что ты славных кровей будешь?

— Откуда бы...

— И то верно. — усмехнулся Рознег. — Старый умел хранить секреты, а их у него — целая телега! И как тебе жизнь княжеская?

— Игорь с первого дня определил меня в гридню, да и мне там было хорошо, — Яромир ностальгически посмотрел на пасмурное небо. — Как в своей тарелке. Воевода Рознег стал мне своего рода отцом, а все эти пиры, подпалатные козни, охота, власть — не по мне...

— Рознег... Знавал я твоего воеводу, в десятке подо мной ходил у Черноводья. Одаренный был не по годам! Не удивлён, что он так высоко взлетел... Ратная служба полна очарования, только для того, кому это дано богами! Вот, посмотри на меня: уже давным-давно как закончил нести дозор, а всё еще не могу сидеть на месте, как другие старики, а ведь за последние пару кругов я стал самым настоящим стариком. — Рознег похлопал себя по отпущенному пивному животу. — Но силушки в руках не поубавилось. Любого в деревне пополам переломлю! Поэтому меня все ещё слушаются, уважают и побаиваются. От этого всё ещё в Трёх дубах и стоит порядок! Кто бы подумал, что именно ты окажешься сыном Ярослава Светлого?! Ох, старик, ох и хитрец...! Чего тебе в гридне не сиделось, раз так любс было?

— Скажем: не сошлись взглядами... — Яромир тяжело выдохнул и отвел взгляд в сторону.

— С твоим-то нравом — не удивительно. — Рознег потрепал Яромира по плечу. — Я так погляжу, облюбовала тебя наша Ядвига, как курица-наседка над тобой порхает, блюдут! Как тебе? Скажи, хороша ж чертовка?!

— Старшина, — резко перебил его Яромир. — ты же явно не о красотах бабских со мной потолковать хотел? Давай на чистоту!

— От, мозговитый какой. У нас таких больно вумных мужиков мало осталось... Старик был, да и тот сгинул...

— Чего-то ты темнишь?

— Да чего, чего — околесица тут у нас какая-то несусветная творится..., а я же за людей радею. Понимаешь? Сейчас такое время, когда людей нужно в ежовых рукавицах держать, что бы все сплочёнными были, а не смугу наводить!

— Ты сейчас про то, что Патша сделал?

— Ох, Ермола... Только никто ничего в деревне толком не знает, и старик твой с концами пропал! У меня уже вон, — старшина указал на несколько оставшихся седых волосков на облысевшей голове. — от переживания все волосы повысыпались!

— Ермола сказал, что ты от всей деревни правду утаиваешь.

— Так как тут не утаивать?! Это же всё по вашей части! Ты только не дергайся и не осуждай раньше времени! Тайну тебе открою, а коли кому разболтаешь — выпорю, понял?!

Яромир улыбнулся и утвердительно кивнул.

— Грива с сыновьями — самые что ни на есть настоящие волколаки.

— Удивил, так удивил! — ехидно протянул Яромир. — И давно ты знаешь?

— С того момента, как Грива поселился в наших краях.

От неожиданной вести Яромир остановился:

— И ты, так радеющий за порядок, зная это, разрешил им своевольно разгуливать по деревне?! Зная, что у тебя среди женщин и детей бродят три хладнокровных неконтролируемых зверя, ты продолжал спокойно спать по ночам!?

— Да, да, да! Только не спеши меня корить! — Рознег махнул на Яромира рукой. — Я и

правда тогда провёл множество бессонных ночей, и ничего бы не случилось, если бы не твой старик... Множество зим назад он взял с Гривы кровавую клятву и сам, своей собственной бородой за них поручился. Старик настоял на том, чтобы мы с Добромилом приняли их в общину. Он говорил, что от них лишь польза большая для деревни будет и защита!

— Отец?! — недоверчиво переспросил Яромир.

— Что, думал старик такой простой?! Ага, щас! Грива и его щенки много кругов тихо и мирно исполняли данное обещание, оберегая наши земли от всякого шального сброда, но только стоило старику пропасть, как все повалилось к чертям собачьим! Грива сам принёс мне её тело, а на нём места целого нет. Девчонку буквально разорвали и насухо обескровили. Я такой страсти в жизнь не видывал! Первым делом я, конечно же, на Патшу подумал. Кто же ещё мог такое сделать? Я, вне себя от гнева, уже готов был всех собак на них спустить, да только Грива буквально рвал на себе волосы и уверял меня, что не его сына это лап дело. Мол, зверь завелся в нашем лесу невиданный доселе и нужно его как можно скорее изловить! Мы сами искали и зверя и шинору Патшу, но тщетно!

— Начинаю понимать, что ты от меня хочешь. — перебил старшину задумавшийся Яромир. — Тебе надо, чтобы я в этом деле разобрался.

— Говорю же, по тебе издали видно, что не дурак! С того момента, как все случилось, Грива стал беспробудно заливать, от чего окончательно потерял нюх, а нам добрый охотник сил нет как нужен... Долго по округе тишь да гладь стояла, а сейчас опять за грибами страшно выйти! По лесам шушера всякая шлындать начала. И, знаешь, чего еще странного заметил? Ни одной черной собаки ни уродилось в округе.

— Не добрый знак!

— И я о том же! Тёмная сила притаилась в наших краях и выжидает. Поэтому, необходимо найти её первыми! Помнится мне, я тебе хату обещал?

Яромир недоверчиво покосился на расплывшегося в улыбке старшину.

— Что? Есть у нас один, как раз свободный стоит, тебя дожидается! Ты тут носом не верти, злыдней повыгоняешь, крышу подлатаешь и живи себе, радуйся! Для тебя ж нечисть погонять, как два пальца обмочить! Ну, будешь новым лесником нашим?! По инструменту тоже голову греть не надо, для тебя всё самое лучшее найдём!

Тем временем они уже прошли полесок и остановились. На самой окраине леса за высоким поросшим мхом тыном их ждал дом Гривы.

Яромир подбоченился и некоторое время молча вглядывался в колышущиеся на ветру разноцветные лепестки анютиных глазок:

— Я согласен. — он протянул руку старшине, и они скрепили договор. — По душе, мне такая работа. Только, на счет хаты: кажется, я уже нашел себе жильё.

Яромир хитро ухмыльнулся и легко хлопнул Рознега по плечу.

— Ах ты, охальник, все-таки охотугал девицу, да?! Вот тебе мужики завидовать-то будут! — Рознег расплылся в широкой улыбке. — Эх, молодость! Когда-то же и я таким был... Не будем за плечо заглядывать, не к чему печаль нагонять.

— Извиняй, начальник, но дальше я один. — Яромир кивнул в сторону дома Гривы.

— Будь осторожен. — слегка взволнованно предостерег Рознег. — Он уже долгое время на люди не показывается. Всё заливает! Мало-ли какую горячку подхватил... Возьмет ещё кинется. Поэтому вот, на!

Рознег протянул Яромиру рукоять охотничьего ножа.

— Нет нужды. — Яромир махнул рукой в знак отказа. — Я лишь побеседовать пришел,

а не кровь проливать, да и запах железа может его разозлить.

— Как знаешь. — старшина засунул нож за пояс. — Я пока пойду, Добромила обрадую. Гой еси, богатырь! Надеюсь, ты знаешь, что делаешь.

— Я тоже, начальник, я тоже...

Яромир дождался, пока Рознег скроется за поворотом, и повернулся к дому Гривы.

Двор охотника находился на самой окраине Темнолесья, на небольшом холме, там, где начиналась глубокая, непроглядная чаща.

Небо окончательно заволочло густыми тучами, нагнетая напряжение в воздухе, и над большим домом кружили, громко каркая, черные вороны.

«В добром уме сюда бы точно никто не пошёл... Ну, была-не была!» — Яромир вдохнул, выдохнул и медленно побрёл на вершину невысокого холма.

Глава 21: «Что, от жути в штаны навалил?!»

Яромир представлял себе дом лесника, как полуразрушенную, ветхую избушку, но на деле она оказалась настоящим укреплением, выложенным из массивных брёвен, с высокими стенами и плоской трехскатной крышей, уходящей глубоко во мрак леса, а огромный частокол вокруг дома делал из него настоящую крепость.

Стоило Яромиру подойти к высокой калитке, из-за забора раздался грозный, хриплый бас:

— Можешь не мяться, я тебя учуял, заходи богатырь!

Яромир потянулся к железной ручке в виде головы волка, но увесистая воротина открылась перед ним сама собой. От удивления он поднял бровь и вошёл во двор, на котором стоял тучный, не выветриваемый смрад перегара.

Поросший длинными седыми патлами Грива, покачиваясь, сидел на большом пне возле дома и держал на колене небольшой дубовый бочонок с неаккуратно приделанной к нему ручкой.

— Чем от тебя так разит, славич. — нетрезво прохрипел Грива и показательно харкнул на землю. — Ты же знаешь, что ты из славичей?

— Знаю, Грива, — спокойно ответил Яромир. — От тебя, знаешь-ли, тоже не сиренью тянет.

— Ха! Старая кровь... а ведь моя такая же старая, как и твоя. — Грива громко захлебнул из кружки. — Значит, Рознег растрепал тебе кто я? Старшина стал слаб и стар..., трясётся, как трусливый щенок, что без его пристального взора я сорвусь и прислал богатыря разделаться со старым волком? Хм... не тут-то было. Я тебе просто так не дамся!

— Я пришел без оружия, Грива, и уж точно не по твою душу.

— А зря. — Грива исподлобья бросил на Яромира звериный взгляд. — По тонкому льду ходишь. Да что же за вонь такая от тебя исходит?!

Грива раздул ноздри и глубоко затынул в них воздух:

— Вот оно что... Смерть, — прорычал он. — Я её узнал... Она за тобой подолом на версту тянется. Зачем пришёл, раз не за моей шкурой?!

— Мне нужны ответы.

— Не лучшего ты, конечно, собеседника выбрал. — Грива с трудом встал и расправил могучие плечи. — Из уважения к твоему старику, проявлю радушие.

Хоть внешне Грива и казался окончательно спившимся стариком, но Яромир чувствовал, что за густой шерстью всё ещё скрываются твёрдые, как камень, мышцы.

Волколак всё ещё был опасен.

Грива отворил дверь в дом:

— Чего встал как столб, заходи. — рыкнул он и скрылся внутри.

«Нужно держать ухо востро!» — Яромир осторожно вошёл следом.

Внутри изба охотника выглядела гораздо больше, чем снаружи, только убранство внутри неё оказалось совершенно скудным, даже по деревенским меркам. Единственное, что могло указать на того, кому принадлежало данное жилище — это стены, плотно завешанные шкурами и головами самых разнообразных зверей и тварей, как из Этого мира, так и из Иного.

Конца комнаты Яромир не видел, так как свет толстой восковой свечи, подвешенной у потолка, покрывал лишь широкий стол и посудный шкаф.

В печи возле двери потрескивали поленья, но тусклого света, пробивающегося из-за заслонки, хватало осветить только бычью голову и рога лешего, прибитые над ней. Что скрывалось дальше в темноте Яромир разглядеть уже не мог.

Грива выволок из темноты полный бочонок и с грохотом водрузил его на стол. Он достал для Яромира вторую кружку и наполнил её до краёв:

— Закрой и садись. — Грива указал Яромиру на пустой стул, а сам тяжело опустился на тот, что стоял рядом. — Потолкуем, коль того хочешь.

— Плохо выглядишь, Грива, — Яромир сел, так, чтобы в любой момент он мог отскочить к выходу. — Изведёт тебя змей окаянный.

— Не тебе меня учить, сопляк! Что мне ещё остается делать?! Мои славные волчата бросили своего старика, а одинокого волока, знаешь-ли, мало что в жизни порадовать может. Эх..., так-ли я их воспитывал? Нет! — Грива гневно ударил кулаком по столу. — Я всего лишь хотел для них тихой, мирной жизни, чтобы они завели свою стаю, жили, как все, и бед не знали. Ладно старшой, у него с детства шило в задку, но Патша-то... Сдалась ему эта анта?!

— Что значит «анта»?

— Он не научил тебя древнему слову? — удивленно фыркнул Грива и прихлебнул из кружки. — Анта — баба. Ант — мужик, человек. Асс — бог, а мы — волкулаки или проще — волоки.

— Век живи, век учись. — ухмыльнулся Яромир. — Давай к делу: Патша Верену убил?

— Нет! — Грива так резко дернулся, что Яромир едва удержал стол на месте. — Не слушай межеумка Рознега, брехня всё это! Волок если выбрал зазнобу, то до самой смерти останется ей верен. Сын полюбил эту девочку, души в ней не чаял, дурень! Ты его не знал, а он ведь кроткий был, послушный, добрый. Без причины лапу ни на кого не поднимет, а за своё будет грызть до смерти!

— Тогда кто её убил?

— Не знаю я! Кто-то черный! В тот день сердце неистово металось в груди. Я всё не мог найти себе места: сын никак не выходил из головы. Тогда я пошёл по его следу, нутром чуял, что должен его уберечь, но не успел... Он уже переломил шею этой вертихвостки Вассы. Дело скверное, но за неё я бы взял ответ перед старшиной. Старому волку уже нечего терять. Патша же ещё совсем щенок... Какой волок не захочет для своего последыша мирного неба, доброй охоты и сытого стола?! Будь то волок, человек, да любая другая тварь разумная — любой может сойти с правильной дороги, но это ещё не значит, что его тут же нужно забивать камнями и палками! По себе знаю, да и вы, анты, почему-то со своим братом так не

поступаете... Сына, всё же, учуял и продолжал следовать за ним. Бедный, бедный мой волчонок..., он нашёл девочку первым. Горечь утраты и хмель помутили рассудок, и он сбежал..., но только не Патша её убил. Запах по округе стоял чужой, злой и когти на наши похожи, но не наши! Что-то пострашнее нашего брата в этих лесах завелось и признаюсь, — даже на меня это нечто жуть наводит! — Грива залпом осушил кружку. — Куда старик скрылся?

— Это, как раз, я у тебя хотел спросить! У нас с ним тоже как-то всё не сложилось...

— Ар-рх, последыши... всё у вас вечно не так! — прорычал Грива и, встав из-за стола, медленно стал ходить из угла в угол. — Пару зим назад, как раз в ночь опосля Купала, чащу залило рыжее зарево. Мне всегда думалось, что я знаю в Темнолесье каждую сосну, каждую норку, но этот двор... От него никогда не доносилось ни скрежета мышей, ни вони дерьма. Любой шорох, любой малейший запах и я за версту бы учуял... Хитрец, Он спрятал свой дом сразу и здесь, и нигде, поэтому вас никто никогда не мог найти, только не в этот раз. Там, на пожарище, едкая гарь смешалась со сладким запахом крови от расшвырянных по земле опшётков скота. Знаешь, богатырь, время волока может разменять и сотню кругов, так что мне многое довелось повидать, да только такого зверства, такого морового пламени, — не встречал. От дикости подхода к терзанию скотины, даже у меня вздыбилась шкура. Да..., что девку подрало, пришло и за ним! Там, где нашли её и здесь, — я чуял один и тот же запах: пустоты, холода и скомканной ярости. Он никуда не вёл, но заставлял чувствовать присутствие чего-то могущественного, черного и по-настоящему злого.

— Ты так радеешь за своих детей, твердишь, что они чуть-ли не нежные, как аленькие цветочки, хотя на деле — ничегошеньки о них не знаешь...

— Как будто ты мне можешь что-то за них поведать?! — Грива оперся кулаками на стол, наклонился к Яромиру и принялся. — А-а-а, теперь чую... Ты их встречал?! Выкладывай, славич, скорее, покуда я не разозлился!

— Жути будешь на деревенских простаков нагонять. — Яромир показательно сделал несколько глубоких глотков. — Я тебя не страшусь!

Напитком оказалась травяная брага, весьма приятная на вкус. Старый охотник явно знал толк в хорошей выпивке.

— Твои такие замечательные сыновья, Грива, любезно оставили мне вот это на память, — Яромир оголил тело, сплошь прокрытое едва затянувшимися толстыми рубцами.

Грива нервно захрипел и медленно опустился на стул.

— Слушаю тебя, богатырь, очень внимательно слушаю.

Яромир очень подробно поведал о разбойной княжеской службе Кривжи и Патши.

Грива не перебивал и молча водил ребрами кружки по столу, только его глаза говорили сами за себя: тревогу сменяла злость, разочарование — гнетущая злоба.

Несмотря на видимое спокойствие Гривы, Яромир чувствовал, что тот в любой момент может потерять над собой контроль...

— Мы встретились, когда они устроили охоту за толстым языком...

Яромир осёкся и задумался.

— Продолжай. — мрачно прохрипел Грива. — Как ты ушёл живым? Что с моими сыновьями?

— Медведь..., меня спас медведь.

Грива неожиданно громко поставил кружку на место и бросил на Яромира полный удивления взгляд:

— Вот как, значит — медведь... — Грива задумчиво запустил крючковатые пальцы в седую бороду. — Дальше.

— По неведомой мне причине, Кривжа ринулся за ним, оставив Патшу добить меня...

Неожиданно руки Яромира затряслись и по спине пробежал неприятный холодок. Он сделал глубокий вдох, выдох и продолжил:

— Я оказался сильнее.

Тут Грива сорвался.

В порыве ярости стол полетел в стену с такой силой, что изба содрогнулась и трофейные головы с грохотом посыпались на пол.

Яромир же мгновенно отскочил к выходу и вооружился стулом. Толкни он дверь и тут же мог оказаться на улице, где больше места для драки, но он лишь продолжал наблюдать за старым волколаком.

«Мне нужны ответы, и я их получу.» — он крепко сдвинул ножки стула. — «Назад дороги нет.»

— Теперь ясно, чем от тебя разит, — глаза Гривы налились кровью и голос совсем перестал походить на человеческий. — мертвым волоком! Ты либо самоуверенный глупец, либо тебе окончательно жить надоело, раз ты сам пришёл ко мне! Только я — не мои щенки и сейчас ты в этом убедишься!

Грива разразился яростным воем. Ткань его рубахи с треском разорвалась и наружу вырвалась длинная серебристая шерсть. Лицо вытянулось в волчью пасть, полную острых зубов, на крючковатых пальцах выросли толстые когти.

— Они стали животными, Грива. — Яромир сделал шаг вперёд, заняв твёрдую позицию. — Нелюди, зверьё, утратили последнюю человечность, жрали невинных женщин и детей! Сам знаешь, что разговор с такими короткий! Им стоило хоть раз попасть в немилость Игоря, как воевода Руевит насадил бы их головы на пики перед Сварожьими воротами, люду на потеху! Так ты их воспитывал?! Такую участь ты для них хотел?!

— Дерзкий щенок! — Грива медленно пошёл на Яромира. — Разорву тебя на части и здесь уже никто тебя не спасёт!

— Да, ну попробуй?!

Грива бросился стремительно.

Яромир увернулся от рассекающей воздух лапы и увесисто приложился стулом. Дерево с треском разлетелось в щепки, а Грива кубарем откатился в стоящий в углу шкаф.

Яромир подскочил следом и замахнулся для удара, но Грива тут его опередил. Он поймал кулак налету и свободной лапой схватил Яромира за плечо.

Он действительно оказался гораздо сильнее Яромира.

Грива с легкостью пушинки подкинул Яромира в потолок и с силой опустил на пол.

Яромир почувствовал, как затрещали кости, перехватило дыхание, но он и не думал сдаваться.

В одно движение перекатился на бок, потянул Гриву за лапу и лбом врезался в его челюсть.

Пасть звонко щелкнула, волколак заскулил и отскочил в темноту.

Свеча раскачивалась из стороны в сторону, от чего Яромира замутило и он поспешил придержать её на месте.

Из глубины комнаты доносилось тяжелое, хрипящее дыхание.

Неожиданно свеча потухла. Яромир понял, что оказался совершенно беззащитен.

Когти быстро заскрежетали по полу и Яромир бросился к двери, но не успел: серебро шерсти блеснуло в огоньках печи, пронеслось мимо и перегородило выход.

Яромир инстинктивно отскочил назад. Грива последовал за ним.

Он схватил Яромира за плечи и придавил его к шестoku печи.

В кроваво-красные глаза пылали яростью, из воняющей перегаром пасти струилась склизкая слюна.

Яромир пытался вырваться, но его сил оказалось недостаточно, чтобы совладать со старым волколаком.

Из-за своей самонадеянности Яромир снова оказался побежденным, только в этот раз он уже не был готов к смерти...

Грива вновь разразился оглушительным воем, но вместо того, чтобы впиться зубами в шею Яромира, он крепко прижал его к своей груди и на морде седого волколака заблестели слёзы.

Он отпустил Яромира и в комнате воцарилась тишина.

Ошеломленный и недоумевающий Яромир сидел не шевелясь, пока комната вновь не залилась светом свечи.

Уже не устрашающий серебристый волк, а обросший густой сединой старик протягивал ему руку:

— Не могу я лишить тебя жизни, славич, как бы сильно этого не желал! — Грива печально смотрел на Яромира покрасневшими от слёз глазами. — Поганая кровавая клятва... Что, от жути в штаны навалил?! Поднимайся, продолжим разговор!

Яромир, хоть и недоверчиво, но принял предложение Гривы.

Грива указал ему поставить на место стол, а сам вынес из темноты две потёртые табуретки.

— Корю себя, — нарушил недолгое молчание Грива. — что вышел плохим родителем, да детей своих королюбах. Не ведают они, что творят... Уже почти как тридцать кругов назад мы бежали в эти края с Волчьих полей. Невиданное войско антов пришло с северо-востока.

— Воевода Руевит часто вспоминал об этом.

— Да, Руевит, — скрежеща зубами, прорычал Грива. — в одиночку вышел с нашим вожаком, Поганым Рыком, и легко одолел его. Могучий воин, ночной страх каждого выжившего волкулака! Анты кололи нас копьями, жгли огнём, загоняли в хитрые ловушки и засыпали горящими стрелами... Мы с женой, как и множество других, вели оседлую жизнь: растили скот, пахали землю — только ваш брат не щадил никого! Вопреки всеобщим домыслам антов о нашей дикости мы — волкодлаки даже более человечны, чем они сами! Из-за слабости и трусости, анты делали с нами тоже, что когда-то и с ассами — безжалостно истребляли, несмотря на множество попыток нашего народа наладить границы и жить в мире!

— Как люди смогли победить богов? Бога ведь может убить только бог, не так ли было при Великой Ассе?

— Хоть что-то ты да знаешь, — ухмыльнулся Грива. — Каждой хоть немного мыслящей твари известно, что хитрости, коварству и находчивости антов нет краёв, настолько, что даже могучие ассы не смогли им противостоять! Как муравьи, вы плодитесь и истребляете вокруг всё, что больше, сильнее или умнее вас, даже друг друга и только поэтому вы захватили власть и в Этом мире.

— Почему ты пришёл именно сюда и причём тут мой отец?

— Когда войско дошло и до нашего порога, то мы старались бежать, но в ущелье Талых вод угодили в западню... Жена, как и все остальные, сгорели в чёрном огне. Я, хоть и истыканный стрелами, как ёж, смог увести детей. Мы не хотели здесь оседать, шли дальше, на восток, но, только переступили границы Темнолесья, как явился Он и предложил работу, кров и защиту.

— Ты так говоришь об отце... Кто он такой?

Грива бросил на Яромира гневный взгляд и заметно замялся:

— Хочу сказать, но не могу! Клятва поганая язык вяжет! Придёт время, сам всё узнаешь...

Яромир расстроено выдохнул:

— Опять одни тайны, как же я от этого всего устал... — он облокотился на стол и нервно почесал затылок. — Что с Кривжей не так?

— С рождения Кривжа отличался своенравием и жестокостью. Такие, как он, становились вожаками. Уверен, что сын смог бы вновь объединить всё волчье племя под своим началом...! Патша ещё даже не умел ползать, когда началась травля, зато Кривжа довелось увидеть всё. Именно тогда он возненавидел антов и меня — за то, что я смог их простить. Он боялся, что придут и за нами. В каждом анте видел врага, убийцу и, в конце концов, совершил черное таинство, пустил в своё сердце дух Волха — дух зверя. Я всё видел и должен был прекратить это еще тогда, но я любил его..., и до сих пор продолжаю любить. Мы поссорились и Кривжа ушёл. Пытался он забрать и Патшу, только я не позволил! Понимаю я и Патшу: в горе и отчаянии он ничего больше не смог придумать, как спрятаться под крылом брата, а тот лишь поселил свою отраву в его сердце... За это — нет Кривже прощения. Тебя я тоже понимаю, богатырь, каждый из нас бы всеми силами боролся за жизнь, но простить не могу.

Яромир понимающе кивнул, а Грива замолчал и задумался.

— Запомни: Кривжа обязательно будет мстить и, рано или поздно, он найдёт тебя. Он не сможет спокойно жить, пока не сожрёт твоё сердце. Как бы тяжело мне не было это говорить, но ты должен будешь сделать то, что не смогу я: вырви его черное сердце из груди, придай его огню — только так ты сможешь покончить с ним. Так ты исправишь мою ошибку. Он хорошо тебя воспитал, славич, и не мне вмешиваться в твой путь. Ты смел и силен духом, — я это уважаю, только один мой сын мёртв, а второй — пёс знает где... Мне больше нечего делать в этих краях. Теперь всё это — твоя забота. — Грива поднялся со стула и указал Яромиру на выход. — Довольно, ступай, в этих стенах и так уже слишком много было сказано.

Яромир, поняв, что больше он ничего от седого волколака не добьётся, направился к выходу.

— Прощения просить не буду, но знай, что мне глубоко жаль, что все так сложилось. Будь здоров, старый волкулак.

— Гой еси, богатырь! — сухо ответил ему Грива, продолжая указывать на выход.

Яромир повернулся на пятках и уже почти дошел до ограды, когда его окликнул вышедший на крыльцо Грива:

— Эй, славич!

Яромир остановился и оглянулся.

— Спасибо тебе за правду, хоть и горькую!

Яромир коротко кивнул в ответ и захлопнул за собой калитку.